Тим 3-2
2-741

БИБЛІОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ LIII

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ

ЗАТУМАНИВШІЙСЯ МІРЪ

UN. NAT. RUSSE. LIÉGE
BIBLIOTHÈQUE
3, Rue des Chiroux, 3
Catalogué sous le n° 1574

Фонд Русской Зарубежной Книги
НТС и "Посев"
им. А. П. Тимофеева

Отдел литературы русского зарубежья

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1 9 2 9

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ"
Рига, Петроцерковная площадь 25-27.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
4527-06

I.

Чудесная власть.

О потрясающей, о божественной красотѣ словесной музыки, о волшебныхъ украшеніяхъ литературной рѣчи, о пышности ея орнаментовъ, о ея сладкой ворожбѣ, о власти ея мощныхъ гуловъ, о ея золотыхъ звонахъ, о величавой гордости расфранченныхъ фразъ, о райскихъ чудесахъ литературнаго искусства, объ этой лѣстницѣ Іакова, соединяющей землю съ небомъ, о сказочномъ царствѣ, населенномъ владычествующими образами, о благоуханномъ аристократизмѣ драгоцѣнныхъ бездѣлушекъ затосковала и возрадовалась моя взыскующая душа, взволновался слухъ и замечталась память, склонившись надъ этой бѣлой мраморной плитой, надъ этой книгой прекраснаго автора, чье рожденіе отдѣлено отъ нашихъ измученныхъ дней пестрымъ летомъ цѣлаго вѣка.

Я вспомнилъ, что недавно исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія „Донъ-Жуана фразы“, Поль де Сенъ-Виктора.

— Когда я читаю Сенъ-Виктора, я надѣваю синіе очки, чтобы не ослѣпнуть, — сказалъ Ламартинъ.

Какое превосходное опредѣленіе! Только о восхитительномъ можно писать съ восхищеньемъ. Только сверкающій авторъ рождаетъ сверканіе критика. Вдохновен-

ность создаетъ вдохновеніе. Это самая таинственная и плѣнительная зараза. Восхищаться значитъ восхищать. И всѣ, прикасавшіеся къ этому Донъ-Жуану фразы, невольно становились ея пламенными любовниками, ея рыцарями и соперниками. Разбуженная ею, вставала острая и сладкая ревность. Какъ мечи, оттачивались перья, слетали изысканнѣйшія слова, откуда-то падали ослѣпительныя сравненія и становясь рядомъ съ чудеснымъ стилистомъ, его читатель, его поклонники, его цѣнители выпрямлялись, позировали, облачались въ царственные плащи, окрылялись и выростали. Сенъ-Бевъ писалъ:

„Стиль Сенъ-Виктора — золотая чаша: все, что онъ ни нальетъ въ нее, становится сверкающимъ".

Въ этомъ сліяніи писателя съ читателемъ, въ этомъ странномъ гипнозѣ и великолѣпной загадкѣ скрытъ секретъ сложныхъ отношеній воспринимающей толпы къ творящему герою.

Конечно, главная и счастливая задача критики всегда будетъ стремиться къ разгадкѣ авторской личности. Это законно и понятно. Это серьезно, возвышенно и трудно. Но въ тѣни и небреженіи глохнетъ огромная и любопытнѣйшая область изслѣдованія читательской души.

Великій грѣхъ!

Эта душа тоже творитъ. Она разнообразна въ своихъ привязанностяхъ и она надѣлена непобѣдимымъ инстинктомъ, силой непереубѣдимыхъ притяженій и отталкиваній. Когда-то Эмиль Фагэ пробовалъ объяснить, какъ читать и хотѣлъ разгадать читательскую психологію. Ему казалось, что читатель, признающій только повѣсти, и въ особенности любитель Ал. Дюма, долженъ быть бездѣятельнымъ, лѣнивымъ, не умѣющимъ разбираться ни въ себѣ, ни въ другихъ, лишеннымъ широкой умственной

жизни. Читатель реалистическихъ романовъ представлялся Эмилю Фагэ прямымъ, положительнымъ и не всегда добрымъ, какъ читатель поэтовъ, по его мнѣнію, долженъ быть непремѣнно стихотворцемъ.

Можетъ быть, Фагэ правъ. Въ этихъ тонкихъ и полуясныхъ контурахъ чуются черты живыхъ лицъ. Все же это — темный коридоръ. Въ этой читательской толпѣ Фагэ пробирается съ большимъ трудомъ. Я не послѣдовалъ бы за нимъ.

Иногда мнѣ кажется, что передъ каждымъ авторомъ стоятъ два вопроса. Важно, не только кто читаетъ, но и какъ читаетъ. Книга вызываетъ опредѣленное отношеніе. Она измѣняетъ выраженія лица, — освѣщаетъ его улыбкой, омрачаетъ гнѣвомъ, напрягаетъ любопытствомъ, поражаетъ неожиданностью, то возбуждаетъ, то утомляетъ, наконецъ, усыпляетъ.

Я думаю, что разныя книги читаются въ разныхъ позахъ.

Есть авторы, которыхъ слушаютъ, развалясь, съ ними не стѣсняются, за ихъ мыслями не слѣдятъ, и не замѣчаютъ ихъ прихода и ухода.

Другихъ читаютъ, сжавъ голову руками, изморщинивъ лобъ, скрежеща зубами, будто поднимая какую-то огромную тяжесть, въ мучительномъ стремленіи проникнуть внутрь этого герметически закупореннаго сосуда. Повѣрьте мнѣ, эта трудность никогда не родитъ любви! Неясность формы — всегда неясность мысли. А кто не ясенъ, тотъ чуждъ.

Есть авторы, которыхъ читаютъ, выпрямившись, почтительно и благоговѣйно. Это книги, исполненныя изящества, глубины и прозрачности. Къ нимъ приступаютъ съ радостными предчувствіями, съ ними бесѣ-

дуютъ, какъ съ благородными наставниками, отъ нихъ не ждутъ обидъ невнятности, ихъ покидаютъ съ тонкой грустью, чтобъ вернуться въ ихъ общество вновь, какъ на самое трепетное и колдующее, незабываемое свиданіе.

Затѣмъ можно назвать писателей, которыхъ читаютъ передъ большимъ скопищемъ, передъ всѣми, передъ многими, и есть такіе, чьи слова произносятся только между двумя, чья душа раскрывается для рѣдкихъ, для понимающихъ, для единственныхъ; чьи книги созданы для отшельническихъ сердецъ.

Эти авторы съ однимъ обожженнымъ краемъ души, укушенные и отравленные змѣинымъ ядомъ единственной, неустранимой идеи, живущіе съ ней, какъ съ неотходящимъ призракомъ. И эти исповѣди читаютъ уже не сидя, не лежа, а молитвенно стоя, въ тишинѣ едва освѣщенной комнаты, какъ въ кельѣ монахъ передъ сіяющимъ видѣніемъ единаго Бога.

Да, потому что иныхъ читаютъ и лежа, въ неповторимой истомѣ всераскрывающейся зѣвоты, этихъ безчисленныхъ авторовъ-потѣшниковъ, военно-обязанныхъ юмористовъ, крѣпостныхъ шутовъ, косноязычныхъ исказителей фабульной красоты, не занимательныхъ заемщиковъ и воровъ нашего постылаго досуга.

Но затерянными одиночками, неразысканнымъ кладомъ, рѣдкимъ цвѣткомъ литературной любви, въ сторонѣ ото всѣхъ, отъ этихъ авторовъ, вызывающихъ то равнодушіе, то презрѣніе, то лѣнь, почтеніе, усталость и благоговѣніе, стоятъ великолѣпные романтики стиля, озаренные мечтой, растревоженные взволнованностью о чудѣ необычайныхъ словесныхъ откровеній. Ихъ немного.

Сенъ-Викторъ только одной стороной своего творчества горитъ въ этомъ огнѣ романтической грезы. Его

замѣчательному одаренію мѣшали злобы дня журнализма, въ цѣпяхъ котораго онъ провелъ свои писательскіе дни. Съ романтизмомъ слова его сковала пылающая, возвышенная, тревожная, влюбленная мысль, искавшая очарованій въ отошедшихъ мірахъ и культурахъ.

Но Донъ-Жуанъ фразы, онъ не былъ ея Донъ-Кихотомъ. Онъ любилъ ее и былъ любимъ ею. Но сюда онъ не принесъ въ жертву ни одной изъ своихъ идейныхъ привязанностей. А ради этой величавѣйшей красоты, ради блеска и королевской пышности можно преступить все и бросить все въ сжигающій огонь этой необузданной страсти, потому что фраза, потому что слово въ этомъ мірѣ должны жить, какъ горная и возвышенная цѣль, сама по себѣ, независимо отъ включенной и втащенной въ нихъ мысли.

Прекрасное всегда безполезно. И если бы ярко раскрашенный, упругій помидоръ не считался вкуснымъ, его давно воспѣли бы поэты. Къ несчастью, кухни создали ему репутацію полезности, и съ этихъ поръ онъ погибъ для искусства. И если бы ландышъ давалъ наваръ, надъ нимъ давно никто не плакалъ бы и его не прикалывали бы къ сердцу, точно такъ же, какъ гордую репутацію лавра давно сгубили наши кухарки, снявъ съ головы побѣдителя и бросивши въ супъ.

Вотъ почему въ русской литературѣ фраза не расцвѣла романтическимъ цвѣтомъ.

Выпряденная изъ суровыхъ нитокъ, плотная парусиновая ткань русской рѣчи, скромно мечтательная русская литературная вышивка, чуждались и боялись великолѣпія, многоцвѣтной яркости, навожденія красокъ. Реалистическая правда повела наше книжное слово въ медленномъ теченіи многоводной рѣки. Но каскадовъ не было.

Пѣли ручьи, но не били фонтаны. Въ безкрайнемъ полѣ горѣли одинокіе костры — костры эпитетовъ, сравненій и тихихъ дальнихъ образовъ. Но вулканы отсутствовали и не извергалось въ своемъ слѣпящемъ великолѣпіи зловѣщее достояніе ихъ безмѣрныхъ огненныхъ утробъ.

Русская литература была цѣнна своей густотой и прочностью. Выросшіе подъ строгимъ солнцемъ, мы были и здѣсь разсчетливы и строги, и жизнь нашихъ книгъ прошла безъ взрывовъ, безнарядная, не пышная, забытая украшеніями, безъ пламени сжигающихъ неистовствъ, безъ пожаровъ словесныхъ страстей.

У насъ не было вакхизма фразы. Мы не сгорали, наслаждаясь на ея медленномъ огнѣ, и читатель не ласкалъ ея прекраснаго тѣла. Даже лучшую изъ книгъ онъ схватывалъ и пожиралъ. Еще В. П. Боткинъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ критиковъ Тургенева, замѣтилъ, что русскій читатель читаетъ „по утиному“: — онъ проглатываетъ сразу. У насъ не было любованія. Фагэ назвалъ бы нашего читателя прямымъ, положительнымъ, но недобрымъ.

Фантазмъ ему былъ чуждъ. Къ самому слову онъ относился скептически. Музыка фразъ поднимала въ немъ глухую вражду, въ его темной гущѣ вырасталъ злой и свирѣпый убійца лебедей. Онъ хотѣлъ правды, точности и, какъ вспугнутый звѣрь боялся отдать себя плѣненію ворожащихъ и несбыточныхъ словъ.

Но въ мірѣ они есть. Слово живетъ на этомъ свѣтѣ, какъ таинственная и самая властная стихія неповторимыхъ обольщеній. И гдѣ оно воскресаетъ —„тамъ все чудо и колдовство: деревья поютъ, вода говоритъ, драгоцѣнные камни любятъ, цвѣты задаютъ загадки, сказочные птицы уносятъ въ клювѣ талисманы пилигримовъ и торбаны купцовъ, наполненные червонцами“.

Такъ говоритъ Сенъ-Викторъ въ своей книжкѣ, которая „горитъ, какъ въ лихорадкѣ, обжигаетъ и трепещетъ“.

II.

О жеманствѣ.

Какъ много значитъ личное впечатлѣніе! Увидишь человѣка, схватишь невольно его скрытую душу, и потомъ, — сколько бы усилій ни прилагалъ, — не можешь отрѣшиться отъ этого видѣнія. Ничто — ни желаніе быть объективнымъ, ни книги человѣка, ни коренныя перемѣны, въ его жизни, ни его умственный, и физическій ростъ, — ничто не можетъ вырвать съ корнемъ того, что было подарено первой встрѣчей. Такъ случилось у меня съ Вѣрой Инберъ.

Я зналъ ее. Тогда она еще была не Инберъ, не замужемъ, дѣвочка изъ зажиточной семьи, дочь богатаго владѣльца одесской типографіи, Шанцера. Вѣра Инберъ — одесситка, а одесситки надѣлены необычайной, почти сверхъестественной мечтательностью. Кромѣ того, въ юности онѣ всѣ отравлены кокетничающей, наивно-изломанной самовлюбленностью, избалованныя дѣти своей бездумной Одессы-мамы.

И когда теперь, спустя много лѣтъ, я читаю у Вѣры Инберъ объ „одномъ южномъ городѣ“, о томъ, что „море неомраченно синѣло“, а у самаго бульвара дома „разступились плавнымъ полукругомъ“ и „греческія лавки пахли фруктами, орѣхами, виномъ и моремъ,

словно лодка контрбандиста", я знаю, что это — Одесса. Да, Вѣра Инберъ — одесситка, способная одесситка, хорошая одесситка, и, главное, буржуазная одесситка.

Свой родной городъ она покинула давно, поселилась въ Москвѣ, вошла въ литературную группу Сельвинскаго, выпустила нѣсколько книгъ, — и очень недурныхъ, — но въ душѣ осталась все той же прежней дѣвушкой съ Пересыпи, самовлюбленнымъ существомъ, холенымъ ребенкомъ, выросшимъ въ богатой семьѣ.

Была она маленькаго роста, съ виду великая скромница, тихая, и, какъ ей самой казалось, грацiозная тѣнь, безплотное существо, оскорбляющееся грубымъ прикосновеніемъ жизни, принцессой, по ошибкѣ не взятой въ живомъ видѣ на небо, непонятая и загадочная крошечная королева. Ея миніатюрность позволяла ей и даже заставляла воображать, что она, мадемуазель Шанцеръ, — безполезная, но прелестная игрушка. Такъ она сама себѣ представлялась. Уже тогда она писала стихи, а въ нихъ увѣряла, что она — не разгаданная и обиженная маркиза, — насколько помню, даже какъ будто не рожденная, или, по капризу судьбы и случая, ошибочно попавшая въ этотъ прозаическій міръ. Такъ она писала, такъ она держалась въ гостяхъ и у себя дома, когда собирались знакомые. Не принимая участія въ разговорахъ, съ подчеркнутымъ, но опять-таки тихимъ и поддѣльнымъ изяществомъ разливала чай, оттопыривъ мизинчикъ, и дѣлала это съ видомъ жертвы, обязанной въ этотъ часъ заниматься такими несносными и вульгарными пустяками. Въ этомъ большомъ домѣ, въ этихъ большихъ комнатахъ она скользила неслышно, какъ мышь,

худенькая, тоненькая, маленькая, блѣдненькая, мечтательная одесситка.

Теперь я читаю ея книги. Конечно, годы дѣлаютъ свое дѣло, и Вѣра Шанцеръ не совсѣмъ та, что была прежде. Кое-что произошло и въ ея жизни. Тогда же, лѣтъ 15 тому назадъ, она вышла замужъ за одесскаго журналиста Натана Инбера, и это былъ удачный выборъ. Натанъ Инберъ тоже былъ маленькаго роста, и тоже изломанный, и тоже съ претензіями на оригинальничанье, и подписывался не Натанъ, а изысканно: „Натъ" Инберъ. А послѣдняя книжка самой Вѣры Инберъ сообщаетъ, что она стала матерью, у нея есть дочка и ее зовутъ Киска. Но, конечно, на Вѣру Инберъ вліяли не только эти событія личной жизни. Ея послѣдній томикъ „Мѣсто подъ солнцемъ" разсказываетъ о томъ, что Вѣра Инберъ испытала съ приходомъ большевиковъ.

Они застали ее въ Одессѣ, т. е., какъ она выражается, — „въ южномъ городѣ". Уходить съ бѣлыми она не захотѣла и стала искать свое мѣсто подъ солнцемъ въ новой совѣтской Россіи, сначала въ Одессѣ, потомъ въ Москвѣ, и найти это мѣсто было очень трудно. Пришлось многое испытать — голодъ, холодъ, совѣтскую службу въ какомъ-то куриномъ отдѣлѣ, дѣлать веревочныя туфли, выступать въ маленькомъ театрикѣ, потомъ напрасно ходить по московскимъ редакціямъ, играть на открытой сценѣ, пока, наконецъ, не былъ принятъ ея разсказъ и дорога опредѣлилась.

Обо всемъ этомъ Вѣра Инберъ разсказываетъ очень искренно, а мѣстами не только искренно, но и хорошо. Но модница осталась въ ней попрежнему, и

до сихъ поръ Вѣра Инберъ „словечка въ простотѣ не скажетъ, — все съ ужимкой“. Все же теперь и она стала понимать, что для передачи серьезнаго и значительнаго „требуются слова настоящія, свѣжія, и точныя“. Она сознается, что такія слова „приходятъ не сразу“, что она „искала ихъ все время“. И, вотъ, я думаю, что это исканіе словъ для Вѣры Инберъ — — настоящее горе и серьезное литературное несчастье. Больше всего, пуще всего она боится простоты. Это понятно. Всякая простота ей должна казаться банальностью, а для изломанныхъ нѣтъ ничего страшнѣе и ужаснѣй, чѣмъ обыкновенность и незамысловатость. Есть люди, никакъ не умѣющіе вообразить себѣ вытянувшуюся змѣю. Такихъ для нихъ не существуетъ. Если змѣя, она должна непремѣнно быть въ кольцахъ и, конечно, извиваться, и лошадь не должна просто бѣгать, — она непремѣнно должна идти на заднихъ ногахъ — дыбомъ, и вообще все должно стоять дыбомъ, — особенно волосы на головѣ читателя.

Вѣра Инберъ одна изъ потерявшихъ вкусъ къ простотѣ и ея чувствованію. Поэтому у нея „вѣтеръ просторовъ и безлюдій трясъ окна за плечи (?)“. Поэтому же у Вѣры Инберъ не обыкновенный оркестръ, а „теплое, гудящее чрево віолончели и прохладное, лебединое горло флейты,“ и „поѣзда возникали, какъ кометы“, а „уходили въ положеные часы, какъ звѣзды“. Вѣра Инберъ манерна. Стремленіе писать такъ, какъ никто не пишетъ, составляетъ единственную ея потребность и, очень можетъ быть, единственное тяготѣніе ея къ литературѣ. Воображаю, что представляли бы ея холсты, если бъ она стала художницей, какая какафонія красокъ была бы разлита по ея картинамъ!

Жеманство, жеманство — вотъ опредѣленіе Вѣры Инберъ, вотъ червь, источающій ея дарованіе. А оно несомнѣнно. У Вѣры Инберъ есть милый юморъ, она наблюдательна, ея птичью душу жизнь заставила задуматься, во многомъ разобраться: изъ раззоренныхъ гнѣздъ вылетаетъ мудрость и страданіе. Такъ должно было случиться и съ Вѣрой Инберъ. Русскія потрясенія не прошли мимо, не пролетѣли даромъ и для нея. Искать свое „мѣсто подъ солнцемъ“ совсѣмъ не входило въ планы и программу жизни маленькой и хрупкой Вѣры Шанцеръ, потому что такое мѣсто для нея. было приготовлено съ самаго дѣтства, правда не подъ солнцемъ, но зато, несомнѣнно, — подъ мягкимъ и ласковымъ свѣтомъ люстры въ гостинной, — еще лучше, — въ будуарѣ.

Совсѣмъ непонятно, какъ, почему, зачѣмъ эта искусственная женщина, самосочиненная „маркиза“ захотѣла остаться въ совѣтскомъ раю. Припоминаю, что одно время говорили, будто Вѣра Шанцеръ приходится довольно близкой родственницей Троцкому и значитъ... Ровно ничего не значитъ, — и не только потому, что Троцкій сейчасъ въ опалѣ, а потому, что у Вѣры Инберъ нѣтъ никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ литературы. А въ этой области уже никто, ничѣмъ и никакъ не можетъ помочь, но и сама Инберъ не дала до сихъ поръ никакого повода для обвиненія ея въ услужливости предъ властью. Это настоящая писательница. Ее можно упрекать въ литературномъ кокетничаніи, въ словесной „ондуляціи“, но и это — отсѣвы и отзвуки буржуазнѣйшихъ изломовъ. Глупость Вѣры Инберъ состоитъ именно въ томъ, что она оригинальничаетъ, а могла бы быть просто оригинальной, искусничаетъ вмѣсто того, чтобы служить искусству.

Модная мастерская Вѣры Инберъ.

О Вѣрѣ Инберъ нельзя судить поверхностно: она совсѣмъ не дилетантка. Это можетъ казаться только съ перваго взгляда.

У нея строгая и точно ограниченная спеціальность. У Вѣры Инберъ свое собственное, настоящее дѣло, притомъ существующее гораздо больше десятилѣтія. А это уже — фирма. Своей спеціальностью она избрала затѣйную профессію: у Вѣры Инберъ — модная мастерская.

Втеченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ она шьетъ модныя платья, но шьетъ ихъ исключительно для куколъ. Среди россійскихъ литературныхъ портнихъ Вѣра Инберъ занимаетъ исключительное мѣсто. Конечно, время коснулось и ея мастерской. Прежде она обшивала кукольныхъ маркизъ, галантныхъ принцессъ, томныхъ, влюбленныхъ пажей. Потомъ вѣкъ измѣнился. Пришли новыя моды. Сейчасъ Вѣра Инберъ одѣваетъ другихъ куколъ: эти куклы — пролетарки.

Вмѣсто фижмъ, кринолиновъ, атласныхъ штанишекъ появились простыя, короткія юбки и передники; вмѣсто большихъ шляпъ на пудренныхъ волосахъ — яркіе, разноцвѣтные платки. Исчезли золотыя туфельки на высокихъ каблукахъ и ноги новой куклы обуты въ дешевый башмакъ. Это ничего не значитъ: и грубую обувь можно сдѣлать живописной, — вѣдь, это не настоящая одежда и настоящіе люди, — это — костюмы для куколъ, чтобъ ими играли въ дѣтской и любовались на витринѣ. Вѣра Инберъ стилизовала тогда. Вѣра Инберъ стилизуетъ теперь. Прежде были неживыя маркизы, сейчасъ не-живыя пролетарки.

Въ кукольномъ царствѣ существуютъ свои законы, свои требованія, своя эстетика. Кукла должна отличаться жеманствомъ, у нея должна быть застывшая поза галантности, здѣсь требуется манерность.

И пока мастерская Вѣры Инберъ имѣла дѣло съ маркизами и кринолинами, съ герцогинями и шлейфами, съ голубымъ бархатомъ пажей, эта нарядность, манерность, жеманность не представляли большихъ затрудненій. Все выходило само собой. Гораздо сложнѣй это мастерство стало теперь, но фирма Вѣры Инберъ не даромъ имѣетъ многолѣтній опытъ и хорошую кліентуру. Свою вывѣску „Modes et robes. M-me Vera“ фирма не посрамила. Правда, она теперь работаетъ съ пролетарками и выпускаетъ тоже пролетарокъ, пришлось измѣнить вывѣску, написать ее по-русски и получилось:

„Модес ет робес Вѣры Инберъ“.

Но основы долголѣтняго дѣла не могутъ измѣниться сразу. Поэтому куклы остаются такими же, какъ и были. Попрежнему въ этой мастерской существуетъ неискоренимое пристрастіе къ цвѣтамъ, красочнымъ тонамъ, внѣшней нарядности. Добиться этого можно

было безъ большихъ усилій. Все, что производила, выпускала, выставляла на своей модной витринѣ Вѣра Инберъ, предназначалось исключительно для кукольной жизни, для ея собственной жизни, для ея собственнаго кукольнаго театра. И куклы остались тѣ же.

У нихъ тѣ же застывшія, пріятныя улыбки, удивленные мертвые глаза, розовыя, неподвижныя губы, фарфоровыя ножки, фарфоровыя, пустыя головки, тряпичное нутро и попугайный голосъ, механически произносящій то, что, по мнѣнію ихъ общей создательницы, Вѣры Инберъ, имъ пристойно выговаривать:

— „Папа! мама! люблю!“

Теперь всѣ эти куклы любятъ совѣтскую власть, подъ папой разумѣютъ Ленина, подъ мамой — Крупскую, подъ тетей Кларой — Цеткину. У Вѣры Инберъ прекрасно сыгравшаяся труппа, и за нее она можетъ быть совершенно спокойна.

Этотъ кукольный театръ, этотъ мертвый фарфоровый міръ окруженъ и соотвѣтствующей природой. И она тоже мертва и декоративна. Вотъ „столѣтняя глицинія, ползущая по навѣсу роняетъ въ бархатное кофе шелковые лепестки“. Вотъ „волна, граненая, какъ стаканъ, взбѣгаетъ на песокъ“. И разсказъ называется тоже жеманно, тоже кокетливо и въ высшей степени изысканно: „Мая“.

Спектакли куколъ тщательно обставлены. Вѣра Инберъ объ этомъ заботится серьезно. Узоръ обоевъ состоитъ обязательно „изъ водяныхъ лилій и розъ“. Бутоны высовываютъ „изъ плотной зеленой шапочки бѣлый язычекъ“, „на полуразвернутомъ листѣ — пышная роза цвѣта заката“, а надъ всей этой роскошью летаетъ „голубая стрекоза“. Но и розы, и бутоны, и

стрекозы не въ поляхъ, а только на обояхъ, на кукольной сценѣ. Такъ происходитъ въ одной пьесѣ („Девятый валъ“).

Но такъ же мертвено подобрана, такъ же ласкаетъ равнодушный взглядъ зрителя бутафорія и въ другой пьесѣ, потому, что и тамъ кукла Зоя, играющая роль жены совѣтскаго чиновника, по ходу кукольнаго дѣйствія, вышиваетъ „шелками на бархатѣ и сукнѣ“, а „изъ цвѣтовъ преобладалъ голубой и розовый“. Вообще же эта Зоя ведетъ себя въ жизни очень непохвально, родилась отъ не-пролетарскихъ родителей, и потому на вышитыхъ подушкахъ „вовсе не было краснаго цвѣта“. И если даже настоящая пролетарка, простая прачка стираетъ бѣлье, то и въ немъ долженъ быть непремѣнно шелковый халатъ, и, конечно, съ дракономъ, экзотическій, японскій халатъ.

Къ этимъ кукольнымъ спектаклямъ никто никогда не предъявлялъ требованій правдивости, естественности или жизненности. Здѣсь цѣнится умильность, игрушечность, — красивость, а не красота. Конечно, куклы не могутъ переживать глубокихъ драмъ, испытывать сильныя ощущенія. Поэтому и весь ихъ репертуаръ, всѣ пьесы Инберъ сосредоточены на пустякахъ, на мелкихъ случаяхъ, ничтожныхъ анекдотахъ, незамысловатыхъ шалостяхъ. Въ мастерской Вѣры Инберъ это тоже — наслѣдіе прошлаго, перешедшее къ куклам-пролетаркамъ отъ куколъ маркизъ.

Не хотите ли познакомиться съ сюжетами кукольныхъ спектаклей? Ихъ всѣ можно передать въ двухъ словахъ.

Пьеса первая. Ночью куклы рвали чужія вишни („Корни и плоды“). Пьеса вторая. Куклы варили

варенье и его опрокинули. („Время абрикосовъ“). Пьеса третья. Кукла, самая простая пролетарка, вышла замужъ за китайца Чи-фу. Это — „Полотно дорогъ“. Вотъ и всѣ драмы. Цѣль достигнута: кукольный спектакль прошелъ забавно, — ничего больше не требуется.

У Вѣры Инберъ мастерская для производства маленькихъ вещей: маленькія куклы въ своихъ маленькихъ цвѣтныхъ костюмахъ, въ подраженіе большимъ, живымъ, настоящимъ людямъ, дѣлаютъ видъ, будто двигаются, сердятся или любятъ. Искусство Вѣры Инберъ — маленькое искусство, и ея кукольный театръ — тоже маленькій, а чтобы ее не обидѣть этимъ опредѣленіемъ, я знаю, какъ исправить мою неловкость: надо сказать не маленькій, а „миніатюрный“. Это звучнѣй. Итакъ, въ этомъ кукольномъ „театрѣ миніатюръ“ играютъ въ дѣтей, взрослыхъ, въ мужей и влюбленныхъ, исполняютъ совсѣмъ такія же роли, что и въ настоящихъ театрахъ. Иногда свой кукольный театръ Вѣра Инберъ хочетъ оживить кукольной сказкой. Тогда она ставитъ феерію. Настоящія живыя дѣти смотрятъ въ настоящихъ театрахъ „Конька-Горбунка“, въ кукольномъ театрѣ при модной мастерской Вѣры Инберъ показываютъ „Сороконожку“. Здѣсь все должно быть особенно миніатюрно.

У Сороконожки
Народились крошки.
Что за восхищенье!
Радость — безъ конца!

Конечно, у сороконожки есть и мужъ, и онъ служитъ, — инберовскій театрикъ, вѣдь, всегда копируетъ подлинный человѣческій театръ, — и у нихъ

. . . стоитъ пригожій
Домъ сороконожій
Сушатся пеленки
Жарится пирогъ!

Но центръ вниманія, главная прелесть не въ пеленкахъ и не въ пирогѣ. Модная мастерская Вѣры Инберъ этими вещами не занимается. Ея спеціальность — одѣвать. Поэтому и исторія сороконожьяго семейства и его драма таятъ свой интересъ въ другомъ. Вмѣстѣ съ самой сороконожкой Вѣры Инберъ и ея мастерская озабочены вопросомъ о калошахъ: для семейства, гдѣ у каждаго члена сорокъ ногъ, ихъ требуется много. Въ этотъ моментъ фирма получаетъ какъ бы оптовый заказъ. Затѣмъ это, опять-таки, очень забавно: подумайте только, какъ это смѣшно! Въ кукольномъ царствѣ это должно произвести потрясающее впечатлѣніе, создать необычайный фуроръ.

Правда, все это только юмористическіе реверансы, словесныя ужимки, литературныя гримаски. Свѣжему человѣку въ мастерской Вѣры Инберъ скучно, какъ въ паноптикумѣ. Нѣтъ свѣжаго воздуха, пахнетъ надушенной трухой, глазъ раздражается отъ зрѣлища этихъ старательныхъ имитацій поддѣльныхъ камней, раскрашенныхъ стеколъ, загримированныхъ мертвецовъ. Въ этомъ искусственномъ мірѣ все не искренно, все дѣланно, все умышленно и неестественно — не кокетство, а кокетничанье, не люди, а игрушки.

Иногда Вѣра Инберъ пробуетъ поставить пьесу въ декораціяхъ и тонахъ юга и, по ея расчету, мы должны увидѣть южное море, южное небо, южную буйность цвѣтеній. Но съ этого юга она принесла только областной провинціализмъ языка и его развязное без-

грамотство. Вотъ почему въ ея кукольномъ театрѣ, нестѣсняясь, говорятъ, что „онъ не задается (!) мечтами“, „листья не толпятся“ (?), что „Порисы нашли большое количество непріятностей“ и т. д. и т. д.

Но и вся Вѣра Инберъ и ея литературная манера тоже провинціальны, и это было тогда, когда на ея вывѣскѣ красовалось: „Modes et robes — m-me Vera“, это осталось и сейчасъ въ ея мастерской, проникшейся вкусомъ и духомъ новаго пролетарскаго заказчика. Но — что дѣлать? — пришла новая пора, явились новыя требованія, новая мода, и развѣ смѣла ею пренебречь модная мастерская?

BIBLIOTHEQUE RUSSE DE LIEGE

Объ Иринѣ Одоевцевой и точкѣ.

Нельзя описывать все, нельзя, надоѣло: надоѣли подробности, надоѣло высовывающееся изъ всѣхъ строкъ, обстоятельно объясняющее, глубокомысленно разсуждающее авторское лицо. Скоро авторовъ будутъ проклинать: уберись, спрячься, уйди! Произойдетъ, какъ въ фильмахъ: чѣмъ меньше словъ, чѣмъ больше дѣйствія, тѣмъ лучше. Такъ называемыя „картины природы“ становятся зеленой скукой, великолѣпнымъ снотворнымъ средствомъ. Разъ солнце, два раза солнце, нельзя ли безъ солнца? Лучше неописанная тьма, чѣмъ описанное созвѣздіе. Впрочемъ, и это не ново: объ экономіи описательныхъ средствъ мечталъ еще Чеховъ. Но и діалоги... Допустимо ли томить читателя полстраничными рацеями героевъ? Все можно сказать въ десяти словахъ. И діалогъ долженъ быть кратокъ. О романахъ съ безконечными разговорами, съ длинными „красотами природы“ скоро будутъ вспоминать, какъ о міровомъ потопѣ, и среди этого воднаго разлива начнутъ съ великимъ трудомъ искать сухое мѣсто, гдѣ можно было бы отдохнуть отъ стрекотанья неутомимыхъ словесныхъ пулеметовъ.

Пора выдавать призы за краткость. Если-бъ это стало обычаемъ, Ирина Одоевцева могла быть увѣнчана по заслугамъ. Она кратка. Ея романъ быстръ. Онъ идетъ безшумно. Его грузъ не отяжеленъ. Рѣзецъ Одоевцевой не вдавливается глубоко, но прочерченыя имъ линіи тверды и прямы. Здѣсь діалоги облегчены. Нигдѣ нѣтъ словесной безмѣрности. Въ своихъ разговорахъ герои молніеносно перекликаются, быстро понимаютъ другъ друга, ихъ слушаешь безъ утомленія.

Какъ хорошо: Ирина Одоевцева любитъ точку! Рѣдкое пристрастіе, трудный путь, цѣнное качество. Пора бы воспѣть точку. Я думаю, что знаковъ „препинанія“ слишкомъ много или слишкомъ мало. Ихъ мало, если они должны выражать нашу мимику и жесты. Ихъ много, если они предназначены олицетворять нашу мысль и отдѣлять мысль отъ мысли, а не огрызки отъ огрызковъ, лоскуты отъ лоскутовъ и обломки отъ обломковъ.

Кстати: какое глупое и тяжкое слово — „препинаніе“. Въ немъ чувствуются связанность, необходимость что-то переступить и преодолѣть, какая-то затруднительность и одышка.

Напрасно смѣются надъ анекдотической гимназисткой: она не знала, поставить запятую или не поставить, и рѣшила поставить, но маленькую. Но всѣ запятыя — маленькія, трусливыя, въ концѣ концовъ ненужныя. Впрочемъ, есть еще худшее: это многоточіе (...). Оно обличаетъ разсыпанность мысли, ея остановку, незнаніе, что дѣлать дальше: съ чего начать и чѣмъ продолжать. Многоточіе — растерянность.

Ужасны эти два знака: вопроса и восклицанія. У авторовъ не должно быть ни того, ни другого. Конечно, въ романѣ одинъ человѣкъ можетъ приказывать другому (знакъ восклицательный) или недоумѣвать (знакъ вопроса). Но самъ авторъ не имѣетъ права ни приказывать, ни удивляться. Ему не нуженъ ни этотъ часовой (!), ни это воплощенное недоумѣніе съ откинутой гусиной шеей (?).

Есть еще одинъ знакъ „препинанія“, постыдный, самый убогій, вороватый и безсильный: это — „кавычки“. У кавычекъ всегда глупое и покорное лицо съ оттопыренными слушающими ушами («—»). Но авторы, но творцы, но сочинители должны не слушать другихъ, а заставлять слушать самихъ себя.

Въ концѣ концовъ, остается прекрасная, завершающая точка, идеальный знакъ, круглый, какъ шаръ и такой же совершенный. Блаженны влюбленные въ него, въ эту точность мыслей, въ строгость формулъ.

Точка трудна. Она многаго требуетъ. Это знакъ сильныхъ. Ирина Одоевцева ею пользуется смѣло и увѣренно. Вотъ почему въ ея фразахъ и книгахъ нѣтъ растянутости, нѣтъ воды, нѣтъ ватныхъ мѣстъ. Всѣ онѣ стянуты въ тугую пружину.

Здѣсь таится постоянная опасность стать тяжелымъ. Но этого нѣтъ. Романъ Ирины Одоевцевой нигдѣ не медлитъ. Читательское вниманіе ни разу не напрягается. Искусное повѣствованіе несетъ и увлекаетъ. Тутъ нѣтъ ни скупости, ни излишествъ. Во всемъ — авторская безбоязненность. Она особенно сильна въ сюжетѣ. Онъ простъ, онъ рискованъ.

Тема — пробужденіе женщины въ едва вызрѣвающей дѣвочкѣ. Во многихъ мѣстахъ тема становится щекотливой. Можно было опасаться за авторскій тактъ. Но страхи напрасны. Нигдѣ не проронено ни-

чего лишняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ все ясно и понятно. Точекъ надъ „і“ нѣтъ. Точки только въ текстѣ. Онѣ отдѣляютъ мысли, отдѣляютъ и связываютъ. Разсказъ плавенъ. Нѣтъ скачковъ. Его темпъ ровенъ.

Не хочется излагать содержаніе. Впрочемъ, это всегда недостижимая задача. Ничего нельзя передать своими словами: изложеніе — преступно. Оно всегда лжетъ. Въ лучшемъ случаѣ — искажаетъ, — выдаетъ свое за чужое. Это подлогъ.

Романъ кончается смертью и проклятіемъ. Старшая сестра Вѣра на исходѣ беременности застаетъ свою младшую сестру Люку съ любимымъ человѣкомъ. Происходитъ катастрофа. Но предательства нѣтъ. У младшей сестры (Люки) только заблужденіе. Она нашла письмо любви къ Вѣрѣ и по-дѣтски сочла его адресованнымъ себѣ. Этимъ просвѣтленъ весь фонъ. Люка предстаетъ почти безгрѣшной.

Вообще Ирина Одоевцева не тяготѣетъ къ мрачнымъ краскамъ. Ея романъ освѣщенъ свѣтлыми лѣтними тонами. Пусть небо сѣетъ дождь, пусть на улицахъ холодно и непріютно — ничего: въ самой стихіи любви, разлитой по этимъ страницамъ, ощущается радостный трепетъ, и о немъ разсказываютъ сны, и предчувствія, и видѣнія, и встрѣчи.

Этихъ настроеній не омрачаютъ ни измѣна Вѣры мужу, ни промелькнувшая трагическимъ призракомъ фигура дамы, и даже вѣсть о ея попыткѣ покончить съ собой не темнитъ свѣтлаго фона ликующей и жадной къ радостямъ молодости.

Нѣтъ тягости въ процессѣ жизни, нѣтъ тяжести въ процессѣ развитія романа. Въ немъ ласковая воздушность.

Ирина Одоевцева не любитъ мелочей. Подробности не наваливаются на нее, и она не взваливаетъ ихъ на наше вниманіе. Оно нигдѣ не отягчено. Почти нѣтъ описаній, но все видно и понятно. Почти нѣтъ ни поясненій, ни разсужденій, но они и ненужны: дѣйствіе краснорѣчивѣй словъ. Нѣтъ толчеи, нѣтъ воды, нѣтъ ступы. Вездѣ — ремарки и реплики. Все кратко: „Звонокъ“. „Вѣра пожимаетъ плечами“. „Подъ короткой вуалькой заплаканные глаза“.

Описаніе ресторана:

„Ресторанъ. Шампанское. Женщины въ свѣтлыхъ вечернихъ платьяхъ.“

Такъ же сжаты діалоги. Строчка — слово:

„— Хорошо тебѣ, Вѣрочка?

„— Хорошо.

„Сонные глаза закрываются.

„— Спи, Люка.

„— Сплю“.

Романъ сжатъ, сдавленъ, стянутъ. Въ то же время онъ нигдѣ не медлитъ, нигдѣ не тянется и не застываетъ. Ни на минуту не ослабляется интересъ, — не ослабляется, но и не подогрѣвается.

Сторонники формальнаго метода должны почувствовать великое разочарованіе. Теорія „тормаженія“ терпитъ самый наглядный крахъ. Это тоже происходитъ отъ любви къ точкѣ. Кто любитъ ее, не любитъ ничего вводнаго, — ни вводныхъ предложеній, ни вводныхъ сценъ, ни вводныхъ эпизодовъ. Чтить точку — значитъ чтить главное: главное предложеніе, главную основную нить романа. Точка сурова: она запрещаетъ разбрасываться. Точка — дисциплина.

И у Ирины Одоевцевой все — въ главномъ, и

путь дѣйствія прямъ. Околицъ нѣтъ. Нѣтъ и хитроумныхъ околичностей.

Эта романистка не боится наскучить. Это — смѣлость. А у смѣлости всегда одна и та же судьба: побѣдить или погибнуть. Одоевцева побѣдила.

Но смѣлость не только въ этой прямизнѣ коренной линіи. Смѣлость Одоевцевой еще и въ большой простотѣ. Не только нѣтъ вычуръ, завитковъ, кренделей и завитушекъ, нѣтъ ни одной искусственной фразы. Совершенно отсутствуетъ литературное щегольство. Въ Иринѣ Одоевцевой живетъ влюбленность въ словесную будничность.

Если въ ней самой таится романтичность, то и она окрашена въ мягкій цвѣтъ: это мечтательность, а не страстность, и романъ ея тоже мечтателенъ. Безъ этой черты самого автора нельзя было создать ни Люку, ни ея сновъ, нельзя было передать еле ощутимыхъ волненій ея впервые пробудившейся къ любви души.

Тутъ предъ Одоевцевой должна была возникнуть очень трудная задача. Написать образъ Люки не легко. Немногимъ удалось бы прослѣдить развитіе подростка, превращающагося въ дѣвушку, зовы пробуждающагося тѣла, безпокойныя мечты, тревожныя сновидѣнія, бурное и стыдливое чувство первой беззавѣтной влюбленности, наконецъ, эту готовность слѣпо отдать себя недозволеннымъ грѣховнымъ ласкамъ. На этомъ пути передъ авторомъ открывалось много опасностей: неловкости, просто грубости, оскорбительной фальши.

Одоевцева обошла эти волчьи ямы, ни разу не поскользнулась, ни въ чемъ не сдѣлала почти ни одной ошибки, не обронила ни одного неосторожнаго

штриха, но и ничего не захотѣла замазывать, приглаживать или смягчать.

Въ этомъ сказалась ея тонкая воспріимчивость. У нея хорошій слухъ къ словамъ, вкусъ въ вещамъ и поступкамъ, вѣрное ощущеніе жизни и ея правды. И въ этой красивой деликатности, конечно, просіяла все та же мечтательность, но здѣсь помогла и еще одна сила, — да, сила, — а такъ какъ не надо никогда бояться словъ, скажемъ прямо: наивность. Въ литературѣ наивность бываетъ счастливой палочкой-выручалочкой, спасительнымъ кругомъ въ самыя опасныя минуты, тогда, когда тянетъ дно. Говорю, конечно, о наивности поэтической, наивности прощающаго и чистаго воспріятія міра.

Эта черта чувствуется въ обрисовкѣ лицъ, въ тайной авторской нѣжности къ героямъ, къ людямъ, къ Вѣрѣ, ея мужу, къ Люкѣ; даже къ Арсенію, этому злодѣю романа, „ангелу смерти“, сыгравшему роковую роль въ Вѣриной судьбѣ. Это неудивительно. Мечтательность всегда идеалистична, поэтическая наивность цѣломудренна.

У Одоевцевой въ душѣ тайно живетъ большая довѣрчивость. Она пишетъ искренно и довѣрчиво; довѣрчиво разсказываетъ вслухъ о томъ, о чемъ въ жизни принято говорить шопотомъ и на ушко; довѣрчиво не хочетъ видѣть грѣха тамъ, гдѣ онъ самъ готовъ кричать о себѣ; довѣрчиво любитъ свою маленькую грѣшницу Люку, довѣрчиво освѣщаетъ ласковыми лучами образъ Владимира Николаевича, несмотря на его не оспоримую вину предъ старѣющей, брошенной имъ женщиной, и все построеніе романа сдѣлано тоже въ пол-

ной довѣрчивости къ простотѣ и ясности неосложненной жизненной схемы.

У Одоевцевой довѣрчивъ языкъ и простъ стиль. Для обрисовки характеровъ и лицъ она употребляетъ очень немногочисленныя средства, но ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы представить и нарисовать себѣ совершенно отчетливо все, о чемъ она говоритъ. Никогда она не осложняетъ психологій, избѣгаетъ таинственности, не запускаетъ руку такъ глубоко, чтобъ стало больно, не выворачиваетъ съ жестокимъ сладострастіемъ душевныхъ потайныхъ кармановъ, не роется, не копается, не пугаетъ, не буравитъ.

Одоевцева какъ будто совсѣмъ не старается, хотя все и всегда производитъ у нея впечатлѣніе щепетильной аккуратности. Это вѣрное слово: Одоевцева аккуратна и щепетильна, и это тоже спасло ее отъ разставленныхъ въ романѣ опасностей.

Одоевцева заинтересовываетъ, поднимаетъ вниманіе безъ напряженія и нажимовъ, любитъ полусвѣтъ больше пожаровъ, не маршируетъ по литературнымъ коврамъ. Ея шагъ мягокъ, чуть слышенъ, ея голосъ не крикливъ, но внятенъ, она не шумитъ крыльями, хотя въ ней есть что-то отъ птицы, тихой, умной и слегка напуганной, — не пугайтесь: напуганность — гостья всѣхъ чуткихъ, не колючихъ душъ. Это рѣдкость: теперь въ модѣ ежи.

Тэффи.

У Тэффи нѣтъ никакой литературной школы, отъ нея не протягивается ни одной нити въ прошлое, совершенно немыслимо указать то или иное вліяніе, и иногда кажется, будто она сѣла за столъ въ одинъ прекрасный, свѣтлый (обязательно свѣтлый!) день и стала писательницей.

Все у нея выходитъ какъ-то легко, просто и безыскуственно. Нѣтъ напряженія, отсутствуетъ старательность, похоже даже на небрежность, но такая небрежность называется непринужденностью. Писательство ей достается будто безъ всякаго труда.

Даже самый талантливый юмористъ иногда непріятенъ. Тяжело смѣяться по заказу, еще тяжелѣе смѣшить. Невольно рождается предубѣжденіе. Этимъ нарочнымъ стараніямъ хочется идти наперекоръ. Насъ веселятъ, а мы готовы плакать, на васъ глядитъ расплывшееся въ улыбку лицо, но на вашемъ — непріязненная гримаса. Съ Тэффи никогда не хохочешь. Ей улыбаешься.

У Тэффи внутренняя сдержанность. Неизмѣнно она чувствуетъ грань, мѣру и степень. Это чуткость аристократической души и, дѣйствительно, въ своихъ внѣшне небрежныхъ миніатюрахъ она предстаетъ исключительно воспитанной. Съ перваго взгляда кажется, будто все у

нея написалось смаху, сразу, безъ думъ и поправокъ, но выкинуть нельзя ничего. У Тэффи чудесный литературный слухъ, оберегающій отъ рискованныхъ излишествъ, неосторожныхъ выраженій, ранящихъ словесныхъ стрѣлъ.

Юморъ вообще — доброта, самое искреннее желаніе радовать другого, но эта привѣтливость смѣха у Тэффи какъ-то особенно мила, пріятна и даже чуть кокетлива.

Смѣхъ всегда человѣченъ. Недаромъ во всемъ мірѣ умѣетъ смѣяться только человѣкъ. У Тэффи эта человѣчность особенная: это женская человѣчность. Даже тогда, когда она чуть-чуть презрительна, когда у нея прищуренъ глазъ, она все-таки остается снисходительной, мягкой и уютной. У Тэффи и фигурируютъ, главнымъ образомъ, женщины.

Онѣ всѣ принадлежатъ къ одному и тому же типу. Это — petites femmes. Если разсказы Тэффи переформировать въ легкія комедіи, — а это не трудно, — ея героинь прелестно сыграла бы, наприм., Грановская. Эти женщины сроднены общими чертами. Ни у одной изъ нихъ нѣтъ ни глубокихъ страстей, ни серьезныхъ потрясеній. Ихъ основной признакъ — жизненная разсѣянность. Онѣ легкомысленны, но не преступны, забавны, но не предосудительны, ихъ легкомысліе производитъ впечатлѣніе шалости, а ихъ измѣны, паденія, ошибки окрашены подкупающей наивностью, поэтому никогда не вызываютъ осужденія, ихъ невольно прощаешь. А чтобы простить, надо только улыбнуться.

Героини Тэффи — безгрѣшныя грѣшницы, и искупающей и примиряющей чертой здѣсь является ихъ прелестная бездумность, милая чепуха ихъ дѣлъ, незамысловатость моралиі, дѣтская простота ихъ логики.

Но въ творчествѣ Тэффи это дѣтское начало вообще

имѣетъ большое значеніе, играетъ огромную роль, чувствуется на каждомъ шагу, и въ этомъ тоже одно изъ очарованій Тэффи, ея образовъ, простоты ея письма, довѣрчивости ея тона.

Юморъ какъ-то невольно сближается съ ребячествомъ. Недаромъ юмористы съ такой любовью отдаются темамъ дѣтскаго міра. Но у Тэффи и тутъ — женское. Ея фавориткн — дѣвочки. Онѣ выходятъ у нея особенно интересными тогда, когда въ нихъ пробуждается намѣчающаяся или зрѣющая женщина. Съ этой точки зрѣнія, любопытно сопоставить маленькую кокетку изъ „Зеленаго Чорта“ хотя бы съ Маркитой, а этимъ заняться совсѣмъ легко: оба разсказа напечатаны въ одной и той же послѣдней книжкѣ.

Маркита — мать. Надя — дѣвочка. У Маркиты уже ребенокъ, а у Нади всего только зеленый чортъ съ серебрянымъ канителевымъ хвостомъ, да и тотъ краденый. Но обѣ — женщины. У той и другой — общая психологія. И Маркита и Надя упоены восхитительной ложью, онѣ во власти чуднаго самообмана, обѣ играютъ роль, и если въ дѣвочкѣ уже чувствуется женское кокетство, то Маркита сама кажется простодушной дѣвочкой. У нихъ не только одни и тѣ же пріемы, одна и та же маска и поза, но и цѣль обѣихъ та же: невѣроятно блеснуть и покорить. Онѣ и кончаютъ одинаково — полнымъ проваломъ, и это опять-таки потому, что и тамъ и тутъ — простодушіе, довѣрчивость и наивность, т. е. снова оно, — дѣтское, ребяческое начало.

Своихъ героинь Тэффи любитъ.

— За что?

Только за ихъ довѣрчивость, — за то, что онѣ сами любятъ людей, жизнь, даже за ихъ невинное, никому не

вредящее себялюбіе. Тэффи сочувствуетъ вообще всѣмъ неприспособленнымъ къ борьбѣ. Ей нравится безпомощность, ее подкупаетъ растерянность. Вотъ почему прежде она сочувствовала Людмилѣ Александровнѣ, запутавшейся въ „сѣтяхъ логики“, ласково улыбалась дамѣ съ „бѣлымъ боа“, напрасно старающейся привести въ порядокъ свои мысли. Вотъ почему теперь она такъ дружественно и сочувственно разсказываетъ о Геддѣ Габлеръ, — она же мадамъ Элизъ Д'Ивановъ, а попросту Ольга, — рвущейся въ заоблачныя страны мечты и необычайно презирающей свою прозаическую профессію модистки. Вотъ почему Тэффи любитъ и Дэзи, тоже мечтательницу, фантазерку и бездѣльницу. И во всемъ этомъ сказывается жалостливость, — мотивъ, такъ часто звучащій въ этихъ разсказахъ, цѣликомъ наполняющій „Два“, прокрадывающійся въ душу одинаково ребенка, какъ и рестораннаго пса: оба обидѣли, оба сознали это, оба искупили свою вину.

Тутъ мы подходимъ къ одному интересному опредѣленію. Ничто такъ не властвуетъ надъ сердцемъ Тэффи, какъ великодушіе. Въ эту черту Тэффи влюблена. Нигдѣ она не говоритъ прямо о героизмѣ, но она всегда плѣнена именно и только героизмомъ. Неважны его формы, не имѣютъ значенія его размѣры, — привлекательны и обаятельны сама красивая сущность человѣческаго духа, порывъ и безбоязненность, — все равно, какая.

Быть можетъ, и всѣхъ своихъ героинь она любитъ только потому, что онѣ бездумны и уже по одному этому безстрашны, легкомысленны и, слѣдовательно, добры, слегка экспансивны и потому смѣлы. Естественно, что въ своемъ тайномъ преклоненіи предъ великодушіемъ и смѣлостью Тэффи неизбѣжно должна чуждаться малодушія, презирать узость, ненавидѣть трусость, неслышно, но зло клеймить заячью душу скупца Петра Ивановича („Житіе Петра Ивановича“), съ брезгливымъ отвращеніемъ смотрѣть на желчную ворчунью, недовольную всѣмъ и проклинающую всѣхъ. Но и досталось же ей:

„Она вошла на своихъ тонкихъ, какъ шпилька, кривыхъ ногахъ, сѣла, подкрючила лѣвую ногу подъ стулъ, скосила глаза козломъ и заскрипѣла“...

И это длинное скрипѣніе было такъ ужасно, что „розы въ бокалѣ потемнѣли и скрутили лепестки, каминное зеркало замутилось, посреди оконнаго стекла заплясалъ паукъ и выпустилъ длинную, сѣрую паутину, на столѣ яркимъ пятномъ вырисовался неоплаченный счетъ.“

Я нарочно привелъ эти строчки, чтобы вамъ показать, какъ Тэффи сердится, — хорошо сердится!

Но вотъ злюка на кривыхъ ногахъ замолкла, — „дверь распахнулась и влетѣлъ въ нее смѣхъ“. А смѣхъ — бодрость, и Тэффи обрадована, еще бы: золотистые кудерьки, стройныя ножки, мохнатое перышко на шляпѣ, пестрая подкладка, поцѣлуи, — вихрь, беззаботность, счастье въ несчастьѣ, веселье въ тоскѣ — и ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного вздоха о неудачахъ, бѣдности, лишеніяхъ, — великодушное женское сердце! — довольно: Тэффи влюблена, Тэффи покорена, Тэффи въ восторгѣ.

Ее всегда восхищаетъ раскрытая душа, искренняя и порывистая человѣческая сердечность, и у Тэффи прелестна Наташа З., „одиннадцатилѣтняя, ясная, бѣленькая „дѣвочка“ съ бѣлокурыми русскими косичками“. Но и ее любитъ Тэффи за то, что Наташа „болѣетъ душой“ за другихъ, тревожится за всѣхъ, заботится о чужихъ,

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

серьезная, любвеобильная, — великодушная — („Цвѣтикъ бѣлый“).

Этой человѣческой доблестью, смѣлостью духа Тэффи покорена давно, и недаромъ ея девятилѣтнее сердце плѣнилось красивой Ганкой, полюшей въ саду дорожки, — высокой и гибкой красавицей съ ровными, бѣлыми, крупными зубами, тоже смѣлой, тоже безстрашной предъ жизнью и жадно любящей эту жизнь. Въ этомъ преклоненіи предъ человѣческимъ великодушіемъ, человѣческой отвагой, откровенностью сердца, непосредственностью натуры, Тэффи постоянна, неизмѣнна и увлекательна. Ея боги — героизмъ и радость, — не ихъ ли она искала на Корсикѣ? И это тяготѣніе къ возвышеннымъ чертамъ духа — прекрасный признакъ тонкаго и мечтательнаго душевнаго аристократизма самой Тэффи.

А гдѣ возвышенное — тамъ скрытая грусть, — она проскальзывала въ книгахъ Тэффи, — и въ своемъ „Вечернемъ днѣ“ она была та и не та, знакомая намъ и новая. Все такъ же, попрежнему, она изящна, и легокъ ея языкъ и простъ стиль, и та же нѣжная прозрачность въ настроеніяхъ, въ лицахъ, въ описаніяхъ. Но разсказы не тѣ. Ихъ покинула беззаботность, отъ нихъ отлетѣлъ юморъ, въ нихъ пришла грусть. Кое-гдѣ зазвучали ноты разочарованія, — мнѣ показалось, — совсѣмъ не-минутнаго. Въ этомъ разочарованіи примѣчалась какая-то скорбность, будто измѣнились какія-то общія оцѣнки и строки стали чуть-чуть холоднѣй. Это не только „вечерній день“; — онъ казался днемъ осени. Осень всегда четка, — увы! — ясность не всегда радость.

Ту книгу покинула былая шаловливость. Она куда-то дѣлась, можетъ быть, спряталась.

Такъ и оказалось.

И новые разсказы — „Городокъ“ — снова озарены солнцемъ, радостью и смѣхомъ. Предъ нами знакомая Тэффи, талантливый юмористъ, острая наблюдательница, отличное литературное дарованіе, писательница, не вѣдающая старанія, нажимовъ, ни подчеркнутости, ни умничанья. Она правдива и умна, проста и изящна. У нея хорошій литературный тонъ, очень своеобразный, свой собственный стиль и въ немъ, въ этой милой и небрежной литературной повадкѣ, — однако, полной большого собственнаго достоинства, — заключена тайна ея обаянія, ея власти надъ нами.

И, въ самомъ дѣлѣ, Тэффи любили всѣ. Нелюбившихъ ее не было. Среди русскихъ юмористовъ она занимала первое мѣсто по дружелюбію читателей. Даже всѣмъ близкій, для всѣхъ понятный и жизнерадостный Арк. Аверченко не былъ обласканъ такъ, какъ Тэффи.

Къ ея изящному таланту даже читатель-дуракъ и читатель-невѣжа относились тоже съ какимъ-то изяществомъ. Надъ книгами другихъ хохотали. Ей улыбались. Иногда казалось, будто и самъ читатель хотѣлъ ей понравиться.

Предъ Тэффи подтягивались, держали себя прямо, потому что ее всѣ читали почтительно и влюбленно. Есть общества, гдѣ улыбки поощряются, но запрещается фыркать, гдѣ дозволено многое, но не все.

III.

Одинокій.

Закрылъ книгу — и воспоминанія хлынули потопомъ. Въ быстрой смѣнѣ лицъ съ обжигающей ясностью воскресли давнія встрѣчи, перевернулись легкія страницы первыхъ литературныхъ забавъ и мечтаній, закачалась толпа знакомыхъ людей, какъ листья на живомъ древѣ жизни. Книга — „Дневники“ Валерія Брюсова.

Его гимназическіе годы, юность, дерзкое начало его поэтической карьеры, общее участіе въ литературныхъ кружкахъ связываютъ насъ многими нитями: недаромъ мое имя появляется въ самыхъ начальныхъ записяхъ этого дневника.

Брюсовъ былъ самонадѣянъ. Самому себѣ онъ казался избранникомъ. Въ кипѣніи силъ онъ готовъ былъ смотрѣть свысока на весь міръ. Съ пыломъ повстанца, въ страстной ослѣпленности, онъ шелъ на борьбу и крушеніе заповѣдныхъ истинъ. Одинъ изъ его молодыхъ афоризмовъ, часто мной слышанный, устанавливалъ, какъ новый законъ: „въ искусствѣ искренности нѣтъ и не должно быть!“ Не знаю: подъ вліяніемъ ли этой проповѣди, или ею защищаясь, Брюсовъ любилъ позу. Въ нашемъ кружкѣ онъ

разыгрывалъ роль генія, основателя новой эстетической религіи. Эта черта отразилась въ дневникахъ. Проповѣдникъ неискренности, въ своихъ интимныхъ замѣткахъ онъ очень искрененъ. Только поэтому книга становится не только цѣннымъ матеріаломъ для характеристики и пониманія ея автора: эти опредѣленія и наблюденія рисуютъ портреты многихъ его современниковъ, больше всего, конечно, писателей. По природѣ замкнутый, молодой Брюсовъ отличался большой литературной общительностью. Онъ желалъ и искалъ знакомствъ.

Къ людямъ пера онъ приближался съ горячей любознательностью. Будто ревнивецъ, онъ изучалъ своихъ соперниковъ.

Его опредѣленія кратки. Сознательно и убѣжденно онъ тянулся къ математикѣ, любилъ строгость формулъ, увлекался діалектикой. Въ ту пору — юные — мы вмѣстѣ мечтали о критикѣ, построенной какъ теорема, и враждовали съ голословностью утвержденій. Это осталось мечтой, но строгость методовъ, скупость фразы, — при явномъ тяготѣніи къ эпитету, — сжатая мысль сохранились у Брюсова до конца.

Человѣкъ власти и честолюбія, онъ выбралъ себѣ трудную позицію. Умѣющій достигать, онъ захотѣлъ стать и сталъ литературнымъ революціонеромъ. Не всегда способный скрывать, склонный къ рѣзкости и вызову, онъ сразу поднялъ противъ себя лагерь враговъ и зажегъ огни возмущенія. Врубель написалъ Брюсова почти въ наполеоновской позѣ: наглухо застегнутый сюртукъ и скрещенныя руки. Такъ себя втайнѣ и мнилъ Брюсовъ — побѣждающимъ полководцемъ на полѣ литературныхъ битвъ.

Шла ожесточенная война. Долгіе годы Брюсовъ чувствовалъ себя одинокимъ, — долго, если не всегда. Его не любили, не вѣрили его прямотѣ, подозрѣвали рисовку, упрекали въ рекламности. Въ теченіе цѣлаго періода Брюсову негдѣ было писать, и онъ ютился въ дешевомъ и вульгарномъ „Русскомъ Листкѣ“ Казецкаго, отъ времени до времени помѣщая свои протестующія „письма въ редакцію“ захудалаго тогда „Русскаго Слова“ и „Новостей Дня“. Остальная печать для него была закрыта. Даже редакторскія приглашенія кончались неудачей. Дерзкое брюсовское новаторство пугало. Съ нимъ не мирились даже молодые, что жъ говорить о старикахъ!

Но отчужденію помогалъ самъ Брюсовъ, отталкивала рисовка и надменность. Ихъ сознавалъ самъ Брюсовъ.

Вотъ онъ въ гостяхъ.

— Я выдѣлывалъ всѣ штуки ученаго звѣря, — записываетъ онъ, — говорилъ о символизмѣ, декламировалъ, махалъ руками (признакъ оригинальности).

Другая запись:

— Сегодня... меня „показывали“: демонстрировали, какъ символиста. Декламировалъ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе.

Молодой Брюсовъ не только рисовался, — онъ издѣвался. Онъ презиралъ и враговъ, и поклонниковъ:

— Моя будущая книга „Это — я“ будетъ гигантской насмѣшкой надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ. Въ ней не будетъ ни одного здраваго слова — и, конечно, у нея найдутся поклонники.

Эта игра въ демонизмъ и непонятость обходилась

дорого. Непріязнь росла. Не было откликовъ. Брюсова обходили. Въ дневникѣ онъ восклицаетъ:

— Я одинокъ. Въ университетѣ горько. Впрочемъ, — прибавляетъ онъ, — держу я себя такъ надменно, что старые знакомые не рѣшаются кланяться.

Конечно, въ этомъ было много мальчишества. Оно оправдывалось возрастомъ. Но многое осталось навсегда. Никогда отъ него не отходила заносчивость. Брюсовъ оставался дерзкимъ. Однажды на литературномъ вечерѣ у В. А. Морозовой, извѣстной благотворительницы, тѣсно связанной черезъ проф. Соболевскаго съ „Русскими Вѣдомостями“, читалъ Садовниковъ о Вл. Соловьевѣ. Собралось большое общество, — литераторы, студенты, артисты. Бесѣда перепрыгнула на символизмъ. Брюсовъ отмѣчаетъ что онъ „былъ достаточно умѣренъ“ и „очень большихъ рѣзкостей не говорилъ“. Выражался же онъ такъ:

— Это элементарная истина, — если угодно, могу ее вамъ объяснить.

— Если вы не понимаете, не могу вамъ помочь.

Естественно, Брюсова чуждались. Никто не вѣрилъ въ его искренность. Послѣ одной изъ „пятницъ“ Случевскаго Брюсовъ, Бальмонтъ, Сафоновъ и Коринфскій отправились въ ресторанъ. Сафоновъ поставилъ Брюсову откровенный вопросъ:

— Скажите, Брюсовъ, шарлатанъ вы или искренній?

— Я — объясняетъ Брюсовъ — сказалъ что-то о странности вопроса.

Между тѣмъ никакой „странности“ не было. Подозрѣнія напрашивались сами. Тогда же въ Петербургѣ Брюсовъ попалъ къ Ф. Сологубу. Тамъ были

Гиппіусъ, Минскій, Коринфскій, Лебедевъ и „молоденькій студентъ Ореусъ“.

— Мы съ Бальмонтомъ — записываетъ Брюсовъ — держались въ сторонѣ.

О брюсовской книгѣ Минскій, считавшійся въ ту пору „молодымъ“ и даже декадентствующимъ, ядовито сказалъ:

— Ждешь появленія привидѣнія, а выходитъ дядюшка и говоритъ „здравствуйте“.

Съ недовѣріемъ относились журналы. Редакторы, даже цѣнившіе Брюсова, признававшіе его, потомъ отказывались и возвращали рукописи. Такъ случилось съ „Русскимъ Обозрѣніемъ“ и повторилось въ облеуховскомъ „Знамени“. Брюсову пришлось воспользоваться страницами историческаго журнала „Русскій Архивъ“. Здѣсь ему по душѣ была личность самаго редактора Бартенева. Его обширныя знанія, большая память внушали Брюсову уважительныя чувства. Предъ этими достоинствами Брюсовъ всегда почтительно склонялся. И въ себѣ онъ цѣнилъ горящія жажды знанія и трудоспособность. По всему дневнику разбросаны записи, свидѣтельствующія о громадныхъ планахъ чтенія и изученія. Одна изъ нихъ перечисляетъ его темы и работы:

— Чѣмъ я занятъ теперь? Непосредственно: предисловіе къ „Исторіи Русской Лирики“. — Рефератъ Герье о Руссо. Рефератъ Ключевскому. Моя символическая драма. Поэма о Руссо. — Романъ: „Это исторія“... — Повѣсть о Еленѣ — Переводъ Энеиды. — Поэмка о Москвѣ. Монографія „Неронъ“. — „Легіонъ и Фаланга“. — Задумано: драма „Марина Мни-

шекъ“, „Атлантида“ и переводъ Метерлинка „Ле Трезоръ“. — Разсказъ „Изгнанница“.

Въ будущемъ: Исторія римской литературы. Исторія императоровъ. Исторія схоластики. Публичная лекція о Римбо. Читаю Вебера, Метерлинка, Библію, Сумарокова. Надо читать: Канта, Новалиса, Буало. И т. д. И т. д. Такихъ плановъ у Брюсова было много. Они разсѣяны по всѣмъ дневникамъ. Всю жизнь онъ учился.

* * *

Замѣчательно: объ его начитанности знала и широкая публика. Но ни эта эрудиція, ни отказъ Брюсова отъ дерзновенныхъ крайностей, ни бѣжавшіе годы — ничто не могло устранить недоброжелательства и скептицизма. Прошло много лѣтъ, давно были забыты первыя голубыя, юныя брюсовскія книжки, но столкновенія продолжались, и однимъ изъ самыхъ крупныхъ было освистаніе Брюсова на торжественномъ засѣданіи „О-ва Любителей Россійской Словесности“. Это произошло во время брюсовской рѣчи о Гоголѣ, произнесенной по случаю открытія памятника въ 1909 году. Свистъ былъ вызванъ невиннѣйшимъ и совершенно справедливымъ замѣчаніемъ Брюсова, опредѣлявшимъ Гоголя, какъ гиперболиста. Его не только освистали, но большая часть публики даже покинула залъ.

Правда, къ этому времени росъ и выросъ уже серьезный и крѣпкій успѣхъ Брюсова. Сточивъ углы, смягчивъ остроту формулъ, сошедшій съ путей декадентства, онъ становился „парнасцемъ“, преданнымъ пушкиніанцемъ, „метромъ“ новой школы, наставникомъ молодыхъ. И ему, дѣйствительно, обязаны многіе.

Онъ открывалъ дарованія и направлялъ ихъ. Около него окрѣпли таланты Блока, Андрея Бѣлаго, Гумилева. Михаила Кузмина онъ разыскалъ въ альманахѣ начинающихъ, — „Зеленомъ Сборникѣ“, а „молоденькій студентъ Ореусъ“ — это рано умершій талантливый Иванъ Коневской, обласканный Брюсовымъ, пользовавшійся его дружескимъ наставничествомъ, много разъ поминаемый въ брюсовскихъ статьяхъ, сохраненный для будущаго критическими признаніями своего учителя.

Но и это пѣстованіе у Брюсова шло изъ чувства своей власти и превосходства и, быть можетъ, хранило въ своихъ тайникахъ и корняхъ высокомѣрныя удовлетворенія, сознаніе силы, ума и чутья. Онъ любилъ тѣхъ, кого велъ, и тѣхъ, кто съ нимъ шелъ, если вообще онъ кого-нибудь любилъ. Но онъ всегда былъ съ ошиканными, непризнанными и гонимыми. Въ неровныхъ, измѣнчивыхъ, то ласковыхъ, то колючихъ отношеніяхъ съ Бальмонтомъ были моменты самаго полнаго и искренняго восторга, идущаго отъ Брюсова, и они всегда совпадали съ публичными неудачами Бальмонта, — когда онъ претерпѣвалъ непріятности и гоненія за вызовъ и дерзость проповѣди.

Точно также Брюсовъ относился и къ Волынскому. Въ своей московской лекціи Волынскій сказалъ, что „Михайловскій — либеральный жандармъ, стоящій на своемъ полустанкѣ и пропускающій мимо поѣзда современности“. Раздались свистки. Послѣ лекціи студенты очень волновались. Произошелъ скандалъ. Но разъ это — вызовъ, если это дерзновенное исповѣданіе собственной истины — кончено: Брюсовъ тутъ. Залъ волнуется, залъ негодуетъ, „а мы съ С. А.

Поляковымъ пригласили Волынскаго въ Эрмитажъ и чествовали его", „купили у него статью о поэзіи". Мережковскому запретили лекціи о Толстомъ и Достоевскомъ: „Я хлопочу за него при помощи Ю. П. Бартенева".

* * *

Брюсовъ былъ проницателенъ. Его опредѣленія интересны и мѣтки въ своей краткости. Онъ схватывалъ быстро и спокойно. Иныя изъ его замѣчаній сейчасъ у меня вызываютъ тихую улыбку, и она происходитъ не только оттого, что я легко представляю себѣ, съ какимъ негодованіемъ будутъ прочтены многими изъ живыхъ эти дневники, но и потому, что знаю, какой гнѣвъ обрушился бы на эту книгу, если бы она вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще были живы иные изъ помянутыхъ здѣсь писателей и поэтовъ. Напримѣръ, Гумилевъ.

Брюсовъ пишетъ, что на него произвели непріятное впечатлѣніе его плохіе зубы.

И по этому поводу я вспоминаю одинъ эпизодъ. Въ 1909 г. у Гумилева съ Волошинымъ состоялась дуэль. Она кончилась курьезомъ. Никто не былъ раненъ, но на полѣ битвы ея памятникомъ осталась калоша. Я написалъ статью и назвалъ ее: „2 испанца", а въ ней неосторожно (писалъ въ раздраженіи) упомянулъ о недостаткѣ Гумилева. Послѣ этого прошло цѣлыхъ восемь лѣтъ, мы встрѣтились, — но Гумилевъ все еще не могъ забыть моей выходки. Упоминаніе о зубахъ его кололо и не залечивалось. Безъ всякаго труда мнѣ удалось его успокоить. Мы разговорились и, вотъ, тутъ онъ не безъ гордости мнѣ подчеркнулъ, что его

считаютъ и величаютъ „наслѣднымъ принцемъ русской поэзіи".

— А — король?

— Король — Брюсовъ.

Что чувствовалъ бы этотъ принцъ, прочтя о своихъ зубахъ въ дневникѣ короля, благословившаго его на будущее царство!

Но мои улыбки вызываетъ и еще многое, рядъ фигуръ, лишь намѣченныхъ или заботливо нарисованныхъ этими дневниками. То далекое, надламывавшееся, слегка закипавшее и тотчасъ же стынувшее время съ подцензурной печатью, съ дикими издателями, съ литературной удрученностью создавало странные типы, смѣшныя фигуры растерянныхъ и больныхъ людей, кичливыхъ неудачниковъ, кривляющихся геніевъ темнаго чулана. Окруженный общимъ недовѣріемъ, Брюсовъ не встрѣчалъ его и у поэтовъ. На вечерѣ у Ланга, одного изъ участниковъ перваго декадентскаго сборника, Брюсовъ встрѣтился съ Л. М. Медвѣдевымъ. „Замѣчателенъ онъ лишь тѣмъ, что у него волосы на всемъ тѣлѣ повылѣзли". Медвѣдевъ былъ грубоватъ. У него была модная тогда манія величія: онъ гдѣ-то и какъ-то политически „пострадалъ", считалъ себя „гражданскимъ поэтомъ" и потому ко всему „не-гражданскому" относился съ величайшимъ пренебреженіемъ. Брюсову онъ сказалъ:

— Я васъ воображалъ въ мантіи, а вы добрый малый.

Потомъ какъ-то Брюсовъ зашелъ въ „Русское Слово" и увидѣлъ тамъ Медвѣдева, „ругательски ругавшагося и требовавшаго обратно свои рукописи". И я снова не могу удержаться отъ улыбки при воспоми-

наніи объ этомъ лысомъ съ головы до ногъ человѣкѣ въ пенснэ на вздернутомъ носу, неизмѣнно пребывавшемъ въ состояніи отчаяннаго бушеванія, повсюду и всегда требовавшемъ свои рукописи обратно. Онъ получалъ ихъ безъ затрудненія и шелъ клясть редакторовъ и издателей къ своимъ пріятелямъ. Однимъ изъ нихъ былъ Любичъ-Кошуровъ.

* * *

Собственно, эту главу я могъ бы назвать даже загадочно: „Іосафъ и Фаина“. Любичъ-Кошуровъ сотрудничалъ въ провинціальныхъ газетахъ, въ дешевыхъ юмористическихъ журналахъ, но это былъ талантливый беллетристъ для дѣтей и его книжки охотно покупались издателями — „на корню“, т. е. оплачивались впередъ, за то грошами.

Ходилъ онъ въ черной поддевкѣ и ея воротъ былъ повязанъ коричневымъ башлыкомъ. Любичъ-Кошуровъ происходилъ изъ курскихъ дворянъ. Дворянская несуразность и взбалмошность отразились на всемъ его существованіи. И звали его тоже оригинально: Іосафъ Аристовичъ.

Въ довершеніе своей оригинальности онъ женился на женщинѣ, носившей имя „Фаина“. И она была не совсѣмъ обычной литераторской женой, и ихъ жизнь текла тоже по особенному.

Фаина, бывшая цвѣточница, не знала даже грамоты, а жили они въ Химкахъ подъ Москвой. Къ нимъ меня привезъ Медвѣдевъ. Кошуровъ снималъ огромное помѣщеніе, болѣе похожее на сарай. Въ этомъ сараѣ онъ занималъ собственно всего одну комнату, и въ ней стояли столъ, стулъ, табуретка и кровать, всѣ трехногіе — четвертой поддержкой служили полѣнья.

Кошуровъ побѣжалъ за пивомъ. Подмигнувъ мнѣ, лысый Медвѣдевъ обратился къ Фаинѣ:

— Скажите, чѣмъ занимается вашъ мужъ?

И смотря въ землю, Фаина отвѣтствовала:

— Онъ — писарь.

Часто бывавшій у нихъ Медвѣдевъ, повидимому, продѣлывалъ эту комедію уже не разъ и задалъ женщинѣ второй вопросъ:

— А вы сами чѣмъ занимаетесь?

Она подняла голову и на минуту задумалась:

— Я стрѣляю — медленно произнесла она.

— По какой же вы дичи охотитесь?

— Мы стрѣляемъ воронъ.

Она сказала это раздѣльно и убѣжденно, и сказала правду. Дѣйствительно, изъ какого-то стараго проржавленнаго ружья, у котораго курокъ былъ привязанъ нитками, Іосафъ и Фаина стрѣляли воронъ и жарили ихъ, а лѣтомъ Фаина ходила еще и по грибы, и это былъ ихъ обычный столъ.

Какъ много можно было бы разсказать о томъ времени. Однихъ воспоминаній о В. Е. Ермиловѣ, носившемъ почему-то прозвище „пѣтушиная нога“, можетъ хватить на большую главу. Это была догоравшая старая литературная Москва. Уже кое-гдѣ трещалъ ледъ, но еще не видно было солнца, не наступала весна и не пѣли никакіе буревѣстники. Но символическія чайки уже стали появляться. Трудно понять, почему тогда Брюсовъ и тѣ, кто былъ съ нимъ, эти изруганные декаденты, были сопричислены къ лику отъявленныхъ реакціонеровъ. Правда, самъ Брюсовъ открыто враждовалъ съ политикой, презиралъ либераловъ, не смущаясь это высказывалъ и все-таки по пла-

менному пафосу, дерзновенности вызова, внутренней непокорности, молодому гнѣву они стояли въ лагерѣ протестующихъ. Этого не понимали. Сознательно и безсознательно Брюсовъ самъ ширилъ пропасть.

Онъ былъ встрѣченъ ненавистью, а теперь послѣ смерти нашелъ осужденіе. И въ этомъ одиночествѣ большого талантливаго писателя таится глубокій интересъ его жизни, его біографіи и этихъ искреннихъ молодыхъ дневниковъ.

Федоръ Сологубъ.

Погасая въ бѣгѣ дней, уплываютъ и блѣднѣютъ даже близкія лица. Сумерки бываютъ и у памяти. Уже сейчасъ не припомнишь многихъ, съ кѣмъ жилъ и встрѣчался. Пожалуй, легче назвать тѣхъ, кого все еще сберегаютъ воспоминанія. Но нельзя забыть Сологуба.

Его надо было увидѣть, съ нимъ поговорить хоть разъ — и надолго, навсегда запоминался этотъ человѣкъ, внутренне сосредоточенный, очень скупой на слова, замкнутый и молчаливый. Онъ казался отшельникомъ. Въ его прямой фигурѣ, строгомъ наклонѣ головы, рѣдкой улыбкѣ чувствовалась недовѣрчивость. Жила въ немъ глухая, спокойная, но совсѣмъ не вызывающая гордость все познавшаго философа съ огорченной навѣки душой.

Многіе и часто, то серьезно, то шутливо, называли его „колдуномъ“. Нельзя говорить, что это было только удачное прозвище. Нѣтъ, это — опредѣленіе Сологуба.

И въ его внѣшности, и въ его ровномъ, проницающемъ голосѣ, неживой, почти отсутствующей мимикѣ, въ его стихахъ, его излюбленныхъ, то зыбкихъ, то

страшныхъ образахъ была какая то манящая ворожба, и онъ самъ производилъ странное и немного пугающее впечатлѣніе мертвенности, неизмѣнно представая нашему воображенію и любознательности таинственной скульптурой, нѣмымъ каменнымъ изваяніемъ.

Федоръ Сологубъ появился въ литературѣ 34 года тому назадъ. Потомъ въ 1896 году вышла первая книжка его стихотвореній. Въ ней легко разслышать лермонтовскіе отголоски. Въ томъ же „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, гдѣ помѣщались его первыя вещи, была напечатана и его повѣсть „Тяжелые сны“, несшая въ себѣ задатки, настроенность и предреченія великолѣпнаго, знаменитаго, чудовищно-прекраснаго „Мелкаго бѣса“, сотворившаго Сологубу настоящую славу. Это случилось почти тотчасъ же послѣ первой революціи. Тогда же состоялось и наше знакомство.

Не надо напрягаться, чтобъ установить, гдѣ и когда. Конечно, на одномъ изъ литературныхъ собраній.

Это была пора цвѣтенія всякихъ кружковъ. Нарождались, шумѣли и очень быстро гибли различныя литературныя содружества и группы, объединенія и школы, создавшіяся повѣтріями моды, влеченіемъ къ успѣху и просто рекламѣ, дерзостными полемическими войнами, борьбой символистовъ съ реалистами.

И на этихъ вечерахъ Сологубъ оставался все тѣмъ же молчаливымъ свидѣтелемъ чтеній и преній. Въ немъ таился скептикъ, увѣренный въ своей силѣ, съ тайной насмѣшливостью взиравшій на изливавшуюся вокругъ него искреннюю и напускную многорѣчивую страстность: самъ Сологубъ былъ неизмѣнно безстрастенъ.

Въ немъ сидѣлъ упрямецъ, и у этого упрямца была влюбленная вѣра въ непревосходимую гибкость русскаго языка. Его онъ чувствовалъ тонко и глубоко, имъ владѣлъ въ совершенствѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ языку Сологубъ былъ властенъ. Едва ли у кого нибудь есть еще такая смѣлость и безбоязненность словеснаго виртуоза, такой непроизвольно богатѣйшій, драгоцѣнный лексиконъ. Обворожительна его стихотворная музыка.

Не проповѣдуя, не поучая, онъ открываетъ изумительныя тайны, и если въ „ласкѣ“, „ликованіи“, „легкости“, „любви“ — вездѣ — „Л“, то въ передачѣ этихъ эмоцій, этихъ чувствованій Сологубъ воистину колдуетъ, онъ чудесно ворожитъ, онъ славитъ этотъ мягкій звукъ, передающій и нѣжность, и упоеніе, и обреченность, и жертвенность человѣческаго сердца, неразрывно сочетанную у Сологуба съ неуходящимъ и вѣчнымъ, самымъ дорогимъ для него видѣніемъ и символомъ смерти.

. . . . . .

. . . «Лила, лила, лила, качала
Бокалы тѣльнаго стекла,
Бѣлѣй лилей, алѣе лала
Была бѣла ты и ала.
И въ звонахъ ласково хрустальныхъ
Отраву сладкую тая,
Была милѣй ты дѣвъ лобзальныхъ,
О, смертъ отрадная моя!» . . .

Вездѣ у Сологуба земная разочарованность. Его міръ не здѣсь. Его признанія отданы не жизни, а смерти. Онъ увлеченъ странной мечтательностью, — странной потому, что за ней стоитъ глубокая убѣжденность.

Сологубъ захватываетъ своей силой. Поражаетъ въ этой силѣ внутреннее знаніе. Въ своей символикѣ онъ необыкновенно ясенъ. Его творчество сочетало въ себѣ реалистическую правду и мечтательную сказочность. Это — реальная фантастика, или (можетъ быть, еще точнѣй) фантастическая реальность.

Эти черты опредѣляютъ его литературную наслѣдственность.

Предшественники Сологуба — Гоголь и Достоевскій. Герой „Мелкаго бѣса“ Передоновъ — олицетвореніе гоголевскаго ужаса: „Мертвыя души“ — тоже сборище мелкихъ бѣсовъ, и всего одинъ шагъ отдѣляетъ „Бѣсы“ Достоевскаго отъ „Мелкаго бѣса“ Сологуба. Разница только въ сюжетѣ, колоритѣ и авторской личности. Но и у Гоголя, и у Достоевскаго, и у Сологуба — мистическія маски.

Передоновъ страшенъ. Его бѣсовство разрушительно. Передоновъ — типъ. Онъ зеркало, безпрерывно вертящееся, отражающее многихъ, безчисленныхъ, всѣхъ другихъ. Передоновъ не одинъ изъ героевъ Сологуба, а его главный и единственный герой. Онъ не одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Мелкаго бѣса“, а одно въ немъ дѣйствующее, живущее, его заполняющее лицо.

Передоновъ бредетъ „среди томленія на улицахъ и въ домахъ подъ этимъ отчужденіемъ съ неба, по нечистой и безсильной землѣ“. Такой она всегда казалась, такой должна была представляться самому Сологубу.

Для Передонова, какъ и для Сологуба — „не было утѣшенія и отрады въ земномъ, потому что и теперь, какъ и всегда, смотрѣлъ онъ на міръ мертвенными глазами, какъ демонъ, томящійся въ мрачномъ одиночествѣ

страхомъ и тоской.“ Искренно, какъ никто, Сологубъ презираетъ жизнь. Тутъ все развѣнчано.

Палящимъ пламенемъ своего ума, своимъ глубочайшимъ отрицаніемъ онъ превратилъ землю въ безплодную, заброшенную и печальную пустыню. Ея грѣхъ и огромное преступленіе — въ попраніи красоты и тайны: „воистину въ нашемъ вѣкѣ надлежитъ красотѣ быть попранной и поруганной.“ Жизнь грязна, убога и пошла. Она „безликое чудовище“. Близка и любима только смерть. Дѣйствительность отталкиваетъ. Свята и утѣшительна мечта, — сіяющая звѣзда Маиръ и заколдованная, дальняя и скрытая, сказочная земля Ойле. Міръ раскололся.

Наша живая реальность воплощается Сологубомъ въ образѣ дебелой Альдонсы, но возвышенной Дульцинеей предстаетъ мечта. „Творимая легенда“ Сологуба тоскуетъ по прелестной исчезнувшей Лилитъ. Эту Лилитъ онъ сдѣлалъ героиней своихъ „Заложниковъ жизни“. Я помню эту пьесу, и, какъ живой, будто только что видѣнный, встаетъ передо мной образъ Лилитъ, ея нѣжный и печальный танецъ на темносинемъ фонѣ декорацій, въ трехцвѣтномъ освѣщеніи, — желто-золотомъ отъ горящихъ свѣтильниковъ, голубоватомъ отъ луннаго сіянія и красномъ, огненномъ отъ пыланія камина, подъ „Лунную сонату“ Бетховена.

— „Я превозданная Лилитъ, первая жена Адама“.

Будто вѣчно живя въ страстномъ и вѣчномъ заговорѣ съ тѣнями, „дѣя чары“, „тихо ворожа“, отшельничая и колдуя, Сологубъ иногда казался стоящимъ внѣ жизни, свободный отъ притяженій всѣхъ земныхъ страстей. И, дѣйствительно, его имя никогда не соче-

талось ни съ одной женщиной. Исключеніе — его жена.

Мимолетно, случайно и прерывисто мнѣ приходилось однимъ глазомъ наблюдать начало ихъ любви.

Я помню этотъ клубъ, большую комнату, налѣво отъ передней, далекій задній столъ и ихъ двухъ, сидящихъ другъ передъ другомъ: взволнованно говорящаго Федора Кузьмича и разгорячившуюся, нервно подвижную Анастасію Николаевну Чеботаревскую. Такого оживленія до тѣхъ поръ никто не примѣчалъ за молчаливымъ Сологубомъ. Это была счастливая пара.

Съ радостнымъ самозабвеніемъ, ревниво оберегая, она качала колыбель его славы, стала его помощницей, рѣдкимъ другомъ, ангеломъ хранителемъ его дней и трудовъ, собирателемъ его книгъ, коллекціонеромъ критическихъ отзывовъ о немъ, составившихъ потомъ отдѣльный томъ.

Въ послѣдній разъ я ихъ увидѣлъ въ Одессѣ. Это было давно. Вмѣстѣ съ Игоремъ Сѣверянинымъ Чеботаревская и Сологубъ совершали концертное турнэ по Россіи. Мы сидѣли въ кафе. Съ веселой, всегда открытой, немного широкой — улыбкой, Чеботаревская потребовала „мороженаго изъ сирени“ и звонко хохотала, когда лакей отвѣтилъ:

— Все вышло!...

И веселѣлъ и смѣялся замкнутый, не смѣющійся Сологубъ. Только она умѣла его возвращать въ жизни, только Анастасіи Николаевнѣ такъ легко удавалось вызывать улыбку на этомъ каменномъ лицѣ.

Скрытность, глухую молчаливость Сологуба сразу подмѣчали всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ и его знавшіе. Такъ было раньше, такъ осталось потомъ, навсегда.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Брюсовъ познакомился съ Сологубомъ. Тогда Сологубъ жилъ въ трущобномъ Щербаковомъ переулкѣ, въ грязномъ домишкѣ, взбираться къ нему приходилось по узкой, залитой лѣстницѣ, на самый верхъ.

— Мы поговорили съ полчаса, — записываетъ Брюсовъ, — впрочемъ, достаточно офиціально.

Слѣдующая встрѣча состоялась почти черезъ два года на одной изъ пятницъ Случевскаго. И опять впечатлѣніе то же:

— Сологубъ привыкъ молчать по цѣлымъ вечерамъ.

На другой день они сошлись у поэта Сафонова, и Брюсовъ вновь отмѣчаетъ:

— Сологубъ молчалъ по обыкновенію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и состоялась новая встрѣча на литературномъ вечерѣ. Но и тутъ было знакомое молчаніе.

Впрочемъ, на одну минуту Сологубъ оживился. Онъ любилъ иногда произносить шутливые афоризмы, и Брюсовъ былъ очень удивленъ:

— Сологубъ обнаружилъ вдругъ нѣкоторое оживленіе!

Съ затаенной ироніей онъ обратился къ Брюсову:

— Надо думать, — вдругъ предрекъ онъ, — что сегодня будетъ скандалъ...

— Почему? Что вы?

— А это такая теорема: „гдѣ люди, тамъ скандалъ.“ Обратная: „гдѣ скандалъ, тамъ люди.“ Противуположенная „гдѣ нѣтъ людей — нѣтъ скандала.“ Обратная противуположенной: „гдѣ нѣтъ скандала, нѣтъ людей.“

Миновало цѣлыхъ три года. Брюсовъ опять посѣтилъ Сологуба.

— Лежитъ у себя въ берлогѣ и сосетъ лапу, — такъ его опредѣляла тогда Зинаида Гиппіусъ.

Брюсовъ добавляетъ:

— Говорили съ нимъ сдержанно.

И такое впечатлѣніе Сологубъ производилъ всегда и на всѣхъ, оживляясь, кажется, лишь въ присутствіи одной жены.

Время бѣжало и ничего не измѣняло, и замкнутый, занавѣсивъ жизнь и душу, неслышно проводилъ свои дни Сологубъ, а съ нимъ неизмѣнно рука объ руку шла Анастасія Николаевна. Наконецъ измучившись въ Совѣтской Россіи, издерганная обѣщаніями коммунистовъ, съ ними никогда не имѣвшая ни единой точки соприкосновенія, какъ и самъ Сологубъ, отчаявшись попасть заграницу, Чеботаревская бросилась въ Неву. Ея тѣло нашли только черезъ годъ. Непостижимо, какимъ образомъ Сологубъ пережилъ этотъ ужасъ. Невообразимо, что онъ долженъ былъ перечувствовать.

Но въ немъ вообще не все вообразимо.

И литературный изслѣдователь въ своей любознательной жаждѣ могъ бы грѣховно пожалѣть о томъ, что смерть пришла за Чеботаревской раньше, чѣмъ за Сологубомъ: мы лишились цѣннѣйшаго источника познанія загадочнѣйшей души, отдавшей себя обольстительнымъ чарамъ, воспѣвшей волшебницу смерть, — правдивую подругу этого скрытаго мечтателя, прекраснаго поэта, одного изъ оригинальнѣйшихъ и превосходныхъ русскихъ прозаиковъ, ушедшаго изъ тѣсной земной обители въ незнаемую, сказочную страну, къ сіяющей звѣздѣ Маиръ.

Онъ остался вѣренъ давнему зову, тревожившему его сердце, отданное великой тайнѣ.

Безъ жизни отжилъ я, и жду,
Что смертъ свой блѣдный ликъ покажетъ
И грозно скажетъ:
„Иду!“

Семенъ Юшкевичъ.

Онъ былъ наивенъ и эту наивность пронесъ черезъ всю свою жизнь, отразилъ ее въ своихъ книгахъ, отношеніяхъ къ людямъ, во всѣхъ своихъ спѣшныхъ, довѣрчивыхъ и въ тоже время настойчивыхъ сужденіяхъ.

Это не былъ по-дѣтски раскрытый ротъ на міръ, но большая лысая голова Юшкевича и его большіе выпуклые глаза, и большія ступни широко шагающихъ „печатающихъ“ ногъ, и его заиканіе, — впрочемъ, совсѣмъ не тяжкое, — выдавали наивнаго и упрямаго человѣка.

Юшкевичъ умеръ 59 лѣтъ, а я его узналъ тогда, когда ему не было еще и 40. Намъ пришлось встрѣтиться и сразу проговорить цѣлый тотъ вечеръ еще въ 1906 г. Бесѣдовали объ... Юшкевичѣ. Онъ всегда придавалъ большое значеніе своей дѣятельности, разсматривалъ ее будто въ микроскопъ, все время расцѣнивалъ, искалъ въ ней особеннаго смысла, словно самъ не все понимая въ ней и въ своемъ творчествѣ, и въ мучившихъ его чувствахъ и настроеніяхъ.

Иногда казалось, что онъ пишетъ безъ всякаго участія разсудка, безъ всякаго контроля, единственно

по наитію, выкладывая на бумагу свою сердечную порывистость, всегда для него туманную, всегда неясную, смутную и страстную.

Тогда онъ былъ подъ многими вліяніями. Его прельщалъ и Горькій, и Андреевъ, и Достоевскій. Особенно неудержимо онъ влекся къ Горькому. Уже тогда Юшкевичу казалось, что его предназначеніе — стать еврейскимъ буревѣстникомъ, и романтическая риторика стала явно захлестывать его писанія. Появился приподнятый тонъ. Запестрѣла раскрашенность. Загремѣло витійство, заплясала витіеватость. Андреевское вліяніе сказалось впослѣдствіи, особенно въ нѣкоторыхъ пьесахъ („Мизерере“). Меньше Юшкевичъ примѣчалъ надъ собой власть Достоевскаго. А она была. Я ему объ этомъ сказалъ. Юшкевичъ по обыкновенію раскрылъ свои оригинальные сѣро-зеленые глаза и молчаливо уставился на меня неподвижно-изумленнымъ взглядомъ, потомъ съ минуту позаикался и вдругъ, къ моему удивленію, вымолвилъ:

— А, вѣдь, это вѣрно.

Почему-то ему захотѣлось, чтобъ я написалъ объ этомъ именно въ „Театръ и Искусство“, и черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ А. Р. Кугеля любезное письмо съ предложеніемъ дать критическую статью объ Юшкевичѣ. Такъ началось мое сотрудничество въ этомъ журналѣ, такъ мы познакомились съ Юшкевичемъ.

Черезъ три года я разъѣжалъ съ лекціями по югу Россіи и вдругъ получилъ телеграмму отъ А. И. Куприна. Онъ звалъ меня въ Одессу, на „16-ю станцію“, гдѣ снималъ огромную дачу, почти у самаго берега моря. Я встрѣтилъ Куприна въ синемъ пиджакѣ, бѣ-

лыхъ брюкахъ, съ турецкой феской на головѣ. Мы прожили вмѣстѣ нѣсколько недѣль и здѣсь случилось одно обстоятельство, давшее мнѣ впослѣдствіи возможность оказать небольшую услугу Юшкевичу.

Купринъ познакомилъ меня съ редакторомъ „Одесскихъ Новостей“ И. М. Хейфецомъ и онъ предложилъ мнѣ присылать статьи. Я вернулся въ Петербургъ, но очень скоро И. М. Хейфецъ и Купринъ стали меня опять звать въ Одессу. Газета предлагала мнѣ, между прочимъ, писать о театрѣ. Я пріѣхалъ и почти тотчасъ же Юшкевичъ прочиталъ мнѣ только что написанную имъ пьесу „Комедія брака“. Живая, остроумная, сценичная, она мнѣ очень понравилась. Правда, какъ всегда у Юшкевича, — и здѣсь была нѣкоторая сгущенность красокъ, каррикатурность лицъ, но это смягчалось общей веселостью тона и беззлобіемъ.

Юшкевичъ совершенно правильно оцѣнилъ судьбу пьесы: если она не пройдетъ въ Одессѣ, ей грозитъ смерть. Еврейскую пьесу, написанную въ Одессѣ одессистомъ Юшкевичемъ и не поддержанную „Одесскими Новостями“ — всѣ другіе театры, разумѣется, остереглись бы принять. А Юшкевичъ какъ-то неосторожно ухитрился осложнить и затемнить свои отношенія съ газетой и боялся неблагопріятнаго или, по крайней мѣрѣ, сухо-сдержаннаго отзыва. Мнѣ выпадала нелегкая задача. Къ счастью, все обошлось благополучно. Трудность заключалась не только въ томъ, чтобъ провести благопріятную статью въ газетѣ, но и въ другомъ: надо было съ пьесой примирить еще и зрительный залъ. А онъ могъ быть шокированъ и даже возмущенъ. Юшкевичъ сознательно билъ по его нервамъ и по его самолюбію. „Комедія брака“ обличала

„буржуазную семью“. Я написалъ статью: „Зачѣмъ же сердиться на „Комедію брака“?“

Пьеса прошла съ аншлагомъ, но Юшкевичъ нервничалъ. И, правда, можно было ожидать протеста: „вдругъ кто-нибудь зашикаетъ или свистнетъ?“ Ничего не случилось. Пьеса была разыграна съ большимъ успѣхомъ, и я до сихъ поръ помню, какъ хороша была въ роли мадамъ Соловей Л. Н. Мельникова. Особенно ярко развернулся 2-ой актъ — сцена у дамскаго врача. Послѣ этого пьеса полетѣла въ самыхъ радостныхъ окрыленіяхъ настоящаго всероссійскаго успѣха.

Изъ Одессы я уѣхалъ, потомъ спустя годъ вернулся снова и сразу — „съ корабля на балъ“ — попалъ на другую пьесу Юшкевича „Мизерере“, а въ главныхъ женскихъ роляхъ увидѣлъ Жвирблисъ, Лисенко и Кузнецову. И эта пьеса прошла дружно, шумно, красиво и трогательно, а сцена на еврейскомъ кладбищѣ вызвала въ залѣ нѣсколько истерикъ. Юшкевичъ былъ на седьмомъ небѣ, торжествовалъ и на его наивныхъ глазахъ я видѣлъ тоже слезы, можетъ быть умиленія, но, возможно, и просто нервнаго авторскаго потрясенія.

Этотъ милый, наивный и добрый человѣкъ былъ совершенно невыносимъ во время репетицій. Онъ священнодѣйствовалъ. Къ своему тексту Юшкевичъ относился, какъ къ писанію святыхъ отцовъ. Не говоря о какихъ-нибудь купюрахъ (объ этомъ никто думать не смѣлъ!), но даже малѣйшее, совсѣмъ непримѣтное измѣненіе текста приводило его въ гнѣвъ и заставляло сверкать молніями небеснаго негодованія. Внимательно напряженный, Юшкевичъ сидѣлъ рядомъ съ режиссеромъ на сценѣ,

слѣдилъ за пьесой и все время испытывалъ такое нескрываемое безпокойство, все время такъ нервно порывался вскочить, обводилъ актеровъ и суфлера такимъ удивленно-оскорбленнымъ взглядомъ, что казалось, будто его кто-то подкалываетъ и, — еще минута, — Юшкевичъ бросится впередъ и репетиція прервется. Все же онъ сдерживался, дѣйствіе оканчивалось, и тогда, заикаясь, съ лицомъ, покрытымъ отъ волненія красными пятнами, закинувъ голову назадъ, глуша вибрирующій голосъ и жестикулируя правой рукой, онъ настойчиво заявлялъ:

— О-п-пп-пять вы п-переставили слова!

Легко себѣ представить, что онъ долженъ былъ испытывать на спектаклѣ! И, дѣйствительно, въ антрактахъ онъ производилъ впечатлѣніе невмѣняемаго человѣка. Онъ слушалъ и не понималъ, въ его глазахъ стояла влага, голосъ былъ умирающимъ, дрожали руки и ноги.

Внутренне Юшкевичъ былъ очень спутанъ. Онъ вообще былъ не отчетливымъ и даже безотчетнымъ. Его вело смутное переполненіе сердца. Никогда онъ не стремился къ ясности. Четкость ему была чужда. Отсюда его устремленность къ символамъ. Отсюда черезполосица вліяній, растерзывавшихъ его творчество на совершенно непримиримыя части. Отсюда одновременное его подчиненіе Горькому, но и Андрееву. Отсюда его капризная рѣшимость стать не только художникомъ, но и обличителемъ соціальной неправды. Отсюда сосѣдствованіе у него романтизма и реализма, риторики и простоты, жизненности и выдуманности. Отсюда его внутренняя литературная неуравновѣшенность, безсиліе устоять предъ гиперболой, сгущенностью, подчеркнутостью и даже

уродливостью. Отсюда, изъ этого презрѣнія и пренебреженія къ точности и ясности, происходили у Юшкевича всѣ его погрѣшности противъ русскаго языка.

Когда ему на нихъ указывали, онъ протестовалъ:

— А можетъ быть, я говорю и пишу на южне-рускакъ вы хотите, и такъ, какъ пишутъ другіе, а не такъ, какъ мнѣ слышится и мнѣ чувствуется?

Вдругъ становился прямымъ, будто проглотивъ аршинъ, закусывалъ удила и несся:

— А можтеъ быть, я говорю и пишу на южне-русскомъ нарѣчіи? Можетъ быть я выражаюсь по областному?

И тогда съ Юшкевичемъ не надо было спорить. Переубѣдить его вообще было очень трудно. Когда онъ закипалъ въ своемъ упрямствѣ, всѣ доводы были безполезны, и онъ принималъ ихъ, какъ личную обиду. Между тѣмъ къ этимъ спорамъ онъ призывалъ многими сторонами, давалъ для нихъ обильнѣйшую пищу, и они всегда должны были возникать, какъ слѣдствіе необычайныхъ тумановъ, клубившихся во всемъ міроощущеніи Юшкевича. Именно міроощущеніи, потому что весь интересъ его духовной личности, и вся прелесть его творчества, и все его литературное своеобразіе, и всѣ его личные и авторскіе недостатки, и манера говорить, писать, объяснять и разсуждать коренились и находили свое оправданіе только здѣсь, въ этомъ міроощущеніи, а не въ его программахъ, не въ заданіяхъ, даже не въ какихъ-нибудь ведущихъ и направляющихъ симпатіяхъ.

Онъ, дѣйствительно, „мыслилъ образами“, если только слово „мыслилъ“ вообще можетъ быть примѣнено къ этому человѣку и писателю. Самыя великія затрудненія

онъ переживалъ тогда, когда ему надо было что-нибудь обосновать или доказать. Тутъ онъ путался и задыхался. Казалось, будто вдругъ въ жаркій лѣтній день раскрыли огромный улей и тысячи жужжащихъ, обрадованныхъ и растерянныхъ пчелъ завертѣлись въ раскаленномъ воздухѣ. Ни одной нельзя поймать. Всѣ жужжатъ и кусаются, всѣ смѣшиваются, всѣ обгоняютъ другъ друга, но никуда не летятъ, а только кружатся.

Символизмъ проникъ въ его творчество, не только какъ чужое вліяніе, но и органическимъ спутникомъ его врожденной затуманенности. Разобраться въ немъ онъ не могъ. Символическая облачность его окутывала и сбивала съ дороги. Въ своихъ писаніяхъ онъ бросался изъ стороны въ сторону. Юшкевичъ былъ надѣленъ превосходнымъ искрящимся юморомъ. Въ своей доброй, мягкой насмѣшливости онъ былъ превосходенъ и занимателенъ. Тутъ было его царство. Свои юмористическія вещи онъ писалъ легко и размашисто, и нельзя было не хохотать отъ всей души, слушая его разсказы, его изустныя воспроизведенія намѣченныхъ лицъ, характеровъ и фразъ. Его юмористическій талантъ не только подмѣчалъ и наблюдалъ, — онъ всегда выдумывалъ, сочинялъ, именно творилъ. Это была сильнѣйшая сторона дарованія Юшкевича, сродненная опять-таки все съ той-же основной, природной чертой его личности, — съ его наивностью.

А онъ хотѣлъ не смѣха, а рыданій, тянулся къ трагическому, впадалъ въ декламаціонный пафосъ, подвинчивалъ колки, по-горьковски всходилъ на трибуну, или, опрометью закрывъ глаза, бѣжалъ въ розовыхъ и золотыхъ сумеркахъ символической таинственности, ловилъ ея уплывающія видѣнія, ея ускользающіе образы. Такъ все

время онъ прокачался сверкающимъ маятникомъ отъ одной крайности къ другой, до самыхъ послѣднихъ дней, отдаваясь то юмористикѣ, то символикѣ. Совсѣмъ недавно мы читали его тонко характерные „Эпизоды", повѣсть о злоключеніяхъ еврейской буржуазной семьи при большевикахъ, этихъ перемежающихся вспышкахъ надежды и отчаянія, возникающей бодрости и душевной прострации, тяжелыхъ предчувствіяхъ и мгновенной обрадованности. А потомъ, незадолго предъ смертью Юшкевичъ написалъ типично символическую, сугубо неясную пьесу: „Всѣ въ маскахъ, кромѣ одной" съ загадочными персонажами, именующимися: „Мундиръ", „Фракъ", „Сюртукъ", „Декольте", „Величественная дама", „Молодой гость", „Юноша", „Встрѣчный", „Прохожій", „Мужчина", „Бездомный". Въ этой пьесѣ символизмъ будто подавилъ Юшкевича, омертвилъ его и засушилъ. Юшкевичъ былъ силенъ тамъ, гдѣ его не покидала искренность, когда отъ него не отлетала непосредственность, разсыпался его смѣхъ, искрился и сверкалъ его чудесный юморъ.

Ни въ символическихъ, ни въ соціальныхъ пьесахъ онъ не въ силахъ былъ оживить тенденціозную надуманность. Она выпирала, осложняла рисунокъ, теряла мѣру, лѣзла на показъ, оправляла и уменьшала рость несомнѣннаго и яркаго таланта, который у Юшкевича былъ нескрываемъ, чувствовался даже въ его ошибкахъ и заблужденіяхъ, ощущался неизмѣнно при каждой встрѣчѣ. А этихъ встрѣчъ съ Юшкевичемъ у меня было много. Особенно запечатлѣлись послѣднія, а среди нихъ его юбилей. Его Юшкевичъ праздновалъ въ не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ. Это было въ 1919. г. Бѣлая армія уже скатилась къ югу. Въ воздухѣ чувствовалось

приближеніе большевиковъ. Было не до празднествъ и раутовъ. Но редакція „Одесскаго Листка“ рѣшила справить юбилей Юшкевича, начавшаго свою литературную дѣятельность на его страницахъ. И вотъ собрались сотрудники, пришелъ я, былъ писатель А. М. Федоровъ, были рѣчи, царило даже легкое воодушевленіе, но чего-то не хватало. Должно быть, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

Юшкевичъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ и говорилъ о Петербургѣ, о литературѣ, о своихъ первыхъ шагахъ и опытахъ, и всѣ другіе говорили о многомъ, о разномъ, только не о томъ, что неминуемо ждало насъ, что потомъ разогнало насъ, разбросавъ всѣхъ по градамъ и странамъ. И мы всѣ, дѣйствительно, разошлись, разбѣжались, разсѣялись. Но и въ эмиграціи наши встрѣчи съ Юшкевичемъ начались съ перваго же этапа, потому что и съ нимъ мы столкнулись тоже въ Кишиневѣ.

По пріѣздѣ туда Юшкевичъ устроилъ публичное чтеніе отрывковъ ненапечатанной части своего многотомнаго романа „Леонъ Дрей“. На другой день я его спросилъ:

— Каковъ же успѣхъ твоего вечера?

Заикаясь, онъ началъ:

— Большой успѣхъ м-м-м...

Я разсмѣялся:

— Моральный или матеріальный?

— М-моральный.

— Сейчасъ я пожелалъ бы тебѣ м-матеріальнаго.

— Все равно, — сказалъ Юшкевичъ, — я уѣду... въ Парижъ.

Наканунѣ отъѣзда, на прощанье, предъ разстаньемъ мы сидѣли втроемъ, — я, Юшкевичъ и Леонидъ Добронравовъ, — и, конечно, спорили, — т. е. спорилъ Юшкевичъ, вновь развивая какую-то смутнѣйшую путаницу своихъ переживаній и чувствованій, а я и Добронравовъ, натурально, ему возражали.

Потомъ прошло полтора мѣсяца. Я пріѣхалъ въ Бухарестъ и снова, уже въ послѣдній разъ, встрѣтился съ Юшкевичемъ. Онъ только что продалъ собраніе своихъ сочиненій для перевода на румынскій языкъ, получилъ деньги, былъ веселъ и счастливъ и торопился въ Парижъ. Я пришелъ къ нему въ номеръ за два часа до отхода поѣзда и засталъ самого Юшкевича, его жену и уже тогда взрослую дочь. Даже не присѣвъ, я пожелалъ ему счастливаго пути. Въ тотъ вечеръ я былъ почему то печально настроенъ и, цѣлуя напослѣдокъ Юшкевича, сказалъ:

— Ну, прощай, Семенъ. Что то мнѣ чувствуется, что мы съ тобой больше не увидимся.

И снова на меня устремился удивленный и спорящій взглядъ наивныхъ сѣро-зеленыхъ глазъ:

— Т.-е. какъ это мы н-не увидимся?! Пріѣдешь въ П-парижъ, в-вотъ и увидимся.

Но, оказалось, правъ былъ я. Предчувствіе не обмануло. Закрылись и эти глаза. Еще одинъ хорошій и мнѣ дорогой человѣкъ ушелъ изъ жизни. Въ эту минуту я вдругъ вспомнилъ, какъ Юшкевичъ относился къ смерти и покойникамъ.

Онъ относился совсѣмъ не символически и не мистически. Когда умиралъ кто нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, Юшкевичъ передавалъ этотъ моментъ очень странно: наивно и удивленно смѣялся, будто кто-то показалъ неожиданный и мудреный фокусъ, потомъ раскидывалъ (а не складывалъ на груди) руки, запрокидывалъ голову, закрывалъ глаза, издавалъ ртомъ какой-то за-

мысловатый звукъ, похожій отчасти на прищелкиваніе, отчасти на шипѣніе затворяемой двери, и изумленно произносилъ:

— И все! И готовъ! И — нѣтъ!

И смотря мнѣ въ глаза, улыбался. Умеръ ли онъ самъ съ этой улыбкой, я не знаю.

О немъ же.

Безпокойный, онъ прожилъ жизнь въ непрестанномъ волненіи и тревогахъ, онъ умеръ съ улыбкой на устахъ, и подходилъ къ могилѣ, освѣщенный послѣдней ясностью человѣческой успокоенности. Все понялъ онъ и люди разгадали его.

Это не всегда случалось при жизни.

Упреки въ погрѣшностяхъ противъ русскаго языка, ошибкахъ стиля Юшкевича обижали. Но былъ одинъ укоръ, вызывавшій въ немъ искренній протестъ. Обвиненіе въ антисемитизмѣ его язвило, жалило, дыбило гнѣвъ. Подозрительность всегда колюча, —злая подозрительность возмутительна. Юшкевичъ страдалъ. Его волновала не слѣпота, а нежеланіе понять.

Между тѣмъ это было совсѣмъ не трудно.

Дѣло въ томъ, что въ своемъ лирическомъ пафосѣ, какъ и смѣхѣ, Юшкевичъ былъ неудержимъ. Имъ владѣла большая литературная страстность. Отсюда масштабы и размахи его гротесковъ. Онъ смѣялся надъ еврейской буржуазіей, а его обвиняли въ издѣвательствѣ надъ еврейскимъ народомъ. Эти нападки бывали иногда неосторожны и слишкомъ горячи, и я самъ былъ свидѣтелемъ такого взволнованнаго недоброжелательства.

Шло первое представленіе „Комедіи брака“. Въ залѣ чувствовалось повышенное настроеніе, подогрѣтое сплетнями и толками, спорами и слухами, и ихъ сѣялъ не кругъ недоброжелательныхъ людей, а цѣлыя группы, притомъ общественно-политическія. Въ антрактахъ происходили словесныя битвы, залъ кипѣлъ, напряженный ожиданіемъ скандала. Я вглядывался и прислушивался. Слова „антисемитизмъ“ я не поймалъ. Вмѣсто него были другія: „клевета“, „презрѣніе“, „враждебность”. Это у Юшкевича враждебность!

Теперь вышелъ томъ его „посмертныхъ произведеній“ и должна навсегда исчезнуть, растаявъ въ свѣтломъ небѣ, „послѣдняя туча разсѣянной бури“. Разсказы глубоки и просты. Ушелъ повышенный пафосъ, пришла великая грусть, наступила пора осторожнаго постиганія міра, людей и страданія. Конечно, это все тотъ же Юшкевичъ, прежній Юшкевичъ, но и какой же преображенный Юшкевичъ!

По этимъ страницамъ пролилась утонченная лирика. Еще не отлетѣли улыбки, еще слышенъ добрый и порывистый смѣхъ, но и онъ звучитъ иначе, новый, тоже смягченный страданіемъ. Добрѣе стала сатира и особенно громко зазвучала тоска по родинѣ. Юшкевичъ ее чувствуетъ самъ, тоску переживаетъ со своими героями, она неразлучно путешествуетъ съ нимъ и съ ними въ Америку, неотступно слѣдуетъ по Европѣ, въ Парижѣ, Берлинѣ, на пароходахъ, въ кафе и по отелямъ. Каждый изъ нихъ охваченъ и одержимъ воспоминаніемъ и тоской, у каждаго въ головѣ — „домикъ сумасшедшаго“.

Вотъ, въ парижскомъ кабачкѣ „Золотой Олень“ сидятъ только что встрѣтившіеся Натансонъ и Шмиреръ, эмигранты изъ Николаева.

— Чего же тебѣ нужно, Шмиреръ? — спрашиваетъ онъ самъ себя.

И изумленно отвѣчаетъ:

— Понимаете вы меня? Николаева, чтобы чортъ меня взялъ!

Эта мечта о родномъ городѣ стала его безуміемъ. Кажется, все хорошо: есть дѣла, изъ башмачника Шмиреръ сталъ антикваромъ, но не хватаетъ Николаева, николаевскаго базара, синагоги, знакомыхъ, улицъ. Не хватаетъ кладбища, а тамъ лежатъ отецъ, мать, бабушка, родственники:

— Хочется плакать, когда гарсонъ спрашиваетъ, чего я хочу. Смерти хотѣлъ бы, но кто мнѣ ее подастъ?

И „Въ Берлинѣ“ тоскуетъ Розенштейнъ, — тоже тоскуетъ о Россіи. Берлинъ для него — „фе“. И погода — „фе“, и дѣла — „фе”, и „куда ни посмотришь, на что ни посмотришь — „фе“, — „все тутъ „фе“. Но и давно обамериканившійся Янкель Бронштейнъ, — теперь мистеръ Джейкобъ Броунъ, — тоже съ сожалѣніемъ говоритъ о Россіи, о своей молодости, о погибшихъ силахъ и напрасно потраченномъ трудѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — скорбно спрашиваетъ онъ своего собесѣдника, тоже русскаго еврея, — что мнѣ осталось отъ 28-лѣтняго труда? Почти ничего, — четыре могилы.

И онъ, „какъ ребенокъ, беззвучно и безутѣшно заплакалъ“. Не выдержалъ и прослезился его собесѣдникъ, тоже еврей-эмигрантъ: „можетъ быть, онъ плакалъ о своемъ горѣ, о своихъ могилахъ“. („Краткая исторія“.)

Юшкевичъ одинъ изъ самыхъ эмоціональныхъ писателей. На всемъ лежитъ печать его личныхъ переживаній. Вездѣ онъ субъективенъ. Герои Юшкевича не только отражаютъ, но и выражаютъ своего создателя. Они полны его чувствами, его думами, ихъ рѣчи — его рѣчи. Юшкевичъ не умѣлъ и не хотѣлъ скрывать самого себя. Такимъ онъ остался до конца своей жизни, такимъ онъ предстаетъ и въ этой своей послѣдней книгѣ.

Она — его исповѣдь, его признаніе, его жалоба. Здѣсь вскрываются его новыя настроенія, а изъ нихъ самымъ главнымъ является чувство осиротѣлости, ощущеніе своей оторванности, и уже это чувство родитъ пришедшую въ его душу умилительную и трогательную нѣжность.

Послѣдніе годы въ душѣ Юшкевича заскреблась и встала мучительная потребность любви и братства, — просто братской любви.

Тоска по родинѣ создала исканіе роднаго, а это исканіе привело Юшкевича къ сознанію своей кровной близости не только съ Россіей, но и съ еврействомъ. Точно такъ же, какъ это случилось съ самимъ Юшкевичемъ, и его Песковскій, покидая родину, переправляется черезъ Днѣстръ, и въ этотъ послѣдній часъ разставанія на русскомъ берегу у него вырываются знаменательныя признанія:

— Странный мы народъ, — говоритъ онъ о евреяхъ, — одни изъ насъ фанатически стоятъ за него, другіе такъ же фанатически отказываются отъ него. Никто такъ страстно не нападаетъ на евреевъ и такъ не преклоняется передъ величіемъ ихъ, какъ сами же евреи. Единственный народъ!

Вотъ формула отношенія Юшкевича къ еврейству. О, конечно, онъ никогда не отказывался отъ него, но и нападалъ и преклонялся, и любилъ и скорбѣлъ, какъ всегда, страстно, съ неизмѣннымъ пафосомъ, сатирикъ и идеалистъ, насмѣшникъ и романтикъ, взволнованный трибунъ и пламенный лирикъ.

Но зашло солнце, отсверкалъ горячій день, настали сумерки, и въ ихъ ровномъ, прозрачномъ свѣтѣ все стало яснѣй и печальнѣй. Пришла мудрость страданія и все стало понятнѣй. Въ догорающемъ свѣтѣ жизни, предчувствіи конца душа озарилась ясностью. Вмѣстѣ съ Песковскимъ онъ могъ бы тоже сказать, какъ счастливъ, сознавая себя евреемъ, готовый отдать всѣ силы своему народу.

На грустномъ закатѣ у Юшкевича все стало острѣй и пронзительнѣй. Въ то же время контуры, рисунокъ, фонъ и тонъ пріобрѣли какую-то ласковую мягкость и легчайшую простоту. Эти послѣдніе разсказы пронизаны трогательностью, напоены нѣжностью, это прощальная пѣснь раненаго сердца. Здѣсь повсюду — тревожность, какой-то душевный трепетъ, ласковая вдумчивость. Это грусть о временномъ и радость о вѣчномъ.

Есть что-то неповторимо-умилительное и красивое въ этой возвышенной любви мужа и жены, стариковъ Іойниса и Шейны-Бейлы, въ этой сліянности двухъ жизней, двухъ сердецъ, тоже послѣдней, тоже закатной, какъ и въ тихой смерти Іойниса, несущей покой и примиреніе. И та же трогательность, — не трагедія, а элегія, — озаряетъ „семь дней“ любви старѣющаго профессора Красницкаго къ молоденькой консерваторкѣ, когда на душѣ все вдругъ стало „сладко, чудно и тревожно“, и все кон-

чилось такъ печально и страшно, унесенное безжалостной смертью.

Все время въ этой посмертной книгѣ Юшкевича свѣтъ маячитъ, чередуется съ черными тѣнями, пропадаетъ и возникаетъ. Два слова здѣсь подмѣчаются сразу „трогательность“ и „тревожность“. Только иногда прокрадываются улыбки. Но и онѣ — примирительны и ласковы, улыбки мудрости, скользящія по всѣмъ страницамъ талантливаго разсказа „Американка“. Но среди трогательности и улыбокъ наиболѣе слышной нотой послѣднихъ признаній Юшкевича звучитъ все-таки тревожность.

И это понятно.

Юшкевичъ, это — сосредоточенное увлеченіе. Онъ тотъ, кто умѣлъ смотрѣть только въ одну точку, горѣть однимъ единственнымъ чувствомъ. Ему была чужда и невѣдома пестрота и многокрасочность. Такимъ онъ былъ, такимъ остался.

Подъ конецъ пришла новая боль. Она — отъ разрыва съ прошлымъ, съ родиной и роднымъ, и Юшкевичъ затревожился.

Всегда, очень быстро онъ настораживался и поражался, а пораженный вникалъ и начиналась полоса тяжелыхъ размышленій. Такъ случилось и сейчасъ. Передъ зрѣлищемъ сдвинутой жизни, самъ вытолкнутый изъ ея ритма, онъ стоялъ въ удивленіи, какъ и прежде, поражаясь, размышляя, обезпокоенный и обычно нетерпѣливый. Въ этой книгѣ есть разсказъ „Еврейское счастье“. Его героиня жалуется на то, что у нея вездѣ болитъ, — „жужжитъ и рѣжетъ, и ломитъ, и колетъ, и рветъ, и сверлитъ“ такъ, что она одна могла бы занять цѣлую больницу.

У Юшкевича — наоборотъ.

Если у него болитъ, то болитъ въ одномъ мѣстѣ, и онъ занедужилъ гложущей тоской по Россіи, прошлому, поверженному быту, налаженной жизни и ея порядку, — по ритму. Пока былъ ритмъ, сердце стучало тоже ровно, тоже ритмически, и все шло своимъ чередомъ. Теперь жизнь стала давать перебои и имъ въ безпорядочномъ тактѣ вторило сердце.

Юшкевичъ умеръ не отъ нужды и не отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ или будущемъ, — онъ умеръ оттого, что оборвался ритмъ, смѣшался и спутался.

Но и тревожность Юшкевича не разставалась съ улыбкой, и улыбками же излѣчивалась. Его біографъ, Петръ Нипусъ разсказываетъ о миломъ обычаѣ въ семьѣ Юшкевича. Когда бывало трудно, онъ и жена говорили другъ другу:

— Улыбнемся!...

И улыбались, и на душѣ становилось лучше.

Юшкевичъ такъ и умеръ.

Въ три часа ночи онъ проснулся отъ боли въ желудкѣ, потомъ она перешла на сердце, были приняты мѣры, стало какъ будто лучше.

— Улыбнись мнѣ! — сказала ему жена, памятуя обычай.

И Юшкевичъ улыбнулся, закурилъ папиросу, но закинулась голова, глаза закатились и все было кончено.

P. S. Два слова. Сборникъ разсказовъ Юшкевича, прекрасно изданный, сопровожденный интереснымъ біографическимъ очеркомъ, критическими статьями, не избѣжалъ промаха.

На обложкѣ начертано: „Посмертныя сочиненія“, а

пора бы отказаться отъ этого страннаго наименованія: по смерти не мы сочиняемъ — послѣ смерти сочиняютъ о насъ. И эти разсказы Юшкевича — не „посмертные“ а „послѣдніе“ и во всякомъ случаѣ „предсмертные“. „Посмертной“ можетъ быть только книга.

Леонидъ Добронравовъ.

Высокій, слегка сутулый, свѣтловолосый, съ голубыми глазами подъ большимъ лбомъ, онъ умѣлъ внимательно и вдумчиво слушать, заразительно, по дѣтски, искренно смѣялся, и въ этомъ смѣхѣ открывалась его душа, чистая и довѣрчивая.

Съ горькой тоской я принялъ извѣстіе о его смерти, и сердце колыхнуло заснувшія воспоминанія объ этомъ талантливомъ писателѣ, миломъ собесѣдникѣ, товарищѣ моихъ изгнаннических вечеровъ, а самъ онъ восторженно, любовно и торжественно любилъ вспоминать о Петербургѣ, этомъ городѣ нашихъ сновъ на яву. Тамъ Леонидъ Михайловичъ Добронравовъ окончилъ университетъ, тамъ началъ печататься, тамъ въ журналѣ „Завѣты“ помѣстилъ свою первую большую работу „Новая бурса“, въ свои 26 лѣтъ сразу обрѣлъ извѣстность и литературное положеніе, тамъ вышла книга его разсказовъ „Горькій цвѣтъ“, тамъ въ ежемѣсячникѣ „Современный Міръ“ онъ сталъ редакторомъ провинціальнаго отдѣла, потомъ во время революціи вошелъ въ плехановскую группу „Единство“.

Но не шумный Петербургъ меня связываетъ съ Леонидомъ Добронравовымъ, а тихіе бессарабскіе вечера, рдяная осень, далекая безшумная улица, гдѣ я жилъ, лѣнивый Кишиневъ въ буйной зелени своихъ садовъ, хранящій и понынѣ святыя воспоминанія о Пушкинѣ.

Въ Кишиневъ я бѣжалъ августовской ночью 1920 года, и въ первый же часъ со мной приключилось анекдотическое происшествіе. Я пріѣхалъ сюда, какъ былъ, какъ украдкой ходилъ по совѣтской Одессѣ: отпущенная, скомканная борода, давно не стриженые волосы, синяя косоворотка и какая-то рвань на ногахъ. Если бы въ такомъ видѣ стать на паперти, навѣрное подали бы.

Я отправился въ редакцію мѣстной газеты. За столомъ задумчиво сидѣлъ секретарь и что-то строчилъ. Я назвалъ себя. Его скромные глаза взглянули на меня исподлобья, и въ нихъ я прочелъ испугъ, стыдъ и полное недовѣріе. Онъ почмокалъ губами и чуть слышно произнесъ:

— Вы не Пильскій.

И замолчалъ. Можете вообразить мое положеніе!

Недоразумѣніе разъяснилось очень скоро и секретарь потомъ мнѣ объяснилъ:

— Между бѣженцами уже появились самозванцы. Недавно къ намъ въ редакцію пришелъ одинъ и назвалъ себя N N, взялъ авансъ и исчезъ. Уже впослѣдствіи мы узнали, что N N въ Америкѣ.

Въ тотъ же вечеръ мы сидѣли съ Леонидомъ Добронравовымъ въ саду Благороднаго Собранія, слушали музыку и вели быструю, веселую, безтемную бесѣду, первую изъ многихъ и самую легкомысленную изъ всѣхъ. Чѣмъ чаще мы встрѣчались, тѣмъ серьезнѣй становился нашъ

разговоръ. Я сталъ сотрудничать въ газетѣ „Наше Слово“, туда же перешелъ Добронравовъ, мы были неразлучны, Добронравовъ мнѣ нравился. Онъ былъ талантливъ. Реалистъ въ своихъ писаніяхъ, душой онъ былъ отданъ мечтательному міру романтики, и это особенно сильно сказывалось на его отношеніяхъ къ женщинѣ. Въ своей молодой жизни онъ уже тогда успѣлъ извѣдать тяжкую и мрачную драму любви, еще въ Петербургѣ разойдясь со своей женой, но и это не затемнило его мечты, его рыцарскаго и краснваго боготворенія женской возвышенной чистоты, его безкорыстнаго преклоненія предъ образомъ вѣчно зовущей женственности.

И этотъ романтизмъ, не вливпись въ его книги, отразился въ его восхищенной любви къ музыкѣ. Не отрываясь, по цѣлымъ часамъ, онъ просиживалъ за роялемъ, на память разыгрывая цѣлые оперные акты, много работая надъ ихъ передачей, и ничто не зажигало его такъ вдохновенно и пламенно, какъ воспоминанія о часахъ, проведенныхъ въ петербургской оперѣ, о бесѣдахъ съ Шаляпинымъ, о встрѣчахъ съ пѣвцами, музыкантами и композиторами.

Въ тотъ годъ съ кишиневскихъ эстрадъ звучали хорошіе голоса, а среди нихъ я особенно благодарно и хорошо помню концертныя выступленія Лучезарской и Гвоздецкой, щедро баловавшей насъ своимъ пѣніемъ и у себя, въ ея гостепріимномъ домѣ.

Добронравовъ жилъ въ сладкой беззаботности. И въ самомъ дѣлѣ, его не могъ пугать завтрашній день. На главной, Александровской улицѣ у его матери былъ собственный домикъ, и Добронравовъ имѣлъ тамъ свою отведенную ему комнату. Онъ былъ любимъ въ семьѣ, его любили бессарабцы, какъ своего человѣка, имъ горди-

лись, какъ „нашимъ“ писателемъ; очень сочувственно къ нему относились румыны, и это было тоже естественно: Добронравовъ прекрасно владѣлъ разговорнымъ и литературнымъ румынскимъ языкомъ, писалъ въ бухарестскихъ газетахъ (подъ псевдонимомъ Леонъ Доничъ), его книги были переведены на румынскій языкъ, онъ самъ недурно зналъ румынскую литературу, и былъ моментъ, когда министерство народнаго просвѣщенія предложило ему почетный постъ въ своемъ отдѣлѣ изящныхъ искусствъ.

Но самый большой успѣхъ и многочисленныя связи Добронравовъ имѣлъ въ средѣ бессарабскаго духовенства. Съ нимъ онъ былъ спаянъ кровными узами, сплетенный цѣлою сѣтью нитей родства, свойства, семейственности, общей духовной школы, и эту нѣжность мѣстное священство старалось показать и доказать Добронравову на каждомъ шагу и при всякомъ удобномъ случаѣ.

Однажды мы съ нимъ рѣшили устроить вечеръ, посвященный памяти Леонида Андреева. Мы задумали его въ траурныхъ тонахъ, въ черно-серебряномъ драпированіи, въ тяжкой мрачности чернаго бархата, но эту задачу мы могли разрѣшить тоже благодаря исключительному мирволію настоятеля мѣстной церкви, и нашъ траурный вечеръ, дѣйствительно, прошелъ такъ, какъ мы хотѣли: на эстрадѣ, затянутой чернымъ, съ кафедрой, покрытой бархатомъ церковныхъ облаченій, въ отсвѣтахъ скорбной и величавой торжественности.

Иногда мы уѣзжали въ одинъ изъ бессарабскихъ монастырей, такъ непохожихъ на наши русскіе, обычно расположенныхъ среди огромныхъ садовъ, въ эти скромныя полевыя церковки съ длинной одноэтажной, деревянной гостиницей, — монашескимъ общежитіемъ, — раздѣ-

ленным на кельи. Въ монастырскихъ затишьяхъ быть незатѣйливъ, не строгъ и простъ.

И тутъ снова я могъ наблюдать, съ какой искренней, именно отцовской заботливостью, съ какимъ родственнымъ дружелюбіемъ встрѣчали Добронравова игумены и монахи. Мы гуляли по саду, мы слушали исторію монастыря, мы пили великолѣпное монастырское, старое, густое, янтарное вино, сидѣли на ветхихъ крылечкахъ, любовались закатомъ солнца, потомъ, не торопясь, шли по заснувшей зеленой дорогѣ и за нами долго ѣхалъ пустой экипажъ.

Объ этихъ дняхъ, объ этой жизни, Леонидъ Добронравовъ любилъ вспоминать и въ Парижѣ и незадолго до смерти писалъ мнѣ:

— „Не то что волосы, душа дыбомъ встаетъ при воспоминаніяхъ — а воспоминанія все-таки хороши!“

Я думаю, что они были для него еще и чуть-чуть грустны, какъ всегда у приговоренныхъ людей, а приговоренность Добронравова была въ его длительномъ недугѣ. Газеты говорятъ, что въ парижскомъ госпиталѣ Сенъ-Луи онъ умеръ отъ скоротечной чахотки. Увы, здѣсь не было никакой скоротечности, и чахотка была его давней болѣзнью. Примѣчались сразу эта внезапная слабость, этотъ долгій сонъ, не приносившій отдохновенія, частая испарина, быстрая утомляемость, внезапная, безпричинная тоска, смѣнявшаяся такими же бурными жаждами жить.

Въ сентябрѣ 1924 года онъ переѣхалъ въ Парижъ и сталъ работать у Г. А. Алексинскаго въ газетѣ-журналѣ „Родная Земля“, взявъ на себя редактированіе литературнаго отдѣла, и серьезно занялся своимъ большимъ, новымъ романомъ. Его центральнымъ героемъ Добро-

нравовъ избралъ Побѣдоносцева, и романъ долженъ былъ называться „Князь міра“.

— Благодаря „Родной Землѣ“, — разсказывалъ мнѣ въ письмѣ Леонидъ Добронравовъ, — могу сидѣть надъ романомъ о Побѣдоносцевѣ, о церкви, о монастыряхъ, архіереяхъ, сановникахъ, барыняхъ, растригахъ, купчихахъ, студентахъ и т. д... Три отрывка напечаталъ и посылаю тебѣ ихъ. Напиши мнѣ о нихъ! Романъ выходитъ большой, два тома, 600 страницъ. Пишу и переписываю, исправляю, — не тороплюсь.

И эти отрывки, какъ все что писалъ Леонидъ Добронравовъ, носятъ на себѣ благородную печать истинной литературности и отмѣчены чудеснымъ твердымъ и глубокимъ знаніемъ и чувствованіемъ хорошаго русскаго языка. Говорю съ увѣренностью: этотъ романъ Добронравова достойно и заслуженно занялъ бы почетное мѣсто въ русской книжной сокровищницѣ, гдѣ давно обрѣла себѣ гостепріимство его „Новая бурса“.

Леонидъ Добронравовъ умеръ молодымъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и кипѣніи силъ, и память знавшихъ, надолго сохранитъ этотъ образъ добраго и уступчиваго человѣка, не помнящаго зла, этого талантливаго писателя и стыдливо-цѣломудреннаго романтика.

О немъ немногіе заплачутъ и о немъ многіе вздохнутъ...

Петръ Потемкинъ.

Изъ Риги отъ старой матери въ Петербургъ къ заблудшему сыну пришло огорченное письмо, а къ нему была приложена газетная вырѣзка изъ двухъ кусковъ, наивно сшитыхъ бѣлой ниткой. Укоризны посылала мать Потемкина своему сыну Петру, студенту университета, а такъ огорчившія ее газетныя строки говорили о стихотворномъ легкомысліи ея сына.

Тогда „Петрушѣ“ Потемкину шелъ 22-ой годъ и я помню его въ мундирѣ съ синимъ воротникомъ. У него была... да, пожалуй, это самое точное опредѣленіе: — у него была веселая мрачность. Въ его литературной душѣ, какъ и въ его человѣческомъ обликѣ, уживчиво сочеталась простодушіе съ ироніей. Впрочемъ, эта тайная ироничность никогда не заострялась въ насмѣшку; она оставалась неизмѣнно шутливой.

Фуражкой, чуть-чуть сдвинутой на затылокъ, своей походкой, образомъ жизни, отношеніемъ къ завтрашнему дню, къ людямъ, къ работѣ онъ производилъ впечатлѣніе мягкой безпечности, казался однимъ изъ героевъ „Дней нашей жизни“, ласковый въ товариществѣ, довѣрчивый

и незлобивый, чуждый скрытности, не боявшійся откровенности, до наивности правдивый.

Такъ съ этой шляпой, сдвинутой на затылокъ, онъ прошелъ всю свою жизнь, и на послѣдней фотографіи, гдѣ онъ снятъ въ венеціанской труппѣ кинематографическихъ актеровъ, на съемкахъ „Казановы", я вижу все того же Потемкина съ открытымъ лицомъ, какъ всегда, внѣшне спокойнаго, все съ той же доброй улыбкой.

Въ тѣ начальные годы своей литературной работы онъ ближе всего стоялъ къ М. А. Кузмину и его кружку, и его стихи были отмѣчены кузминскимъ вліяніемъ, не погасившимъ, однако, его природной любви къ гротеску и каррикатурности.

И именно этими тяготѣніями къ чуть-чуть кокетливой изощренности темъ и образовъ, объясняется его влюбленность въ театръ, его близость къ сценическому шаржу, къ артистической изящной шалости, къ духу театральныхъ подваловъ, миніатюрнымъ сценамъ, ихъ темамъ веселаго лукавства и все той же простодушной ироніи, вѣчной спутницѣ стиховъ и пьесокъ Потемкина.

Онъ былъ тѣсно связанъ и съ „Кривымъ Зеркаломъ", и съ „Летучей Мышью" и „Домомъ Интермедій", и съ „Бродячей Собакой", съ этими театрами, гдѣ шутливость была украшена изяществомъ, смѣлость и просторъ замысловъ не разставались съ граціей, живая, не колкая каррикатура была весела, веселость остроумна, остроуміе легко, а легкость очаровательна.

Потемкину театръ былъ ближе и родственнѣй, чѣмъ литература. Совсѣмъ чужда для него была проза. Но и стихамъ онъ отдавался безъ большихъ заботъ, безъ напряженія, безъ творческихъ мукъ, безъ ухищреннаго

тщанія. Стихомъ шалилъ. Для него это, былъ радостный, вѣтренный и ласковый трудъ.

Но въ театрѣ онъ оживалъ. Это была его сфера. Сюда онъ вкладывалъ всю свою душу, время, замыслы, энергію, готовъ былъ проводить среди кулисъ дни и ночи. Недаромъ и первая его жена была тоже артистка, Е. А. Хованская, и настоящія дружбы онъ велъ съ артистами, и изъ Совѣтской Россіи въ Кишиневъ бѣжалъ тоже съ актерами балета.

Въ Бессарабіи мы встрѣтились въ послѣдній разъ и прожили тамъ цѣлый годъ. Потемкинъ сталъ сотрудничать въ мѣстныхъ газетахъ. Онъ дѣлалъ это нехотя. Статьями побрасывался. Талантливый поэтъ, въ этой фельетонной прозѣ онъ выдавалъ свою слабость, и статьи вскрывали другія черты его человѣческой личности, — его пассивность, его обломовскую вялость, быть можетъ, рыхлость.

Въ жизни Потемкинъ былъ очень уступчивъ, казался безтемпераментнымъ, безпредметно мечтательнымъ, безъ желанія борьбы, безъ умѣнья побѣждать и достигать, безъ охоты разсчитывать и распоряжаться.

Черты его юношеской беззаботности не стерлись ни годами, ни опытомъ, ихъ не убили невзгоды, ихъ милую прелесть не потушили и не растратили бѣды, а у Потемкина онѣ были, и его равнодушіе къ нимъ должно было вызывать въ насъ не только удивленіе, но и зависть къ тому спокойствію, съ какимъ онъ переступалъ черезъ эти жалящія чудовища и умѣлъ отдирать и отбрасывать непріятности, — и большія и малыя, — словно докучный репейникъ.

Конечно, я хорошо помню этотъ недавній, этотъ ки-

шиневскій 1920—1921 годъ, и нашу общую газетную работу, и наши ежедневныя встрѣчи, и его стихи, и бѣженскую квартиру, его семью и тогда только что родившуюся дочку Ирку, осчастливившую его любимицу, трогательно восхищавшую молодого отца своимъ сходствомъ.

Но, вотъ, въ городскомъ саду открылся лѣтній театръ. Конечно, туда пригласили Потемкина, и съ этого момента для редакціи онъ сразу былъ потерянъ.

Какъ сейчасъ, вижу Петра Петровича, — милаго Петрушу, — высокаго, лысѣющаго человѣка безъ шапки, хлопочущаго за кулисами, режиссирующаго свои пьески, лубки, злободневные куплеты, суматошливого, всегда куда-то торопящагося.

Потомъ спектакль. Петръ Петровичъ сидитъ рядомъ со мной. Я хохочу. Его вещицы заставляли смѣяться: такъ онѣ были мѣтки и въ то же время беззлобны, изобрѣтательны и нарочито наивны, лукавы и просты.

Но самъ Потемкинъ въ эти минуты сохранялъ поразительное спокойствіе. Онъ не волновался. Какъ всегда было задумчиво лицо. Онъ безстрастно слушалъ похвалы и опять казался все тѣмъ же равнодушнымъ, задумчивымъ, — какимъ-то посторонниимъ.

Совсѣмъ не интересовала его матеріальная сторона дѣла. Онъ никогда не торговался, тотчасъ же сходился въ условіяхъ, былъ настоящимъ безсеребренникомъ. Ничего такъ не презиралъ онъ, какъ корыстолюбіе. Въ этомъ отношеніи характерной статьей были недавнія воспоминанія Потемкина о Мейерхольдѣ, напечатанныя въ парижскихъ „Послѣднихъ Новостяхъ“. Тутъ онъ — эта божья коровка, этотъ незлобивый и всепрощающій человѣкъ, никогда не обидѣвшій

утенка, — Потемкинъ не могъ преодолѣть и скрыть своихъ мягкихъ и все же осудительныхъ укоровъ прославленному режиссеру за его страсть къ деньгамъ, за его сухую и жадную разсчетливость, готовую размѣнять на кредитныя бумажки даже театръ и театральность, сценическія радости и артистизмъ.

Это была одна изъ лучшихъ статей Потемкина, быть можетъ, потому, что въ ней зашевелился его рѣдкій гнѣвъ, вытолкнувшій безстрастную апатію, побѣдившій вялость, зажегшій пусть сдержанную, все же страсть.

Послѣ этихъ воспоминаній о Мейерхольдѣ мнѣ пришлось прочесть въ „Сегодня“, на горькій послѣдокъ, его фельетоны изъ Венеціи, гдѣ, вмѣстѣ съ Мозжухинымъ, онъ участвовалъ въ кинематографической съемкѣ. Я смотрѣлъ на это улыбающееся лицо, на эту длинную фигуру, на эту плѣшу, сдвинутую на затылокъ, и думалъ о кишиневскомъ годѣ, о пьесѣ „Катенька“, написанной Потемкинымъ, о внѣшне серьезной и смѣшной до слезъ его „Блэкъ андъ Уайтъ“, убѣжденно и торжественно коверкавшей какія-то странныя слова псевдо-англійскаго языка, вспоминалъ давній 1907 годъ, молодого студента, его первую книжку стиховъ „Герань“, его символически-шаржированныхъ парикмахерскихъ куколъ съ ихъ странной молчаливой любовью, и трагическое двустишіе:

„Передъ тѣмъ, какъ быть бѣдѣ,
„Въ домѣ зеркало разбилось“...

Теперь оно разбилось и въ домѣ самого Потемкина. Всегда скверная гостья, смерть перешагнула и этотъ порогъ. Бѣда пришла скоропостижно, но она не явилась неожиданно. Больное сердце у Потемкина было давно, и объ этомъ недугѣ я слышалъ еще въ Кишиневѣ.

Да, еще недавно тамъ жили, говорили, надѣялись, вмѣстѣ сидя, три русскихъ литератора: Леонидъ Добронравовъ, Петръ Потемкинъ и еще пишущій эти грустныя строки. Двое изъ нихъ ушли одинъ за другимъ, въ самый короткій срокъ и, старшій изъ нихъ, я, получилъ печальный удѣлъ провожать въ могилу сначала Добронравова, потомъ — Потемкина... Часто что-то стали хлопать ворота нашего кладбища!...

В. В. Розановъ.

1.

Какъ мало интересныхъ людей!.. Горсть! Что такое: „интересный“? Уродъ! Въ психологическомъ отношеніи это — то же, что заспиртованные головастики, люди съ тремя руками или безхвостыя обезьяны. „Интересные“ — неожиданность. Они — исключеніе. Умъ, красота, сила, даже талантъ — обыкновенное. Но „интересные“ — рѣдкость.

Такимъ интереснымъ, единственнымъ, ни на кого не похожимъ былъ В. В. Розановъ. Недаромъ многіе смотрѣли на него, какъ на нѣкое явленіе.

— Онъ былъ — говоритъ З. Н. Гиппіусъ — до такой степени не въ рядъ другихъ людей, до такой степени стоялъ не между ними, а около нихъ, что его скорѣе можно назвать „явленіемъ“, нежели человѣкомъ.*).

Это — мѣтко. Но какъ бы ни стремиться къ абстрагированію, какъ ни замѣнять человѣка схемой, жизнь — формулой, Розановъ остается реальнымъ существомъ, человѣкомъ, писателемъ.

Онъ былъ странный и странствующій.

---

*) З. Н. Гиппіусъ, Живыя лица. Выпуски 1-ой и 2-ой. Изд-ство „Пламя.“ Прага. 1925 г.

Умственное кочевничество въ эту четверть вѣка въ Россіи стало распространеннымъ. Эта одержимость у насъ окрасилась притемненнымъ свѣтомъ какого-то сквозного нигилизма, какъ бываетъ сквозной вѣтеръ. И, собственно, въ идейномъ странствованіи Розанова нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни исключительнаго.

Его эпоха не шла ровнымъ шагомъ, а бѣжала, все время припадая то на одну ногу, то на другую. Стремилась, волочась. Интересъ розановской личности заключался въ томъ, что онъ былъ еще и страненъ.

И одной изъ сторонъ его общей странности было его одиночество. И оно казалось особеннымъ. Эта внутренняя отгороженность не заслоняла міра и не строила глухой стѣны. Эти перегородки были сквозныя. Черезъ нихъ Розановъ былъ виденъ міру, и міръ былъ виденъ ему. Но оба другъ отъ друга были занавѣшены. Раздѣляющую грань не переступали. Полнаго сближенія не было. Въ обоихъ жило большое и острое взаимное любопытство. Но и оно было необычно. Въ этомъ взаимномъ прищуренномъ разглядываніи таилось недовѣріе, это недовѣріе происходило отъ незнанія, потому что даже интеллигенція, даже писатели не знали Розанова, какъ и онъ въ свою очередь не зналъ міра, людей и жизни. Отсюда — скептицизмъ, изъ скептицизма — непріязнь. Скептицизмъ и невѣріе, т. е. неувѣренность, — обычные спутники невѣдѣнія. И Розановъ боялся, а міръ его отрицалъ.

2.

Впрочемъ, уединенная душа Розанова была обречена нѣкоему отщельничеству еще и его некрасивостью. Онъ

этимъ тяготился. Себя, внѣшняго, онъ не любилъ и этимъ мучился. Въ своей замѣчательной книгѣ („Уединенное“) онъ такъ и записалъ:

— Неестественно-отвратительная фамилія дана мнѣ въ дополненіе къ мизерабельному виду. Сколько я гимназистомъ простаивалъ передъ зеркаломъ... „Сколько тайныхъ слезъ украдкой“ пролилъ. Лицо красное. Волоса... торчатъ кверху... какой-то поднимающейся волной, совсѣмъ нелѣпо, и какъ я не видалъ ни у кого. Помадилъ я ихъ, и все — не лежатъ. Потомъ домой приду, и опять — зеркало: „Ну, кто такого противнаго полюбитъ?“ Просто ужасъ бралъ... Въ душѣ думалъ: женщина меня никогда не полюбитъ, никакая. Что же остается? Уходить въ себя, жить съ собою, для себя (не эгоистически, а духовно), для будущаго?...

Это было горькое чувство. Въ немъ надо искать корень розановской трагедіи. Для него она была особенно тяжка. Надо помнить, что „полъ“ для него игралъ первенствующую роль. Все свое міроистолкованіе Розановъ сводилъ къ этой „проблемѣ“. Въ его философіи полъ роднился съ Богомъ, и разгадка и воспріятіе божества имъ чуялись не въ путяхъ ума, а все тамъ же и въ томъ же — въ полѣ.

Этотъ вопросъ его безпокоилъ. Розановъ былъ имъ навѣки растревоженъ. Въ этой области было зажжено его наибольшее любопытствованіе.

Женщина влекла его, какъ загадка. Онъ былъ полонъ какой-то особенной, нервой чувственности. Можетъ быть, жадной страстностью. Его раздумье надъ семейнымъ вопросомъ, надъ бракомъ пронизано рѣдкой напряженностью. Тутъ онъ былъ у себя дома. Даже соб-

ственныя писанія, свою вдохновенность онъ выводилъ отсюда же — изъ чувства пола. Объ этомъ есть печатное свидѣтельство. Сравнительно недавно вышла книга о письмахъ Розанова. Это — „Кукха“ Алексѣя Ремизова. И онъ говоритъ о томъ же: „Разговоръ зашелъ на тему о писательствѣ — кто какъ пишетъ. Розановъ сказалъ: когда онъ — въ ударѣ, и исписанные листы такъ сами собой, непросохшіе, и отбрасываются у него...“

Дальше идетъ слишкомъ интимное признаніе.

Какъ-то у Ремизова собрались гости. Были Сологубъ, Чулковъ и Ермиловъ изъ Москвы, чтецъ Чехова. Читалъ. А позже пришелъ Розановъ.

— „Въ минуту совокупленія“ — сказалъ Василій Васильевичъ— „звѣрь становится человѣкомъ“.

— А человѣкъ? Ангеломъ? Или ужъ?...

— Человѣкъ — Богомъ?*)

Въ этомъ вопросѣ онъ былъ, воистину, одержимымъ.

3.

Почти геніальный, человѣкъ рѣдкихъ прозрѣній, оригинальнѣйшій мыслитель, безстрашный въ своихъ признаніяхъ, заключающій въ себѣ властныя очарованія и гибельную опасность многодушія, таящійся отшельникъ, абсолютно лишенный чувства общественности, несчитавшійся и нежелавшій считаться съ ея мнѣніемъ, судомъ и приговорами, погруженный въ тихую, таинственную глубь интимной мудрости, авторъ „Семейнаго вопроса“, ребенокъ, напуганный шумомъ и силой міра, онъ лѣпился къ неслышному, къ отгороженному, къ затѣненному,

*) Ал. Ремизовъ. Кукха. Розановы письма. 1923 г.

жилъ „въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“, мыслилъ „въ своемъ углу“ *) и былъ одинъ и въ своихъ идейныхъ розыскахъ и въ построеніи своей философіи, въ своей необщительности, аморальности, противорѣчивости и въ своей дерзкой искренности утвержденій.

Строгая послѣдовательность мысли отмѣтила лишь его неизмѣнное отношеніе къ полу и семьѣ. Домъ, ограда, женщина, дѣти являлись предметомъ его хлопотливыхъ заботъ и единственнымъ успокоеніемъ. Онъ былъ откровененъ и въ этомъ:

— „Общественность“, — записываетъ Розановъ — „кричатъ вездѣ, „пробужденіе“ общественнаго интереса... Когда я встрѣчаю человѣка съ общественнымъ интересомъ,“ то не то, чтобы скучаю, не то, чтобы враждую съ нимъ: но просто умираю около него. Весь смокнулъ и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души. Умеръ.

Бросалъ какъ вызовъ:

— „Народы, хотите ли, я вамъ скажу громовую истину, какой вамъ не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ?..“

— Ну? Ну?.. Хх...

— Это, что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе! Ха-ха-ха!

— Да, да! Никто этого не говорилъ. Я — первый... Просто, сидѣть дома и хотя бы ковырять въ носу „и смотрѣть на закатъ солнца!..“

Эти признанія — искренни. У Розанова не было рисовки. Позерство ему было чуждо. Общественность онъ просто не понималъ. Ему она говорила какъ бы на иностранномъ языкѣ. Онъ ея совсѣмъ не чувствовалъ.

*) „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго—книга В. В. Розанова. „Въ своемъ углу“ — постоянный отдѣлъ Розанова въ журналѣ „Новый Путь.“

Отъ ея холоднаго раціонализма Розановъ зябъ. Писалъ, что было на душѣ, — то, что жило въ ней вотъ сейчасъ, въ эту минуту, безъ системы, безъ плана, безъ программъ.

Долго работалъ въ „Новомъ Времени“ и никогда ничѣмъ не былъ съ нимъ связанъ. И въ общемъ представленіи тоже никогда не казался сотрудникомъ этой газеты. Его аполитичность, общественная безучастность были такъ наглядно-явны, что съ этой стороны къ нему никто не подходилъ всерьезъ. Только поэтому онъ могъ параллельно работать и въ „Новомъ Времени“, и въ „Русскомъ Словѣ“, и въ „Русской Мысли“. Это было противорѣчіе. Но для Розанова никакихъ противорѣчій не было. Онъ самъ являлся какъ бы живымъ воплощеніемъ сплошной и необычайной противорѣчивости. Про самого себя удивленно говорилъ:

— Душа моя — какая-то путаница...

Помню, въ Петербургѣ мнѣ разсказывали о Розановѣ, быть можетъ, анекдотъ, быть можетъ, истинное происшествіе. Онъ принесъ статью въ консервативный „Русскій Вѣстникъ“. Ее приняли. Розановъ прислалъ вторую. Въ редакціи развели руками. Розанову сказали:

— Василій Васильевичъ! Вы, должно быть, ошиблись адресомъ. Несите эту статью въ какой-нибудь либеральный журналъ.

И онъ отнесъ. Статью приняли. Черезъ нѣкоторое врамя Розановъ принесъ вторую. Теперь уже въ либеральной редакціи ему сказали:

— Это не для насъ, Василій Васильевичъ! Съ этой статьей Вамъ надо идти въ консервативный „Русскій Вѣстникъ“.

И Розановъ отправился, сдалъ, былъ принятъ и. т. д. и. т. д. Сказка про бѣлаго бычка. Повторяю: разсказъ, вѣроятно, анекдотиченъ. Но для Розанова онъ очень характеренъ. Такимъ его понимали и считали всѣ, потому что самъ онъ былъ не „какъ всѣ“.

4.

Безобщественный, онъ, однако, не чуждался иныхъ кружковъ — религіозныхъ, эстетическихъ, но могъ бы стать участникомъ и эротическихъ. Въ началѣ вѣка кружки были модны и распространены. Петербуржцы ихъ помнятъ. Среди нихъ особенно многолюднымъ и интереснымъ кружкомъ была „башня“ Вячеслава Иванова. Тамъ бывали всѣ: поэты, беллетристы, критики, философы, общественники, издатели — вся тогдашняя петербургская интеллигенція. Бывалъ тамъ и Розановъ, когда „тамъ водили „хороводы“ и пѣли вакхическія пѣсни въ хламидахъ и вѣнкахъ“, — такъ пишетъ теперь З. Н. Гиппіусъ.

Долженъ признаться, самъ я этихъ „хороводовъ“ никогда у Вяч. Иванова не видѣлъ, а когда-нибудь о видѣнномъ и слышанномъ разскажу съ большимъ удовольствіемъ, какъ о пріятномъ и интересномъ воспоминаніи. Это были годы кружковъ, дни нашихъ литературныхъ встрѣчъ. Конечно, среди этихъ обществъ можно было припомнить много курьезнаго, забавнаго, нарочитаго, и З. Н. Гиппіусъ разсказываетъ о какомъ-то „радѣніи“ у поэта Минскаго, „гдѣ для чего-то кололи булавкой палецъ у скромной, неизвѣстной женщины, и капли ея крови опускали въ бокалъ съ виномъ“.

Словомъ, карикатурное было. Индѣ любили играть въ загадочность. Кое-кто нарочно распускалъ дутые слухи. Было въ ходу мистификаторство. Ал. Ремизовъ вспоминаетъ, какъ однажды его жертвой сталъ Розановъ. Къ нему пріѣхали С. П. Ремизова и Л. Ю. Бердяева. У Розанова болѣло горло, и онъ рѣшилъ просидѣть дома. У обѣихъ дамъ было по красной гвоздикѣ.

— А откуда у васъ цвѣты и почему одинаковые?

Василій Васильевичъ сказалъ это совсѣмъ ужъ чисто.

— Мы поступили въ одно общество — отвѣтила С. П.

— Какое?

— Въ эротическое. Мы, собственно, и пріѣхали, какъ делегатки, просить Васъ быть почетнымъ членомъ за Ваши большія заслуги въ этой области.

— Ну, разсказывайте, разсказывайте!

— Тамъ три отдѣленія: мужское, женское и смѣшанное.

— Я — въ женское.

— Мы не можемъ. Вы тамъ сами скажете.

— Ну, ѣдемте, ѣдемте!

Конечно, никакого „эротическаго общества“ не было. Надъ Розановымъ подшутили. Межъ тѣмъ, я очень хорошо помню, какъ и мнѣ тогда съ большимъ воодушевленіемъ разсказывали о такомъ обществѣ, и о томъ, что тамъ принимаетъ участіе Розановъ, и какіе тамъ происходятъ оргіи, съ удивительными подробностями, обстоятельностью, именами, съ описаніемъ ритуала, съ расписаніемъ дней, часовъ и даже оргіастическаго порядка. Лгали много. Выдумывали, кому не лѣнь. На самомъ дѣлѣ все было очень просто, скромно и въ то же время оживленно и весело.

5.

Но для Розанова этотъ эпизодъ типиченъ. Въ этой области онъ страдалъ большимъ любопытствомъ. Въ то же время это былъ прекрасный семьянинъ, преданный и вѣрный мужъ. Но семейная жизнь у него сложилась не сразу. Его первый бракъ былъ, воистину, страшенъ. 18-лѣтнимъ мальчишкой Розановъ женился на 40-лѣтней женщинѣ, любовницѣ Достоевскаго. Она была похотлива, ревнива и зла. Розановъ едва спасся. Тишину семейнаго уюта принесла съ собой его вторая жена, блѣдная, незамѣтная, молчаливая и очень религіозная женщина, Варвара Дмитріевна.

Революція сбросила въ могилу и Розанова. Отъ потрясеній, голода, холода, пустынности онъ сникъ, у него сдѣлалось кровоизліяніе, потомъ второе, онъ сломился, сталъ недвижимъ. Ѣды не было, лѣкарствъ не было, онъ жилъ подъ Москвой, въ Троицко-Сергіевскомъ Посадѣ. Сына Васю забрали въ красную армію — онъ заразился сыпнымъ тифомъ и умеръ. Очередь пришла за Розановымъ. На смертномъ одрѣ онъ писалъ:

— „Душа возстанетъ изъ гроба и переживетъ, каждая душа переживетъ — и грѣшная, и безгрѣшная — свою невыразимую „пѣснь пѣсней.“ Будетъ дано каждому человѣку по душѣ этого человѣка и по желанію этого человѣка. Аминь“.

Въ своей жизни, въ своихъ книгахъ, чувствованіяхъ, въ своихъ тайныхъ притяженіяхъ, въ своей необыденности предъ нашимъ взоромъ прошелъ интереснѣйшій и замѣчательный человѣкъ любопытной и замѣчательной эпохи. Но и ей онъ принадлежалъ только частично, ибо своей геніальностью, своей рѣдкой, исключительной ори-

гинальностью онъ отданъ не времени, а временамъ, не одному поколѣнію, а будущему.

Это былъ человѣкъ, не имѣвшій въ мірѣ двойника.

Ю. И. Айхенвальдъ.

Среди русскихъ критиковъ покойный Айхенвальдъ могъ по праву считаться нѣжнѣйшимъ. Его любовь къ литературѣ излучалась красивой и мягкой лаской. Литературу онъ лелѣялъ, къ ней пылалъ всю жизнь чисто юношеской восторженной и благоговѣйной влюбленностью.

Литература для него была небесной дѣвственницей и къ ней онъ подходилъ съ молитвеннымъ преклоненіемъ, страшась эту святыню оскорбить, совершить по отношенію къ ней какую-нибудь неловкость или обидную неосторожность. Въ ея дѣла и поступь Айхенвальдъ всматривался, какъ въ святыя дѣянія, вслушивался, какъ въ слова молитвы, ловилъ ея голосъ, какъ горній напѣвъ.

И сердцу этого критика ближе всего были тоже ласковые люди, лирическія души, трогательныя жизни, моральная красота, чистота и возвышенность порывовъ. Поэтому Гаршинъ Айхенвальду представлялся „живымъ кипарисомъ нашей литературы“ и въ немъ его прельщалъ и очаровывалъ „человѣкъ съ лучистой душою и лучистыми глазами“. Айхенвальдъ славилъ у Гаршина „благородное безуміе великой совѣсти“, этой „настоящей человѣческой мудрости“.

Точно также въ Короленкѣ покойнаго критика подкупали „неутомимая гуманность“, непоколебленныя самой жизнью „вѣра и любовь“, его достойное служеніе добру и человѣчности, ставшее „дѣломъ и словомъ его жизни“. И Чеховъ ему дорогъ потому, что „въ его грустныхъ глазахъ міръ достоинъ акафиста“, и свое восхищенное сочувствіе Айхенвальдъ подарилъ Чехову за то, что онъ такъ тонко чувствовалъ „всю неуловимую отраду жизни“, „зналъ, любилъ и благословлялъ жизнь“, „опахнулъ ее своей лаской и озарилъ тихой улыбкой своего юмора“.

Айхенвальдъ вообще очень цѣнилъ въ писателяхъ, поэтахъ, какъ и въ людяхъ, сіяющую внутреннюю тихость, созерцательность, мечтательность, грусть, и ему особенно близка „тихая муза“ Гаршина, „тихая улыбка“ Чехова, „тихое горѣніе чистой звѣзды Бориса Зайцева“.

И это совсѣмъ не случайность.

Айхенвальда властно притягивала къ себѣ стихія лиризма. Въ своей статьѣ объ Александрѣ Блокѣ онъ опредѣлялъ „человѣческую соловьиность“, какъ плѣняющую лирику. Въ своемъ преклоненіи передъ ней, предъ ея державностью, Айхенвальдъ готовъ былъ отрицать даже дѣленіе поэзіи на лирику, эпосъ и драму. По его неискоренимому, какъ бы врожденному убѣжденію, эти разграниченія были „не психологичны“. Онъ настойчиво утверждалъ, что существуетъ только одна поэзія и лирическая душа — „книга пѣсенъ“.

Лиризму въ мірѣ Айхенвальдъ отводилъ совершенно особое, главенствующее мѣсто. „Лиризмъ, — писалъ Айхенвальдъ, — по своей природѣ — утвержденіе“. Въ нѣжномъ обоготвореніи этой возвышенной области человѣческаго духа и художественнаго творчества Айхен-

вальдъ вѣрилъ въ существованіе „обителей космическаго лиризма“.

И эта стихія должна изливаться, пѣть, захватывать, исповѣдываться. Вотъ почему Айхенвальду были такъ чужды разсчетливыя сердца, вымѣренныя души, геометрически построенная жизнь, такъ ненавистенъ разсудочный холодъ и такъ далеки были отъ него талантъ Валерія Брюсова, его „сознательное, слишкомъ сознательное“, „окоченѣлость“, возведенная въ канонъ этимъ „пѣвцомъ холода“, его склонность къ „прозаическому трафарету“, его „интеллектуализмъ“. И Айхенвальдъ назвалъ Брюсова „трудолюбивымъ кустаремъ поэзіи“, опредѣлилъ его страшнымъ словомъ: „преодолѣнная бездарность“.

Поэтому же Айхенвальдъ остался равнодушнымъ и къ Л. Андрееву.

Основной причиной этого отчужденія было опять то же самое, — заподозрѣнное критикомъ отсутствіе у автора „Василія Фивейскаго“ естественно схватывающей „интуиціи“, преобладаніе „мысли, тезисовъ, разсудка въ соединеніи съ холодной аллегоричностью“. Гдѣ холодъ души, гдѣ хоть на минуту проскальзываетъ разсчитанная искусственность, — тамъ Айхенвальдъ зябнетъ, стынетъ, чувствуетъ себя не въ своемъ мірѣ.

И тѣ же самыя чувствованія, эта влюбленность въ лиризмъ, въ т и ш и н у духа, въ его внутреннее сіяніе продиктовали Айхенвальду сочувственныя слова о Борисѣ Зайцевѣ, хвалу его „т и х о с т и“, ласковое признаніе его „хрустальной л и р и к и“.

Со своей точки зрѣнія, по законной логикѣ своего интуитивнаго критическаго постиганія писателей, Айхенвальдъ долженъ былъ очень отрицательно отнестись и къ Максиму Горькому. Это — только послѣдовательно.

Дѣло даже не въ томъ, что у этого пѣвца просторовъ очень „душно“ и „тѣсно“, что своимъ вмѣшательствомъ въ изображаемую жизнь онъ обнаруживаетъ „скудную и слабую мысль“, — Айхенвальда отталкиваетъ отъ Горькаго особенно его „резонерство“. Но главный упрекъ Айхенвальда попрежнему тотъ же: „у Горькаго нѣтъ лиризма“. Отсюда — „неумѣстныя размышленія“, замѣняющія „непосредственный драматизмъ“.

Зато Анна Ахматова Айхенвальду близка. Онъ не могъ не оцѣнить „интимности ея творчества“, — „образъ женской души“, „страдалицы любви“. Анна Ахматова ему представлялась, какъ „моральная монастырка“, „монашенка съ крестомъ на груди“, и „ея любовь — та же власяница“, и предъ ней „сіяетъ ея сѣверная родина“. Какая? Конечно, опять „т и х а я“.

И съ Гумилевымъ критикъ примиренъ потому, что этотъ поэтъ „счастливо уклонился отъ позы и презрительности“, преодолѣлъ ихъ непосредственнымъ „благородствомъ“, потому что у него искренняя „почтительность къ родной старинѣ“, и „онъ болѣзненно отзывается на русскія боли“. Я сказалъ, что Айхенвальдъ съ этимъ „примиренъ“. Но примиряются послѣ ссоры, и у Гумилева прежде былъ для Айхенвальда большой изъянъ: въ его стихахъ мало „душевной теплоты“.

Въ этомъ воспріятіи чужой души, въ этомъ пониманіи и истолкованіи литературныхъ произведеній, въ признаніи исключительной роли лиризма, непосредственности, искренности заключена тайна, покоится ключъ всего критическаго міросозерцанія Айхенвальда.

Онъ самъ былъ лирикомъ. Недаромъ его статьи кто-то назвалъ „стихотвореніями въ прозѣ“. Особенно чутко и остро Айхенвальдъ угадывалъ взволнованныя и

опечаленныя души. На эти зовы онъ откликался страстно и созвучно, воспринимая эти клики, какъ отголоски своей собственной души, отзвуки своего собственнаго сердца. Айхенвальдъ аукался съ исповѣдничествомъ писателей и поэтовъ.

Это былъ критикъ-мечтатель. Его плѣняла и покоряла красота, всегда, однако, безбурная, безшумная, и печаль была ему понятнѣй и родственнѣй, чѣмъ бравурность побѣдныхъ и гордыхъ пѣсенъ. Въ его отношеніяхъ къ искусству было что-то уединенное, онъ любовался на литературныя иконы, какъ бы сидя въ своей кельѣ, запершись въ четырехъ стѣнахъ своей молельни.

Любя и цѣня непосредственность у другихъ, отрицая надуманность, врагъ тенденціи, отрицающій всякій деспотизмъ, въ томъ числѣ и деспотизмъ навязанныхъ теорій, Айхенвальдъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ былъ исключительно субъективнымъ. Отъ этого ничего не проиграли его книги. Положеніе и роль Айхенвальда въ исторіи критики спасены и оправданы его прощающимъ художественнымъ чутьемъ, — если не стройностью критическихъ предпосылокъ, то безспорной цѣльностью и послѣдовательностью его міровоспріятія, его художественно-лирическаго мірочувствованія.

Въ этомъ смыслѣ Айхенвальдъ съ начала и до конца остается единымъ и завершеннымъ, не оставивъ послѣ себя ни одного повода для упрека въ капризахъ вкуса, неожиданности пристрастій, обманахъ постиганія, или лживой тенденціозности. Во всѣхъ его писаніяхъ подкупаетъ искренность. Онъ былъ честенъ съ собой и прямъ со своимъ читателемъ.

Очень боялся Айхенвальдъ односторонности и высоко

цѣнилъ объективность. Самой горькой отравой былъ бы для него упрекъ въ личныхъ пристрастіяхъ. Этого онъ боялся больше всего. Даже нападая, отрицая, отталкиваясь, онъ умѣлъ находить положительныя стороны въ нелюбимыхъ авторахъ, и какъ бы ни были иногда густы брошенныя имъ тѣни, рядомъ съ ними неизмѣнно ложились полосы теплаго свѣта.

Айхенвальдъ любилъ, хотѣлъ и умѣлъ писать красиво. Формѣ онъ придавалъ исключительное значеніе. Всегда онъ стремился къ образной рѣчи, къ яркой картинной фразѣ, дорожилъ сверкающимъ сравненіемъ. Критикъ-эстетикъ, Айхенвальдъ неохотно откликался на общественно-политическія темы. Это понятно. Онъ не только упрямо хотѣлъ отграничить область художества отъ преходящихъ интересовъ дня, оградить вѣчное отъ суетнаго, свой монастырь отъ шума площадей, — это само собой разумѣется, — нѣтъ, онъ отходилъ отъ политики, высоко цѣня и всегда храня и тая въ себѣ чистѣйшее цѣломудріе мечтателя, идеализмъ возвышеннаго лирика, почитая красивое слово, какъ великое и завершенное дѣяніе.

Но ни созерцательность Айхенвальда, ни его влюбленность въ ,,тихость", ни его щепетильная осторожность не истребили и не сузили въ немъ благородной критической смѣлости. Ее диктовала ему все та же искренность. Вотъ почему онъ не убоялся отстаивать свою собственную точку зрѣнія на Тургенева, на Островскаго, рѣшился сказать даже ,что ,,Тургеневъ не глубокъ", что ,,во многихъ отношеніяхъ его творчество — ,,общее мѣсто", что онъ изображалъ жизнь ,,поверхностно и въ тонахъ слишкомъ легкихъ". Но и тутъ Айхенвальдъ вѣрно почувствовалъ и хорошо угадалъ дѣйствительно размиряющую тургеневскую черту — временами его подчеркнутое любованіе своей образованностью, справедливо показавшееся Айхенвальду ,,непріятнымъ". Не во всемъ, не всегда можно соглашаться съ покойнымъ критикомъ, но никогда и ни въ чемъ нельзя заподозрить его откровенную и правдивую искренность.

Нужно спорить, нельзя не спорить съ его взглядами на театръ, какъ на служебное, стоящее внѣ искусства дѣло, заимствующее только чужой свѣтъ, никогда не сверкающее своимъ собственнымъ блескомъ. Межъ тѣмъ, Айхенвальдъ этотъ взглядъ пронесъ до конца дней, и еще недавно я читалъ въ его статьѣ по поводу книги о театрѣ и актерахъ строки тихаго возмущенія тѣмъ, что въ прежней Россіи такое большое мѣсто въ сердцахъ и умахъ занималъ театръ.

Послѣ себя Айхенвальдъ оставилъ цѣнное наслѣдство. Его ,,Силуэты русскихъ писателей" являются какъ бы критической хрестоматіей новѣйшей литературы, останутся надолго полезнымъ и пріятнымъ литературнымъ справочникомъ, вѣрнымъ указателемъ путей къ познанію русской прозы, русской поэзіи, русской литературной души, ея воскрыленій, печали и побѣдъ. Эти книги отъ многаго предостерегутъ, онѣ предупредятъ опасныя ошибки вкуса, побѣдятъ вредныя тяготѣнія къ односторонним соціально-политическимъ истолкованіямъ художественнаго творчества, научатъ любви къ слову, покажутъ его богатство, сроднятъ и сблизятъ широкаго читателя съ писательскимъ міромъ, откроютъ его тайны для тѣхъ, отъ кого онѣ остались бы скрытыми навсегда, притянутъ и прикуютъ вниманіе равнодушныхъ и чуждыхъ писаніямъ, литературѣ, ея дарамъ и талантамъ.

Придетъ часъ, — и его не долго ждать, — когда,

сами по себѣ, сотрутся всѣ минусы, поставленные Айхенвальду его односторонними цѣнителями, забудутся невѣрныя строки С. Венгерова, вызовутъ сожалительную улыбку сужденія совѣтскихъ судей, укоряющихъ Айхенвальда въ отсутствіи „историчности и соціальнаго анализа разсматриваемыхъ фактовъ“. Айхенвальдъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, что составляло самую сокровенную сущность его души, было его лучшимъ опредѣленіемъ, — критикомъ-эстетикомъ, мечтательнымъ лирикомъ, влюбленнымъ прихожаниномъ литературнаго храма.

О, конечно, совѣтскіе литературные историки должны вычеркнуть его имя, — еще бы! — Айхенвальдъ такъ точно, такъ рѣшительно заявлялъ, что „великіе мастера и ихъ великіе цѣнители не только не служатъ продуктами своей эпохи, не только не подчиняются ей, а наоборотъ, часто выступаютъ въ рѣзкой противоположности къ ней и современному обществу“, и „художникъ, который дѣлается рабомъ соціальныхъ запросовъ, унижаетъ этимъ и искусство, и самое общество“.

Айхенвальдъ былъ независимъ. Онъ являлъ собой яркій типъ критика-индивидуалиста, цѣнилъ и въ писательствѣ яркую и сильную индивидуальность. И для него „каждый писатель — особая страна“. По этимъ странамъ онъ бродилъ, какъ упоенный отшельникъ, счастливый мечтатель, разгадывавшій сладкія тайны взволнованныхъ и творящихъ литературныхъ душъ. Должно быть, въ эти минуты онъ слышалъ пѣніе ангеловъ, — тихая радость, доступная дѣтскимъ душамъ.

К. С. Баранцевичъ.

Въ Петербургѣ, на углу Невскаго и Владимірскаго, былъ ресторанъ съ двумя входами, — „Москва“, а въ этой „Москвѣ“ былъ кабинетъ, называвшійся „некрасовскимъ“. Говорили, что въ немъ Некрасовъ любилъ посидѣть со своими друзьями и сотрудниками „Отечественныхъ Записокъ“. Въ этомъ историческомъ кабинетѣ по понедѣльникамъ устраивались т. наз. „бѣллетристическіе обѣды“. Почему — „обѣды“ — не знаю: они начинались въ 8 часовъ вечера. Впрочемъ, Петербургъ обѣдалъ поздно.

Вотъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ я познакомился съ Казиміромъ Станиславовичемъ Баранцевичемъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе необыкновенно сдержаннаго и даже робкаго человѣка. Вечеръ былъ очень оживленъ. Помню, какъ А. М. Федоровъ разсказывалъ о своей новой пьесѣ, только что принятой Александринскимъ театромъ, шумѣлъ Свирскій, молчаливо щуря наблюдательный глазъ, противъ меня сидѣлъ Купринъ, перебрасывались темами, и одинъ только Баранцевичъ былъ какъ-то особенно сдержанъ. Можетъ быть, потому, что чувствовалъ себя какъ бы авторитетомъ и предсѣдателемъ

среди насъ, молодыхъ и начинавшихъ писателей. Когда время подошло къ часу ночи и пора было уходить, кому-то влетѣла въ голову мысль переселиться напротивъ къ Палкину. Большинство согласилось. Но Баранцевичъ сталъ упрямиться. Его уговаривали, — онъ отнѣкивался. Наконецъ, его сломили. Но и тутъ, чуть ли не каждыя 10 минутъ, Баранцевичъ, то и дѣло, вынималъ часы, вынималъ, смотрѣлъ и пряталъ, покачивалъ головой и, видимо, тревожился.

Попивая бѣлое вино, смотря живыми и недобрыми, большими глазами сквозь темные синіе очки, бросалъ сердитыя характеристики Н. Селивановъ, театралъ, впослѣдствіи членъ редакціи „Театра и Искусства“. Отъ него я узналъ причину безпокойства Баранцевича. Онъ служилъ на конно-желѣзной дорогѣ, его обязанность состояла въ ежеутренней выдачѣ кондукторамъ билетныхъ катушекъ, и онъ долженъ былъ вставать очень рано. Нашъ „обѣдъ“, перешедшій въ ужинъ, разбилъ все его расписаніе, и теперь онъ не зналъ: идти ли домой, или прямо изъ ресторана отправиться на службу.

Уже на этомъ вечерѣ, при этомъ первомъ знакомствѣ, сразу почувствовалась его робость, страхъ передъ жизнью, матеріальная необезпеченность. И, дѣйствительно, онъ жилъ очень скромно. Это было ушедшее въ себя, занавѣшенное существованіе. Женатъ былъ Баранцевичъ на простой крестьянкѣ и она, какъ мать, оберегала его покой и дни.

И жизнь, и литература Баранцевича спаяли вмѣстѣ съ Альбовымъ, и эти два имени какъ-то неразрывно связались въ общемъ представленіи, въ отзывахъ критики и даже стали рядомъ на обложкѣ романа, коллективно написаннаго вкупѣ двумя беллетристами, — едва ли не первый опытъ такого совмѣстнаго творчества, породившій затѣмъ многочисленныя подражанія, изъ которыхъ первымъ я помню большую вещь, состряпанную чуть ли не десяткомъ писателей и напечатанную въ „Синемъ Журналѣ“, а послѣднимъ совсѣмъ недавно видѣлъ романъ въ совѣтскомъ „Огонькѣ“. Склонность къ „планетарности“ сказалась и тутъ, и авторами этого всесознаго романа оказалось 25 человѣкъ. Да будетъ благословлено трудолюбіе этого литературнаго взвода!

Такъ слились воедино два имени: Баранцевичъ и Альбовъ.

Между ними не было ничего общаго. Литературно они не имѣли ни одной родственной черты. Въ своей склонности къ психологическому анализу, въ своемъ подчиненіи Достоевскому Альбовъ былъ очень далекъ отъ безпритязательно-реалистической, будничной прозы Баранцевича съ ея чисто описательнымъ методомъ и уклономъ къ безхитростному, внѣшнему рисунку. Альбовъ былъ глубже. Баранцевичъ — наивнѣй.

Общія сближающія черты ихъ біографіи: они оба рано покинули гимназію, съ юности должны были прокармливать себя, но и тутъ стояло существенное различіе: свою первую вещь Альбовъ напечаталъ, когда ему было всего 14 лѣтъ, Баранцевичъ выступилъ на литературномъ поприщѣ уже зрѣлымъ 27-лѣтнимъ человѣкомъ.

И это соединеніе, это смѣшеніе воедино двухъ несхожихъ писательскихъ ликовъ иногда приводило критику въ злое раздраженіе, и я помню ядовитый отзывъ Зинаиды Гиппіусъ (Антонъ Крайній), гдѣ она не безъ жестокости отмѣчала „веселый отблескъ“, который бросаетъ на Альбова сосѣдство Баранцевича.

Вообще же, къ покойному критика относилась съ вѣ-

жливо-снисходительной сдержанностью, безъ восторговъ, но и безъ придирчиваго осужденія. Баранцевичъ держался какъ-то въ сторонѣ. Бурливая литературная жизнь съ ея скрытой борьбой, редакціонными заворухами, столкновеніями самолюбія шла мимо него, огибая его хату съ краю и никакъ не задѣвая и не омывая ее своими приливами и отливами.

Онъ вращался въ тѣсномъ кружкѣ. Это былъ какъ бы уѣздъ въ Петербургѣ. Впрочемъ, и самъ Баранцевичъ и его книги казались тоже провинціальными. Заринъ, Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ (Леонтьевъ) держались своей обособленной группой, собираясь то у одного, то у другого, — иногда по воскресеньямъ, у покойнаго критика Измайлова и — уже не помню въ какой день — у Щеглова, знавшаго таинственный секретъ приготовленія макаронъ „а ля Гоголь“, вывезенный знаменитымъ авторомъ „Мертвыхъ душъ“ изъ Италіи.

Все же изрѣдка заушали и Баранцевича. Какъ-то онъ обмолвился въ печати фразой: „ѣхать на извозчикѣ“, и она вызвала бурное негодованіе Чуковскаго. Свое насмѣшливое стихотвореніе, помѣщенное въ „Руси“, Чуковскій заканчивалъ двустрочіемъ:

„Ѣдетъ лошадь на извозчикѣ,
Баранцевича везетъ“.

По отношенію къ скромному, всегда державшемуся въ тѣни Баранцевичу это было жестоко, а вообще спорно и значитъ вздорно. Въ своей нетребовательности онъ вполнѣ удовлетворялся скупыми отзывами, отмѣчавшими не его талантъ, не обаяніе, не роскошь красокъ, не глубину психологіи, а всего только „искренность тона“, „симпатичное дарованіе“, „человѣческое отношеніе“, „любовь къ меньшему брату“ — какія ничего не говорящія

слова, опредѣленія, похожія на подсолнечную шелуху, какія шамкающія привѣтствія!...

Все же иногда нѣкоторый успѣхъ выпадалъ и на долю Баранцевича. Въ 1878 г. этотъ успѣхъ принесли ему „Порванныя струны“, потомъ — чуть ли не черезъ 20 лѣтъ — повѣсть „Борцы“, появившаяся въ „Русскомъ Богатствѣ“. Но и тутъ интересъ былъ не столько въ литературныхъ достоинствахъ, сколько въ темѣ, въ новомъ, вдругъ вошедшемъ въ моду и общее вниманіе бытѣ этихъ двухъ кумировъ арены — борцовъ. Скромный и въ своихъ писаніяхъ, боявшійся неправды, честный фотографъ, Баранцевичъ всегда разсказывалъ только то, что онъ зналъ, рисовалъ то, что видѣлъ самъ, и своего борца извелъ изъ міра той кондукторской бригады, которой въ ранній утренній часъ выдавалъ билетныя катушки.

Послѣдняя встрѣча моя съ Баранцевичемъ состоялась во время войны. Это было у издателя „Пробужденія“ Н. В. Корецкаго, замѣчательнаго своимъ неукротимымъ пристрастіемъ ко всяческимъ финтифлюшкамъ, къ дешевымъ орнаментамъ съ завертомъ, кричаще-раскрашенному уродству обстановки, доходившему до курьезовъ. Онъ жилъ въ шоколадномъ домѣ, въ гостиной у него стоялъ рояль бѣлый съ золотомъ, была розовая золоченая мебель, на потолкахъ были наляпаны какіе-то замысловатые узоры, канделябры обвѣшены нестерпимо блестѣвшими стекляшками, гатчинская дача изумляла балконной рѣзьбой, коньками, смѣсью красокъ, замысловатыми выкрутасами.

Въ тотъ годъ ему очень посчастливилось. Подписка принесла что-то около полумилліона. Всѣ ахнули — и было отчего. Корецкій ухватилъ своего читателя приложеніями, а давалъ онъ совершенно загадочную чепуху —

нѣмецкія олеографіи съ подписями изъ русскихъ романсовъ, и картины носили названія: „Подъ душистою вѣткой сирени“, „Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ“, „Глядя на лучъ пурпурнаго заката, стояли мы“ и т. п.

Все же читатель могъ бы кое какъ устоять и предъ этой приманкой, но Корецкій его окончательно побѣдилъ такой выдумкой, предъ которой всякое противодѣйствіе было безсильно. Въ тотъ 1915 годъ, въ видѣ приложенія, онъ далъ не только „картины“, но еще и двѣ... полудыни, т. е. попросту картонную дыню, разрѣзанную пополамъ, причемъ обѣ ея половины имѣли зеленыя шелковыя ушки, чтобы на нихъ висѣть въ столовой у подписчика. И этотъ благодарный подписчикъ пошелъ, поплылъ, потекъ густо и слѣпо. Результатъ — полмилліона.

Корецкій былъ гостепріименъ и добръ, говорилъ про себя: „люблю пожить“, и 6-го декабря, въ день своихъ именинъ, назвалъ къ себѣ пропасть гостей. Господи, кого тутъ не было! Тутъ и Ходотовъ, и сѣдѣвшій Потапенко съ молодой беллетристкой Наталіей Грушко, и полный Карповъ, режиссеръ Александринскаго театра съ большой бородой (за нее Юрій Бѣляевъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ прозвалъ его „большой метлой“), и глупый, басящій Муйжель, игравшій подъ „народника“, и въ то же время гордо вравшій, будто женатъ на княжнѣ Васильчиковой, впрочемъ, однако, едва ли очень настаивавшій на этомъ впослѣдствіи, тогда, когда онъ сталъ вѣрнымъ и преданнымъ членомъ великой коммунистической партіи.

Такъ, вотъ, между этимъ самымъ Викторомъ Муйжелемъ и мной въ тотъ вечеръ сидѣлъ Баранцевичъ. Прошло 13 лѣтъ со дня нашего знакомства, а Баранцевичъ былъ

все тотъ же, остался все тѣмъ же, какъ и тогда, — лысый, сухенькій, не словоохотливый, очень вѣжливый и робкій.

Только послѣ черезчуръ развязной рѣчи Ходотова, увѣрявшаго съ бокаломъ шампанскаго, что его труды, приносимые здѣсь „на благо Россіи“, ничуть не легче и не меньше, чѣмъ трудъ и рискъ сидящихъ въ окопахъ, — только тутъ возмутился даже Баранцевичъ. Откинувшись на спинку кресла, онъ тихо, чрезъ сосѣда, обратился ко мнѣ, и я услышалъ въ первый и въ послѣдній разъ у Баранцевича слово укора:

— Какъ ему не стыдно! — сказалъ онъ.

Но Баранцевичъ, — я уже говорилъ, — всегда былъ провинціаломъ. Ходотовы же являли собой „блистательный Санктъ-Петербургъ“. Въ этомъ была огромная разница. Немногіе знаютъ, что и Петербургъ былъ на три четверти провинціаленъ, и въ немъ жили и были не только студенческія землячества, но многія другія, и отъ нихъ въ Петербургѣ еще вѣяло какой-то жизнью, прочностью, русскимъ укладомъ и скрытой, хотя и никому тамъ ненужной правдой.

Баранцевичъ былъ уѣзднымъ человѣкомъ въ Петербургѣ, — посторонним человѣкомъ, — и писалъ онъ не для Петербурга, а тоже для русскихъ уѣздовъ, и герои его были уѣздные, съ уѣздной душой, съ уѣздной неувѣренностью и съ уѣзднымъ страхомъ предъ Петербургомъ и его спесью.

М. К. Первухинъ.

Никто, ничто не смѣетъ требовать отъ насъ ни полной жертвенности, ни самоотреченія. Какъ бы ни была сладостна литературная дѣятельность, это — все-таки трудъ. Какія бы чудесныя ощущенія и отрадныя минуты ни давало творчество, одно оно не можетъ наполнить жизнь, изгнать изъ чреды нашихъ дней милыя и обманчивыя земныя радости.

Но для Первухина онѣ не существовали. Ихъ не было, и онъ не искалъ ни удовольствій, ни развлеченій, ни увлеченій.

Въ литературномъ отшельничествѣ, среди безпрерывной работы, промелькнула его молодость, прошла зрѣлая пора, и въ тѣхъ же непрерывныхъ трудахъ потянулась медленная и больная старость. Впрочемъ, свой недугъ онъ носилъ въ себѣ давно, чуть ли не 30 лѣтъ подрядъ. Злая чахотка перебросила его къ началу 900-хъ годовъ въ Крымъ, сдѣлала редакторомъ провинціальной ялтинской газеты „Русская Ривьера“, затѣмъ вытолкнула совсѣмъ изъ Россіи, и Первухинъ поселился навсегда въ Италіи, ставшей ему близкой и дорогой.

Кажется, одинъ единственный разъ онъ рѣшился покинуть Римъ для Москвы, чтобы тамъ стать во главѣ

дѣтскаго журнала, издававшагося И. Д. Сытинымъ. Нужно было имѣть энтузіазмъ Первухина, горѣть, какъ горѣлъ онъ, такъ любить дѣтей, какъ любилъ ихъ этотъ измозженный, физически слабый, приговоренный врачами человѣкъ, чтобъ взвалить на себя эти трудныя обязанности, принять отвѣтственное руководительство дѣтскимъ журналомъ. Но сюда Первухина влекло и еще одно, его неизлечимое литературное пристрастіе, — влюбленность въ фабулу, въ изобрѣтательный сюжетъ, беллетристическую фантастику.

Ничего, кромѣ огорченій это редактированіе дѣтскаго журнала Первухину не принесло. Съ горечью и поздними сожалѣніями онъ вспоминалъ объ этомъ періодѣ въ письмѣ ко мнѣ, написанномъ три года тому назадъ.

— Помню, — писалъ Первухинъ, — какъ издатель Сытинъ поручилъ завѣдываніе редакціей очень бойко шедшаго — 25.000 тиража! — журнала нѣкоей Т—ой, отставной начальницѣ женской гимназіи. Эта старая классная дама заявляла: „Мы въ оригинальныхъ вещахъ не нуждаемся“. И въ два года журналъ зарѣзали: тиражъ съ 25 тысячъ сошелъ на 10.

Это особенно огорчало Первухина потому, что въ такомъ требованіи сказалось укоренившееся русское пренебреженіе къ фабулѣ, презрѣніе къ выдумкѣ, отрицаніе правъ свободной творческой фантазіи. Первухинъ передавалъ грустную и глупую сцену, когда одинъ изъ директоровъ издательства ему заявилъ:

— Я принципіально противъ печатанія фантастическихъ вещей, ибо я — позитивистъ!

Другой посовѣтовалъ:

— Создайте при журналѣ (а его читали даже гимназистки 2-го и 3-го класса!) политическій отдѣлъ. Зна-

комьте вашего читателя съ конституціонно-парламентскимъ строемъ, а при случаѣ — и съ французской революціей!

Третій, приватъ-доцентъ, ему заявилъ:

— Такъ какъ журналъ идетъ и въ пкольную среду, то не мѣшало бы по-легоньку проводить „народническую идею“ и непремѣнно бороться съ милитаризмомъ!

Сейчасъ все это кажется злымъ анекдотомъ, но тогда для пламенѣвшей души Первухина это звучало оскорбленіемъ и предрекало ему и всѣмъ его порывамъ могильный холодъ и самую скорбную безутѣшность.

Первухинъ страдалъ.

Отдавая очень много времени чисто газетной работѣ, ради заработка ставъ корреспондентомъ цѣлаго ряда газетъ, — сердцемъ и душой онъ тянулся къ беллетристикѣ, къ роману, вымыслу, и все время въ немъ боролся вольный художникъ съ повиннымъ работѣ газетнымъ труженикомъ.

Но литературная живость, особенный запахъ, присущій истинному писателю, чувствовались и тутъ, въ этихъ спѣшныхъ, мятущихся корреспондентскихъ строкахъ, безсмѣнно и непрерывно откликавшихся на мелькающія злобы итальянскаго дня. Онъ писалъ не только внѣшне интересно, но и какъ-то внутренне весело, будто это былъ бы не трудъ, а удовольствіе, не работа по обязанности, а пріятное развлеченіе.

Писать онъ любилъ. Быть можетъ, самый процессъ словеснаго расточенія его увлекалъ самъ по себѣ, волновалъ и доставлялъ особенное, рѣдко кому понятное, счастливое удовлетвореніе.

Но иногда онъ остро чувствовалъ себя скованнымъ, рвался изъ тѣсныхъ рамокъ невольнаго журнализма на

просторъ широкихъ беллетристическихъ темъ, хватался за романъ, новеллу, и, завороженный счастливымъ вымысломъ, начиналъ суетиться, весь въ творческой тревогѣ, колеблясь между корреспондентскимъ долгомъ и художественной жаждой.

Послѣдніе четыре мѣсяца мы съ нимъ находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Между прочимъ, я предложилъ Первухину сотрудничать въ моемъ журналѣ „Литература и Жизнь“, и онъ прислалъ мнѣ цѣлую исповѣдь.*) Отъ начала до конца она проникнута самой неподдѣльной искренностью. Въ этой шутливой, отрывочной автобіографіи онъ разсказываетъ о своей работѣ въ тяньдзиньской газетѣ „Нашъ Путь“, мечтаетъ объ американскихъ долларахъ, говоритъ о редакціяхъ, но вдругъ самъ себѣ задаетъ вопросъ:

— А какъ съ беллетристикою?

И отвѣчаетъ:

— Тянетъ! Иной разъ страсть какъ тянетъ!

— Чѣмъ же это плохо?!

— М-м-мъ... Съ какой точки посмотрѣть, видите-ли...

И объясняетъ:

— Въ старые годы, когда меня начинало тянуть отъ повседневной газетной, главнымъ образомъ — корреспондентской работы къ беллетристикѣ, — я этимъ не огорчался. Теперь иной разъ — огорчительно, и вотъ почему именно: засядетъ идея новеллы или романа въ мозгу коломъ, и становится этотъ „колъ“ стержнемъ, вокругъ котораго упорно навиваются нити мышленія. И отпадаетъ охота писать что-либо другое.

---

*) „Литература и Жизнь“ № 2—3 (Ноябрь—Декабрь) 1928. Писатели о себѣ“, — М. Первухинъ.

Сдерживало Первухина на этомъ пути и еще одно ущемляющее соображеніе:

— Куда приткнуть?

Отъ этого вопроса ему приходилось въ послѣдніе годы не мало страдать. Газетное и журнальное поле зарубежья оказалось слишкомъ тѣснымъ и узкимъ сравнительно съ былымъ просторомъ, всегда открывавшимся прежде для первухинскихъ писаній. Теперь онъ разбрасывался, помѣщая свои корреспонденціи въ „Сегодня“, въ бѣлградскомъ „Новомъ Времени“, въ софійской „Руси“, въ парижскомъ „Русскомъ Времени“, въ бухарестской „Нашей Рѣчи“, въ тяньдзиньскомъ „Нашемъ Пути“ и др. газетахъ и жаловался, что его безпощадно и безцеремонно перепечатываютъ въ Нью-Іоркѣ, и въ Буэносъ-Айресѣ „чуть ли не въ Рейкіавикѣ и Тананаривѣ“.

Надо удивляться этой энергіи, этой неистощимой силѣ совершенно больного, окончательно изможденнаго человѣка, неотрывно, чуть ли не сутками, прикованнаго къ своей пишущей машинкѣ. Три года тому назадъ Я. І. Брамсъ, будучи въ Италіи, посѣтилъ М. К. Первухина. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетикѣ, конечно за работой. Чѣмъ-то бѣлымъ была обвязана вся голова, въ послѣднее время никогда не переставшая болѣть, около него стояли двѣ чашки, — въ нихъ онъ сплевывалъ свою мокроту, и весь видъ его производилъ впечатлѣніе умирающаго, во всякомъ случаѣ, приговореннаго, но мечтаній и надеждъ, но плановъ и темъ въ этой больной головѣ и этомъ измученномъ сердцѣ роилось и кипѣло безъ счета и конца.

Въ своей литературной страсти Первухинъ вообще былъ безразсчетенъ. Особая страстность чахоточныхъ у него выливалась къ одной единственной его прекрасной

дамѣ, — литературѣ. Запершись отъ всего и отъ всѣхъ, отъ интересовъ, отъ жизни, отъ людей, онъ проводилъ дни, вечера и ночи влюбленнымъ отшельникомъ, отдавшимъ свои силы единому божеству, одной неутолимой и, должно быть, тоже больной, страсти къ писательству, словесному мотовству, расточенію строкъ и темъ.

Какъ странно (и завидно!) читать сейчасъ его признаніе, сдѣланное почти наканунѣ смерти:

— Я — двужильный, чтобы не сглазить!...

Уже стоя одной ногой въ могилѣ, въ преддверіи самой смерти, минувшей весной онъ какъ-то быстро закончилъ свой романъ „Жемчужное ожерелье“. Въ то же время написалъ другой романъ изъ жизни эмиграціи довоеннаго времени, — „Островъ сиренъ“. На фонѣ Капри тамъ изображена русская колонія съ Максимомъ Горькимъ въ центрѣ и Евно Азефомъ въ тѣни, и чуть ли не въ послѣдній мѣсяцъ своей жизни этотъ удивительный человѣкъ все еще возился надъ заключительными главами своего историческаго, слегка оккультнаго романа „Земной богъ“.

Куда онъ готовилъ ихъ? Гдѣ можно было бы помѣстить? Зачѣмъ этотъ трудъ? Но для такихъ людей, какъ Первухинъ, существуетъ не только „зачѣмъ“, но еще и „почему“. Эти загадочные люди съ непонятной душой одержимые, будто вѣчно находящіеся подъ какимъ-то темнымъ и слѣпымъ навожденіемъ, объятые несбыточными грезами, во власти таинственныхъ и властныхъ образовъ, пишутъ, какъ поетъ птица, безъ цѣли, единственно ради самаго процесса, не „зачѣмъ“, а потому, что они не могутъ не писать, не творить, не быть въ этомъ вѣчномъ, непрекращающемся возбужденіи. Первухинъ такъ и говорилъ: „Эти вещи я писалъ д л я с е б я“.

Сознавался:

— Не зарекаюсь и впредь: потянетъ на беллетристику — плюну и на „мексы“ (мексиканскіе доллары), и даже на полноцѣнные „амды“ (американскіе доллары).

Это была жизнь, отданная только литературѣ, только писательству, — ничему больше.

Я знаю: фразы и періоды были у него длинны, зато стиль письма былъ стройненъ. Но какое тонкое наслажденіе, даровано мечтателямъ: не знать любви и писать о ея блаженствахъ, какой трепетъ переживать въ строкахъ никѣмъ, никогда не переживаемое въ жизни. Какъ напряженны бываютъ эти призывы міра людей, отверженныхъ этимъ міромъ, одержимыхъ болѣзнью, лишенныхъ правъ на счастье, на очарованія женщинами, влюбленностью и многимъ другимъ, что называется нашими бѣдными, но и спасающими обольщеніями.

Въ 1910 году я жилъ въ Римѣ, тамъ встрѣчался почти со всѣми русскими литераторами, пребывавшими тогда въ Вѣчномъ Городѣ, перевидалъ всѣхъ корреспондентовъ, и не только русскихъ, но и иностранныхъ, и только одного человѣка такъ и не встрѣтилъ нигдѣ — ни въ кафе, ни въ ресторанахъ, ни на улицѣ, ни въ эмигрантской библіотекѣ, и этотъ человѣкъ былъ М. К. Первухинъ.

Обыкновенно много трудящіеся люди испытываютъ глубокое неудовлетвореніе ихъ оцѣнкой. Невольно въ этихъ сердцахъ рождается недовольство современниками. Естественно и легко возникаетъ чувство зависти къ болѣе удачливымъ, прославленнымъ сосѣдямъ. Первухинъ былъ совершенно свободенъ отъ этихъ самоущемленій. Ни зависти, ни даже случайнаго недоброжелательства онъ не вѣдалъ совсѣмъ. До конца своихъ дней онъ съ исключительной теплотой и самымъ искреннимъ признаніемъ

отзывался о Буниной, Куприной, Алдановѣ, особенно Мережковскомъ и его послѣдней книгѣ „Наполеонъ“. А въ этой области Первухинъ могъ считаться однимъ изъ весьма освѣдомленныхъ людей. О Наполеонѣ онъ изучилъ богатѣйшую французскую, нѣмецкую, отчасти даже англійскую литературу, и, казалось бы, имѣлъ права стать только критикомъ, и, можетъ быть, даже придирчивымъ. Но ничего, кромѣ словъ похвалы, онъ не проронилъ ни о Мережковскомъ, ни о его „Наполеонѣ“ и считалъ этотъ трудъ не имѣющимъ равнаго „по своей яркости, рельефности, картинности, по вразумительности и по жизненности“. Вообще, знанія Первухина были разнообразны, его любопытство къ интереснымъ эпохамъ, людямъ, событіямъ, страницамъ исторіи было неутолимымъ, жаднымъ и горячимъ. И эта любознательность росла у него изъ того же внутренняго влеченія къ фантастикѣ.

Не такъ давно имъ былъ выпущенъ романъ „Пугачевъ-Побѣдитель“. Можно было думать, что тутъ-то авторъ уже непремѣнно будетъ держаться исключительно точной исторической схемы. Но и этотъ романъ оказался „историко-фантастическимъ“, и это тѣмъ болѣе удивительно, что беллетристическое воображеніе автора здѣсь имѣетъ дѣло не съ будущимъ, какъ это всегда бываетъ съ утопическими произведеніями, а ограничено строгими рамками прошлаго, притомъ изслѣдованнаго и всѣмъ извѣстнаго времени. Первухинъ окружилъ пугачевщину собственными вымыслами, сфантазировалъ тревожную вѣсть о гибели Екатерины II и наслѣдника Павла Петровича, подарилъ побѣду Пугачеву, посадилъ его на тронъ московскихъ царей, чтобы закончить романъ фразой Орлова: „Россія будетъ!“

Первухинъ былъ влюбленнымъ иллюзіонистомъ. Это

былъ восторженный рабъ фантазіи. И свое письмо три года тому назадъ онъ прислалъ, откликнувшись на мою статью о значеніи вымысла и фабулы. Какъ странно! На нее же тогда откликнулся и Ю. И. Айхенвальдъ. О нихъ обоихъ одно за другимъ, будто слѣдъ въ слѣдъ я пишу сейчасъ эти прощальныя воспоминанія. Мремъ мы, мремъ, будто боясь опоздать къ какому-то сроку, отбывая поганую повинность смерти...

О ней есть умная фраза Тургенева въ письмѣ къ Флоберу:

— Нѣмая и глупая яма, которая даже не знаетъ, что она хоронитъ.

Аркадій Аверченко.

Аверченко пріѣхалъ къ намъ три года тому назадъ. Это было въ февралѣ 1923 г. Вмѣстѣ съ актеромъ Исольдовымъ и его женой, актрисой Раичъ, онъ совершалъ театральное турнэ: ставилъ свои пьесы, самъ въ нихъ игралъ, со сцены читались его разсказы. Вечера проходили съ успѣхомъ. Почти тотчасъ же по пріѣздѣ онъ пришелъ въ редакцію. Мы встрѣтились послѣ многихъ лѣтъ разлуки, не видавъ другъ друга болѣе пяти лѣтъ. Аверченко былъ все тотъ же.

Ахъ, конечно, я говорю не о человѣкѣ, не о другѣ, не о писателѣ. Тутъ не могло быть никакихъ неожиданностей, никакихъ превращеній и утратъ. Но и внѣшне онъ оставался такимъ же, какимъ я зналъ его 17 длинныхъ лѣтъ.

Между прочимъ, за весь этотъ періодъ судьбѣ было угодно сводить насъ въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ. Въ 1909 году я попалъ въ Харьковъ, туда пріѣхалъ Аверченко. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ пришлось пожить въ Кіевѣ и тутъ опять произошла наша встрѣча. Черезъ нѣкоторе время мы снова сидѣли въ его номерѣ въ Одесской „Лондонской“ гостиницѣ. Затѣмъ я жилъ въ Москвѣ, но судьба занесла Аверченко ко мнѣ и сюда.

Теперь послѣднее свиданіе произошло уже въ Ревелѣ, и опять всѣ дни его пребыванія здѣсь мы провели, не разлучаясь, вмѣстѣ.

Ни выраженіе лица, ни общій тонъ рѣчи и отношеній къ жизни, ни довѣрчивая искренность, ни веселый, чуть-чуть лукавый смѣхъ, ни его льющееся остроуміе ничего не утратили въ своемъ прежнемъ обликѣ и своей свѣтлой красотѣ.

Эта недѣля мнѣ особенно памятна. Ему Ревель понравился. Его прельщала старина, эти узкія улицы, древнія зданія, ратуша, люди. Но и ревельцы сумѣли окружить его лаской, теплом и любовью. Аверченка приглашали наперерывъ.

Потомъ, когда онъ уѣхалъ, о немъ долго и много вспоминали, и я часто получалъ порученія посылать ему поклоны и привѣты въ письмахъ и однажды двѣ милыя дамы приказали мнѣ передать ему „поцѣлуй въ лобъ“. Я ему объ этомъ написалъ. Въ своемъ юмористическомъ отвѣтѣ (всѣ его письма ко мнѣ носятъ юмористическій характеръ) онъ выражалъ недоумѣніе:

— Ты пишешь: „Н. и Н. цѣлуютъ тебя въ лобъ“ (?!)... Милыя старомодныя чудачки! Не могли найти другого мѣста. О, какъ онѣ выгодно выдѣляются на нашемъ разнузданномъ фонѣ и т. д.

Мой глазъ пріятно подмѣчалъ въ Аверченкѣ ту мягкую естественную, природную воспитанность, которая дается только чуткимъ и умнымъ людямъ. Его очарованіе въ обществѣ было несравнимо. Онъ умѣлъ держать себя въ новой и незнакомой средѣ легко, въ мѣру свободно, неизмѣнно находчивый, внимательный, ясный, равный и ровный со всѣми и для всѣхъ. Это большое искусство, имъ можетъ владѣть только талантливая душа, и Аверченкѣ былъ данъ даръ плѣнительнаго шарма. Онъ покорялъ. Но рядомъ съ этой веселостью, внѣшней жизнерадостностью теперь въ его отношенія къ людямъ вплелась еще одна замѣтная нить: онъ былъ внимателенъ и заботливъ къ другимъ. Правда, отзывчивость всегда была одной изъ его прелестныхъ чертъ. Теперь она стала углубленной, преобразившись изъ готовности откликнуться въ исканіе возможности понять, помочь и услужить. Прежде онъ не могъ отказывать, сейчасъ онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи быть полезнымъ.

Изъ его писемъ я знаю, какія хорошія воспоминанія онъ сохранилъ о Ревелѣ. Черезъ годъ я его звалъ сюда для общей работы въ газетѣ. Между прочимъ, я прибавлялъ, что крупнаго аванса ему не вышлютъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ все въ томъ же юмористическомъ тонѣ:

— „...Письмо твое я получилъ, но что я могъ отвѣтить, если въ главномъ мѣстѣ своего письма ты тихо и плавно сошелъ съ ума. Будь еще около тебя, ну... пощупалъ бы лобъ, компрессъ приложилъ, что-ли. А что можно сдѣлать на разстояніи? Ты, конечно, съ захватывающимъ интересомъ ждешь: что же это за мѣсто письма такое? А мѣсто это вотъ какое: — (ахъ, ты ли это писалъ?). „Разумѣется о томъ, чтобы выслать тебѣ большой авансъ, — не можетъ быть и рѣчи“. Скажи: другъ ты мнѣ или нѣтъ? Какъ же у тебя повернулась рука написать такое? Да гдѣ же это видано, чтобы человѣка съ моимъ роскошнымъ положеніемъ и тѣлосложеніемъ приглашали, какъ полубѣлую кухарку?“

И заканчивалъ тоже юмористически:

— „Эхъ, братъ, горько мнѣ! А получи я гарантію — да я бы къ тебѣ на бровяхъ доползъ...“

Тогда онъ уже былъ очень недурно устроенъ въ

Прагѣ и все-таки это согласіе перебраться въ Эстонію у него было не простымъ словомъ вѣжливости, а, дѣйствительно, выраженіемъ самаго искренняго желанія.

И въ смыслѣ художественномъ, и въ смыслѣ матеріальномъ выступленія Аверченко проходили съ отличнымъ успѣхомъ и завидными результатами. Онъ сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ сборовъ и въ Ревелѣ и въ Юрьевѣ, отовсюду унося съ собой самыя отрадныя впечатлѣнія. Слегка, чуть-чуть его огорчила только Нарва. Ему показалось, что съ его спектакля взяли слишкомъ большой налогъ. И съ своей обычной беззаботностью, добродушно подсмѣиваясь, онъ написалъ объ этомъ фельетонъ, а въ немъ говорилъ:

— „Всѣ знаютъ, что я извѣстенъ своей скромностью по всему побережью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу удержаться, чтобы не похвастать: есть такой городъ, который я содержу на свой счетъ! Этотъ городъ — Нарва. Я пріѣзжаю въ городъ, привожу свою труппу, выпускаю афишу, снимаю театръ, въ день своего вечера играю пьесы, читаю разсказы, получаю за это деньги и потомъ... всѣ деньги аккуратно вношу нарвскимъ отцамъ города. На мои деньги эти отцы благоустраиваютъ мостовыя, проводятъ электричество, исправляютъ водопроводъ и... ахъ, да мало ли у города Нарвы насущныхъ нуждъ! И обо всемъ я долженъ позаботиться, все оплатить . Хлопотливая штука!“

Конечно, и тутъ не было никакой гнѣвности. Аверченко шутилъ. Нарвцы это такъ и поняли. Кто-то прислалъ оттуда отвѣтную полемическую статью, но и она тоже была незлобной, а веселой. Редакція не помѣстила ее, не желая длить полемику между нашимъ

гостемъ и городомъ, взыскавшимъ все-же совершенно законный налогъ.

Во всякомъ случаѣ турнэ по Эстоніи для него не было утомительнымъ. Для него эта недѣля прошла незамѣтно. Его не безпокоили, къ нему не стучались, ему не надоѣдали. Но вообще эта новая профессія, временная профессія актера для него была тяжела.

Всю свою жизнь Аверченко провелъ независимо, оставаясь вольной птицей, издатель и редакторъ собственнаго журнала, широко расходившагося, приносившаго большія и легкія деньги. Какъ страстно ни любилъ Аверченко театръ, — крѣпко связанный съ нимъ многоразличными узами автора, зрителя, друга,—доля кочующаго актера была не по немъ и не для него.

Передъ началомъ перваго спектакля я зашелъ къ нему въ уборную. Онъ былъ почти готовъ къ выходу и стоялъ, оправляясь предъ зеркаломъ. На немъ былъ чудесно сшитый фракъ. Когда я ему объ этомъ сказалъ, онъ съ улыбкой, поправивъ свое неизмѣнное пенснэ, отвѣтилъ:

— Да, всѣ воспоминанія прошлаго хороши. Теперь ужъ такого не сшить.

И вотъ тутъ, въ эти короткія минуты, оставшіяся до поднятія занавѣса, онъ пожаловался мнѣ на свою актерскую тяготу. Ему были непріятны эти однообразныя повторенія однѣхъ и тѣхъ же пьесъ, эти переѣзды, упаковки и распаковки чемодановъ, номера гостиницъ, афиши, хожденія за визами. Особенно надоѣдало играть свои собственныя вещи.

Послѣдній разъ мы пообѣдали въ „Золотомъ львѣ“, тамъ-же, гдѣ онъ остановился. Все было уже уложено.

Чемоданы стояли внизу, въ передней. Поѣздъ отходилъ въ 6 вечера.

Мы поѣхали на вокзалъ и тамъ простились.

Смѣясь, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ:

— Лучшій некрологъ о тебѣ напишу я.

И шутливо прибавилъ:

— Вотъ увидишь.

— Подожди меня хоронить, — отвѣтилъ я. — Мы еще увидимся.

Но увидѣться было не суждено и некрологъ пришлось писать не ему обо мнѣ, а мнѣ о немъ.

Сейчасъ я смотрю на его карточку. Сильная кисть правой руки чуть-чуть собранная въ полукулакъ, уперлась въ подбородокъ; сквозь пенснэ безъ шнурка смотрятъ задумчивые, добрые глаза; милая голова милаго человѣка чуть-чуть склонилась внизъ. На другой сторонѣ карточки смѣлая и правдивая надпись, продиктованная вѣрнымъ сердцемъ.

Затуманившійся міръ.

Перебѣжавшему въ СССР писателю Скитальцу сама судьба приготовила ядовитую месть. Никто сознательно не собирался его обидѣть. Все вышло само собой. Насмѣшка судьбы стала тѣмъ ехидней, что ея жала, ея острія оказались дружественными.

Будто сговорившись, по плану, сразу въ двухъ книгахъ подняли на смѣхъ Скитальца люди, связанные съ нимъ прошлымъ, общей работой, участіемъ къ однихъ и тѣхъ же кружкахъ, сотрудничествомъ въ журналахъ и альманахахъ.

Вспоминая Леонида Андреева, Горькій разсказываетъ о его талантѣ схватывать и развивать намекъ въ картину, анекдотъ въ повѣсть, отдѣльную психологическую черту въ цѣлый характеръ.

— Что такое С.? — спрашивалъ Леонидъ Андреевъ.

— Тигръ изъ мѣхового магазина.

Для Андреева этого довольно. Онъ смѣется и понизивъ голосъ, точно сообщая тайну, начинаетъ импровизировать:

— А, знаете, — надо написать человѣка, который убѣдилъ себя, что онъ герой, эдакій разрушитель всего сущаго, и даже самъ себѣ страшенъ, — вотъ какъ! Всѣ

ему вѣрятъ, — такъ хорошо онъ обманулъ самъ себя. Но гдѣ-то, въ своемъ уголкѣ, въ настоящей жизни, онъ — просто жалкое ничтожество, боится жены или даже кошки*).

Кто же этотъ писатель „С.“?

Стоявшіе вдали отъ московскихъ литературныхъ кружковъ могли бы не угадать. Теперь послѣ того, какъ вышла книга И. А. Бѣлоусова**), этотъ „С.“ перестаетъ быть загадочнымъ: рѣчь идетъ все о томъ же злополучномъ Скитальцѣ.

Въ Москвѣ долго существовалъ кружокъ писателей, — „Среда“, и въ этотъ день собирались для литературныхъ бесѣдъ Андреевъ, Бунинъ, Горькій, Телешовъ, Тимковскій, Серафимовичъ, Зайцевъ, еще и еще.

На одной изъ такихъ „Средъ“ Скиталецъ прочелъ свой разсказъ про какого-то кочегара, описалъ его въ ультра-реалистическихъ тонахъ, надѣлилъ его необычайными качествами, сверхчеловѣческой силой, и руки у кочегара были „желѣзныя“, мускулы — „стальные“, жилы, какъ „проволоки“.

Послушавъ разсказъ, Горькій сказалъ:

— Ну, и герой же у тебя, Степанъ, — словно тигръ изъ мѣхового магазина.

Такъ вспоминаетъ Ив. Бѣлоусовъ.

Скиталецъ всегда былъ курьезенъ и ничтоженъ. Одѣвался, какъ Горькій, носилъ поддевку, высокіе сапоги, картузъ, вмѣстѣ съ Горькимъ появлялся въ общественныхъ мѣстахъ и въ театрѣ, и его иронически называли „Подмаксимкомъ“.

*) М. Горькій. О писателяхъ. Издательство „Федерація“. Москва. 1928.

**) И. А. Бѣлоусовъ. Литературная среда. Воспоминанія 1880—1928, Коопер. издательство писателей. „Никитинскіе субботники“. Москва. 1928.

Серьезно къ нему никто не относился. Особенно любилъ его вышучивать Леонидъ Андреевъ. О немъ онъ сочинялъ самые забавные анекдоты.

Разсказывалъ, какъ Скиталецъ съ женой пріѣхали въ Ялту: сняли комнату, и, какъ положили чемоданъ на самомъ порогѣ у входа въ комнату, такъ и не собрались убрать его съ дороги. Все лѣто такъ и ходили, перешагивая черезъ него, до самаго отъѣзда.

Еще Андреевъ сочинилъ юмористическій разсказъ о Скитальцѣ и козѣ.

Скиталецъ женился на дочери симбирскаго городского головы, болѣзненной женщинѣ. И, вотъ, ей посовѣтовали пить козье молоко. Было рѣшено купить козу. Пошелъ Скиталецъ на базаръ и привелъ козла.

Дѣлать нечего, — его оставили на дачѣ. А онъ оказался такимъ озорнымъ, что съ нимъ не было никакого сладу. Козелъ забирался на постели, на столы, перебилъ всю посуду. Тогда Скиталецъ рѣшился на отчаянное средство: онъ потихоньку отъ козла собралъ все свое имущество и переѣхалъ на другую дачу, а козла оставилъ одного въ пустомъ домѣ.

Скитальцу Андреевъ давалъ иногда удивительные совѣты.

Какъ-то онъ увидѣлъ въ передней его енотовую шубу. За лѣто ее всю съѣла моль.

Скиталецъ пожаловался Андрееву:

— Вотъ не знаю, что дѣлать, вся шерсть вылѣзла, одна мездра осталась.

— Это не бѣда, — отвѣчаетъ серьезно Андреевъ, — купи въ аптекѣ мазь для роста волосъ, смажь погуще шубу, — вотъ тебѣ и все.

Андреевъ увѣрялъ, что и этотъ совѣтъ Скиталецъ принялъ въ серьезъ.

Среди писателей самъ вспоминающій Бѣлоусовъ слылъ за доброжелательнаго, мягкаго и услужливаго человѣка, и многіе факты эту репутацію подтверждали и оправдывали.

Но прошли годы, человѣкъ написалъ свои мемуары, и теперь я ужъ не сказалъ бы, что ихъ авторъ всегда только добръ и благожелателенъ.

Рѣшительно ничего не стояло въ жизни между нимъ и Андреевымъ. Не только не пробѣжало ни одной черной кошки, но, талантливый, кристальной души человѣкъ, Андреевъ одаривалъ Бѣлоусова вниманіемъ и лаской и дружбой. Кажется, за все время ихъ знакомства, Андреевъ одинъ единственный разъ уклонился отъ бѣлоусовскаго предложенія и теперь заслужилъ горькій укоръ.

Въ 1912 г. Бѣлоусовъ рѣшилъ выпускать ежемѣсячный журналъ „Путь“. Съ просьбой о сотрудничествѣ онъ обратился и къ Андрееву. Тотъ отвѣтилъ письмомъ, гдѣ добродушно говорилъ о своемъ „корыстолюбіи“, сознавался, что „пишетъ маловато“, получаетъ 1500 рублей за листъ и совѣтовалъ подумать: „выгодно ли издателю платить такія безумныя деньги?“

Казалось бы, ничего, кромѣ милаго и дружескаго тона, нельзя разслышать въ этихъ строкахъ. Но Бѣлоусовъ и сейчасъ готовъ поставить этотъ отказъ въ упрекъ Андрееву, уже покойнику, и приводить въ сравненіе и примѣръ отвѣтъ Горькаго.

Это — не доброта.

Точно также никакихъ треній и столкновеній у Бѣлоусова никогда не было и съ Купринымъ. Наоборотъ: когда въ пользу раненыхъ группа московскихъ литераторовъ и газетныхъ работниковъ рѣшила издать альбомъ автографовъ, и Бѣлоусовъ обратился съ просьбой къ Куприну, тотъ немедленно отозвался, и опять ничего, кромѣ благодарности, не долженъ былъ заслужить.

Какъ же вспоминаетъ теперь объ этомъ добросердечный Бѣлоусовъ?

А онъ говоритъ такъ:

— Наиболѣе воинственные изъ нихъ писали:

„Врага влечетъ гордыни темный рокъ.
Звѣзда любви сіяетъ передъ нами,
Мы міру миръ скуемъ мечами, —
За нами правда. Съ нами Богъ!...“

— Эта карточка подписана, — объясняетъ Бѣлоусовъ, — „А. Купринъ, 1914 г. 18 сентября. Гатчина“.

И прибавляетъ:

— Но не только писатели изъ Гатчины бряцали оружіемъ и лихо гарцовали вдали отъ передовыхъ позицій, — находились такіе и въ Москвѣ, — въ общемъ ихъ было немного.

Таковы эти благожелательныя воспоминанія.

Вообще въ нихъ много невѣрнаго, и пристрастнаго, и фальшиваго, принесеннаго личной неудовлетворенностью, но также, конечно, и сегодняшнимъ днемъ, совѣтской атмосферой, большевицкимъ деспотическимъ трафаретомъ.

Что можетъ быть страшнѣй и безпощаднѣй цензуры въ СССР? Но Бѣлоусовъ объ этомъ не говоритъ ни единаго слова. Зато „царской цензурѣ“ достается жестокое осужденіе.

Эта „царская цензура накладывала свою лапу на печатное слово“, „она не менѣе зорко слѣдила и за устнымъ словомъ“. Приводится примѣръ. Въ сентябрѣ 1913

г. исполнилось 50-лѣтіе газеты „Русскія Вѣдомости“. Днемъ было назначено засѣданіе въ „Славянскомъ Базарѣ“, вечеромъ подписной ужинъ-банкетъ. Начались рѣчи.

Послѣ одной изъ нихъ, дежурный приставъ закрылъ собраніе. Нѣкоторые стали уходить. Другіе остались сидѣть.

И. А. Бунинъ заявилъ приставу, что онъ не уйдетъ, пока ему не подадутъ заказанный кофе. Приставъ попросилъ Бунина слѣдовать за собой для составленія протокола.

— Нѣтъ, вы за мной слѣдуйте, — сказалъ Бунинъ и пошелъ къ своему столу.

— Ваше имя и званіе? — спросилъ приставъ. Бунинъ далъ ему свою визитную карточку.

Приставъ началъ составлять протоколъ. Бунинъ заявилъ, чтобы въ свидѣтели былъ поставленъ, между прочимъ, академикъ Овсянико-Куликовскій, а на другой день поѣхалъ къ градоначальнику.

Тотъ, выслушавъ его, сказалъ, что ничѣмъ не можетъ ему помочь.

— Да я не защиты пріѣхалъ просить у васъ, — объяснилъ Бунинъ, — а жаловаться на некорректное поведеніе вашихъ подчиненныхъ.

И градоначальникъ сразу перемѣнилъ тонъ, предложилъ писателю кресло и очень огорчался тѣмъ, что свидѣтелемъ былъ вызванъ академикъ Овсянико-Куликовскій, и Бунинъ самъ оказался тоже почетнымъ академикомъ.

И дѣло было замято.

Такъ, вотъ, какъ несправедливо и жестоко обращалась „царская цензура“, и какъ тяжела была ея „лапа“. Попробовалъ бы сейчасъ Бѣлоусовъ устроить банкетъ

и произнести антиправительственную рѣчь, и послушалъ бы я, какъ это онъ сталъ бы разговаривать съ дежурными чекистами, и хотѣлъ бы я узнать, что ему было бы уготовано, и какъ бы все это кто-нибудь сумѣлъ бы замять.

Но объ этомъ Бѣлоусову писать въ высшей степени неудобно и даже невозможно, хотя теперь „царской цензуры“ въ СССР нѣтъ.

Лишь едва слышными намеками, тихимъ шопотомъ доносятся мышинныя жалобы нашего бѣднаго мемуариста, но и онѣ всѣ смягчены и произнесены не отъ его собственнаго лица, а отъ имени другихъ, между прочимъ, устами И. С. Шмелева. Бѣлоусовъ вспоминаетъ, какъ авторъ „Человѣка изъ ресторана“, „нервный, съ горячимъ темпераментомъ“, всегда очень отзывчивый на чужое горе, энергичный и бодрый, послѣ Крыма вернулся въ Москву.

И. С. Шмелевъ съ гнѣвомъ и жалостью говорилъ о голодѣ въ Поволжьѣ и самъ очень измѣнился.

— Я едва узналъ его при встрѣчѣ, — пишетъ Бѣлоусовъ. — Вмѣсто живого, подвижнаго и всегда бодраго, я встрѣтилъ согнутаго, сѣдого, съ отросшей бородой, разбитаго человѣка. Въ Москвѣ онъ нѣсколько поправился, но страшно тосковалъ, что не можетъ писать.

— А писать хочется и есть о чемъ, — говорилъ Шмелевъ: — сложилась повѣсть „Черный Спасъ“.

Бѣлоусовъ неосторожно прибавляетъ:

— Страшно подумать, чтобы такой человѣкъ какъ Шмелевъ, воспитанный въ укладѣ русской жизни, въ русской жизни, любящій русскій народъ, могъ жить вдали отъ того, что составляетъ его нутро.

И впрямь: это и страшно и горько.

Но это страшное идетъ не только отъ страдающаго лика И. С. Шмелева, и не только отъ одной его трагедіи, страшное во многомъ, страшное — вездѣ. Развѣ можно забыть смерть Андреева въ Финляндіи, развѣ не страшны страданія его матери Настасьи Николаевны?

Цѣлые дни проводила она у гроба сына. Она читала ему газеты, бесѣдовала съ нимъ; потомъ обстоятельства заставили ее уѣхать въ Вамельсу, гдѣ она поселилась во флигелѣ. Большой домъ Леонида Андреева былъ необитаемъ.

Ее рѣдко кто посѣщалъ тамъ, но однажды, знакомые зашли навѣстить ее и нашли лежащей на полу мертвой.

Не задолго до смерти она покушалась покончить съ собой, — ее во время спасли отъ самоубійства.

За эти годы свершены большіе посѣвы страшнаго, — вездѣ, у всѣхъ, — и на нашей литературной рѣкѣ перестали перекликаться веселые голоса. Счастливый міръ затуманился.

О тиграхъ.

Бываетъ слово изъ забытой пѣсни. Въ осенній вечеръ, средь тишины, вдругъ услышишь пропѣтую и оборвавшуюся строчку, загорятся воспоминанія, былые дни сбѣгутся, толпясь и перегоняя другъ друга.

Такъ случилось сегодня со мной.

Я прочелъ въ газетѣ нѣсколько строкъ И. А. Бунина о „тигрѣ изъ мѣхового магазина“, о Леонидѣ Андреевѣ, его подчиненіи Горькому („угодѣ“) и на минуту все стало тоже пушистымъ и мягкимъ, какъ этотъ магазинный тигръ, память воскресила далекіе образы, далекіе дни.

Буninъ внесъ поправку въ мою статью: выраженіе „тигръ изъ мѣхового магазина“ принадлежитъ ему, а не Горькому и не Андрееву. Курьезъ въ томъ, что Горькій это сравненіе вкладываетъ въ уста Андрееву*), а Бѣлоусовъ великодушно даритъ остроумное опредѣленіе этому самому Горькому.

Спору нѣтъ: выраженіе удачно, но дѣло не въ этомъ. И. А. Буninъ указываетъ на духовное подчиненіе Андреева Горькому. Оно было. Впрочемъ, можно сказать еще

*) М. Горькій. О писателяхъ. Изд-во „федерація“ Москва. 1928.

точнѣй: Андреевъ не „угождалъ“ Горькому, а влюбленно имъ плѣнялся. Въ этомъ сказалась благодарная душа. Никогда Андреевъ не могъ забыть услуги, оказанныя ему Горькимъ, эти первыя ободренія и окрыленія, растрогавшія его, тогда почти еще никому неизвѣстнаго сотрудника газеты „Курьеръ“.

Андреевъ былъ очарованъ. Этотъ періодъ я хорошо помню. „Алексѣй Максимовичъ“ не сходилъ у него съ языка. Такъ продолжалось долго. Андреевское отношеніе къ Горькому измѣнила война. Но и въ 1915 г. на полномъ собраніи своихъ сочиненій онъ сдѣлалъ трогательную и дружескую надпись Горькому. Въ своей любви къ нему, въ чувствѣ благодарности Андреевъ оставался неизмѣннымъ.

Сейчасъ, въ журналѣ „Красная Новь“ нѣкій К. Злинченко разсказываетъ о своемъ визитѣ къ Андрееву. Это было въ 1906 г. Андреевъ жилъ въ Гліонѣ, въ отелѣ „Монтъ-Флери“. Тамъ же находился Горькій. К. Злинченко пріѣхалъ для полученія подписи Андреева подъ воззваніемъ, обращеннымъ „къ рабочимъ Швейцаріи“.

И тутъ Андреевъ высказалъ все то же — свое любовное, восхищенное отношеніе къ Горькому. Знакомя съ нимъ пріѣзжаго, Андреевъ оживленно и радостно сказалъ:

— Вотъ это и есть основатель комитета безработныхъ.

Горькій захотѣлъ войти въ члены комитета, и Андреевъ съ гордостью говорилъ К. Злинченку:

— Вотъ видите, какого я далъ вамъ члена! Горькій — это побольше Андреева.

И это у него было искренне. Андреевъ не умѣлъ и

не любилъ лгать, не хотѣлъ притворяться. Въ немъ таились нѣкоторыя актерскія замашки, но и онѣ не затемняли правдивости андреевскаго сердца, его честной и смѣлой, откровенной искренности.

Тутъ надо указать еще на одну черту Андреева. Онъ не принадлежалъ къ людямъ воли . Въ немъ чувствовалась надорванность или слабость, во всякомъ случаѣ, неустойчивость, какая-то раздвоенность. Онъ это зналъ самъ. Особенно ясно эта черта стала имъ ощущаться подъ конецъ жизни.

— Во мнѣ живутъ два человѣка, непохожихъ одинъ на другого, — говорилъ онъ И. А. Бѣлоусову.

Писалъ ему:

— Послѣдніе мѣсяцы я испытываю странную и опасную развинченность моей личности. Это не то, что раздвоеніе, а раздесятереніе и даже больше; а захватываетъ оно не только мою духовную сферу, но гибельно отражается и на физической сторонѣ.

Въ этой душѣ были поселены многіе страхи, терзающія предчувствія, ночныя безпокойства. Какъ-то послѣ одной изъ литературныхъ средъ Андреевъ остался ночевать у Бѣлоусова. Ему постлали въ кабинетѣ. Подъ утро зашелъ въ комнату хозяинъ. Андреевъ не ложился.

— Что же ты не спишь?

— Боюсь: думаю, что если лягу, то умру.

Горькій былъ сильнѣй, крѣпче, здоровѣй, просто выносливѣй. Въ ихъ отношеніяхъ съ Андреевымъ игралъ роль преобладаніе у Горькаго волевой силы. Онъ былъ проще и яснѣй, и это могло подавлять мятущуюся, тревожную натуру Андреева. Его природную нѣжность, колеблемую душу пугали грубость и дѣланная прямота Горь-

каго, этой душѣ импонировала размашистая разухабистость Скитальца.

И. А. Бунинъ правъ: къ Скитальцу, этому „тигру изъ мѣхового магазина“ Андреевъ мило относился „не только за страхъ, но и за совѣсть“.

Какъ-то мы сидѣли съ Скитальцемъ-Петровымъ, говорили о Л. Андреевѣ.

Съ большимъ самодовольствомъ Скиталецъ мнѣ напомнилъ:

— Вотъ, въ своей „Безднѣ“ Андреевъ заставляетъ своего студента Немовѣцкаго при воспоминаніи о Зиночкѣ произнести стихи: „Всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою.“

— Вы знаете, — неожиданно спросилъ Скиталецъ, — чьи эти стихи?

— Не знаю.

— Мои, — съ гордостью закончилъ Скиталецъ.

Въ этомъ не было ничего напускного: Андреевъ совсѣмъ не восхищался Скитальцемъ. Но въ немъ жилъ всегда хорошій, сердечный и ласковый товарищъ. Вкладывая въ уста своего героя стихотворную строку Скитальца, Андреевъ хотѣлъ доставить маленькое удовольствіе своему пріятелю, товарищу по писательскую кружку, — и только.

Вообще надо знать то время, чувствовать общую настроенность этого „затуманившагося міра“, вспомнить какъ жили, дружили эти люди, какъ много воодушевленій и надеждъ трепетало въ этихъ сердцахъ, чтобъ не удивляться ни ласковой общительности, ни взаимной сердечной внимательности этихъ писателей, вдругъ молніеносно освѣтившихся золотыми лучами всходившей всероссійской славы.

Теперь почти вымысломъ кажется, ироніей звучитъ горячая похвала Горькаго, высказанная Бунину и его стихамъ. А похвала была.

Вотъ — только что опубликованы „Письма Максима Горькаго къ Валерію Брюсову“. *) Тогда онъ получилъ книгу стиховъ Бунина — „Листопадъ“.

— Съ благодарностью извѣщаю, — пишетъ Горькій Брюсову, — что получилъ прекрасную книжку стиховъ Бунина, коего считаю первымъ поэтомъ нашихъ дней.

Такъ въ тѣ годы отзывался нынѣшній кумиръ пролетаріата объ „идеологѣ буржуазіи“, совѣтскій пѣснопѣвецъ о „дворянинѣ-эмигрантѣ“. А эту „осеннюю поэму“ — „Листопадъ“ И. А. Бунинъ посвятилъ М. Горькому.

Правда, уже тогда между ними лежала пропасть и оба стояли на противоположныхъ берегахъ рѣки, по разному чувствуя, различно думая, каждый по своему оцѣнивая событія и ломавшуюся исторію русской жизни. Насколько охотно Андреевъ шелъ въ одной упряжкѣ съ Горькимъ, настолько далекъ былъ имъ Бунинъ.

И. А. Бунинъ оставался въ сторонѣ отъ многихъ выступленій и Горькаго и Андреева. Горькаго это возмущало. Онъ готовъ былъ упрекнуть его въ холодѣ и равнодушіи. Негодуя на правительственныя мѣропріятія, направленныя противъ студентовъ, Горькій зло отзывается о Буниѣ:

— Это возмутительно и противно до невыразимой злобы на все, — на Цвѣты „Скорпіона“*) и даже на Бунина, котораго люблю, но не понимаю, — какъ талантъ

*) „Печать и революція“. Книга V. Госизд Москва 1928. „Письма М. Горькаго къ Брюсову“.

**) Альманахъ „Сѣверные Цвѣты“ на 1901 г., собранные книгоизд-вомъ „Скорпіонъ“.

свой красивый, какъ матовое серебро, онъ не отточитъ въ ножъ и не ткнетъ имъ, куда надо.

Эти укоры Горькаго были не послѣдніе. Горделивая холодность Бунина ему не нравилась. Въ этой чертѣ (благородной!) ему чудилось высокомѣріе. Горькій допускалъ здѣсь даже рисовку или кокетство. Конечно, это вздоръ, но вздоръ понятный, такъ легко объяснимый вздоръ! Тутъ дѣло даже не въ пониманіи или непониманіи, не въ степеняхъ чуткости, не въ горьковской глухотѣ, — причина въ разности культуръ.

Духовный обликъ Бунина, самъ по себѣ, долженъ быть не только чуждымъ Горькому, но и глубоко ему враждебнымъ въ своихъ наслѣдственныхъ чертахъ, въ своемъ міровоспріятіи, во всемъ своемъ внутреннемъ строѣ, въ своей непримиримости, какъ непримиримы ложный пафосъ и спокойная мудрость, миражи и ясность, пошлость и красота, гордость и расчетъ, дальновидность и ослѣпленіе, знаніе и верхоглядство, умъ и резонерство.

Ближе, родственнѣй, дороже и цѣннѣй для Бунина всегда былъ Чеховъ и, въ противоположность горьковской взвинченности тѣхъ лѣтъ, этимъ декламаторскимъ пристрастіямъ, нагроможденности, превыспренности, навинченному колоченью въ грудь до звона въ ушахъ, стиль Чехова и Бунина пріобрѣтали и обрѣли прозрачную просвѣтленность. Недаромъ Чеховъ писалъ Горькому:

— У Васъ нѣтъ сдержанности. Вы, какъ зритель въ театрѣ, который выражаетъ свои восторги такъ несдержанно, что мѣшаетъ слушать себѣ и другимъ. Это не размахъ, не широта кисти, а именно несдержанность.

Еще болѣе опредѣленно эти признаки некультурности, эту литературную наивность Чеховъ отмѣчаетъ дальше:

— Въ изображеніяхъ интеллигентныхъ людей чувствуется напряженіе, какъ будто осторожность; это не потому, что Вы мало наблюдали интеллигентныхъ людей — Вы знаете ихъ, но точно не знаете, съ какой стороны подойти къ нимъ.

Это очень мѣтко. Здѣсь — тайна и основная причина духовнаго размиренія между Горькимъ и Буниным. Ни о какой классовой розни не можетъ быть и рѣчи. Да и что же это за пролетарій такой — Горькій, — „богатъ и знатенъ Кочубей“ съ одной стороны, а съ другой: давно ли марксизмъ и ленинизмъ стали выдавать босякамъ почетные пролетарскіе паспорта, видъ на рабочее жительство?

Нѣтъ, корень сидитъ въ другомъ — въ культурѣ, ея органической отчужденности отъ некультурности, полуинтеллигентности, литературнаго демимондентства, мѣщанской лукавки, нескромной навязчивости, хитроумія, а не ума. „Холодъ, холодъ!...“ Какъ хорошо писалъ Бунину Чеховъ:

— Садиться писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ какъ ледъ!

Вотъ почему въ самомъ дѣлѣ „тигръ изъ мѣхового магазина“ могъ быть выпущенъ на литературную улицу только Буниным, ироніей этого человѣка, его „холоднымъ“ пониманіемъ моднаго тогда разлюли — огарочнаго декламаторства о міровомъ, о вселенскомъ воеотрицаніи всѣхъ небесъ и всѣхъ земель и всѣхъ водъ, одинаково соленыхъ и прѣсныхъ, стоячихъ и текущихъ, какъ есть какой-то загадочный, но тоже какъ-то и куда-то „текущій моментъ“.

Развѣ могъ Горькій такъ зло отозваться о Скитальцѣ? Вѣдь, это же былъ бы ударъ собственной палкой

по своей же головѣ, братоубійство, воистину Каиново преступленіе. Еще бы: оба — блуники, оба крушители, оба — „гусли звончаты“, оба въ угрожающей позѣ, и если на витрину поставить одного тигра — Скитальца, — то сама справедливость потребуетъ, чтобы рядомъ съ нимъ красовался и другой тигръ, а на немъ ярлыкъ: „Горькій“. Умилительно: въ горьковской книгѣ Скиталецъ поруганъ, но въ „Красной Новы“ этотъ Скиталецъ почтительнѣйше помѣстилъ „Воспоминанія о Горькомъ“. Впрочемъ, такъ вѣдь и было съ двумя братьями, — и одинъ изъ нихъ звался Авелемъ, и его убилъ Каинъ.

IV.

И. Бабель.

Онъ зыбокъ, онъ нервенъ, онъ талантливъ.

Я помню:

Однажды на мою петербургскую квартиру беллетристъ Ефимъ Зозуля, тогда начинавшій свой литературный путь, привелъ маленькаго Бабеля. Онъ былъ въ студенческомъ мундирѣ и своей простотой, сдержанностью и молодой довѣрчивостью произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Это былъ не только веселый, но и очень смѣшливый человѣкъ. Часто, засидѣвшись у насъ до поздней ночи, онъ оставался спать, и уже только потомъ я узналъ, что у Бабеля не было права жительства, что студенческій сюртукъ онъ носилъ, какъ панцырь, защищавшій его отъ придирокъ дворника и полиціи, что онъ снималъ комнату у какого-то шумнаго и вѣчно пьянаго лакея.

Въ тогдашнемъ Бабелѣ чувствовалось скрытое безпокойство и какая-то усталость. Его подвижность, переходившая въ суетливость, вскрывала нервную непосѣдливость и неувѣренность въ себѣ. Онъ мало говорилъ, зорко наблюдалъ, и въ этой наблюдательности была жадная напряженность. Вообще онъ жилъ настороже.

Это было въ 1916 году.

Какъ-то разъ Зозуля показалъ мнѣ бабелевскій разсказъ. Бабель былъ на столько скроменъ, что самъ не рѣшался занять чужое вниманіе этимъ едва ли не первымъ опытомъ своего пера. Я прочелъ: безъ всякаго труда угадывалось вліяніе Мопассана. Бабель вообще былъ въ плѣну у французовъ. Сначала его дразнилъ Мопассанъ, потомъ оглушалъ Барбюсъ.

Черезъ три года — въ 1919 г. — я слушалъ въ одесскомъ „Крестьянскомъ Дворцѣ", какъ Бабель читалъ свой новый разсказъ. И снова было то же: — Мопассанъ.

Его тревожили темы любви, — точнѣй, чувственности. Въ этой области Бабель былъ и остался вѣренъ своимъ физіологическимъ тяготѣніямъ. Ихъ легко разыскать во всѣхъ его книгахъ, о нихъ говорятъ его сравненія, подмѣчанія, его темы. Онъ любитъ страсть и плоть. Его женщины никогда не овѣяны чистыми прелестями идеалистическихъ мечтаній. Его глазъ схватываетъ въ нихъ то скрытаго, плотояднаго, чувственнаго звѣря, то наивную и откровенную грубость большого тучнаго животнаго.

Одинъ изъ его разсказовъ называется „Первая любовь", но и здѣсь красивая Галина Аполлоновна „слонялась съ безсмысленной улыбкой на „мокрыхъ губахъ", „подымала халатъ выше колѣна и говорила мужу: — „поцѣлуй ваву". Она „по цѣлымъ днямъ держала мужа за руки", „не сводила съ него глазъ, потому что не видѣла мужа полтора года", и Бабель, помнитъ, какъ уже тогда, десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ „ужасался ея взгляда, отворачивался и трепеталъ", „въ ликующихъ ея глазахъ видѣлъ удивительную постыдную жизнь всѣхъ людей на землѣ", какъ „необузданные вымыслы" терзали его.

И все-таки образъ Галины Аполлоновны — исключеніе. Это „первая любовь", интимныя переживанія отрочества. Но типичнымъ и наиболѣе частымъ гостемъ его книгъ является звѣроподобная и массивная, вожделѣющая баба, страдающая отъ желаній, „обильной пищи и любовнаго пота" („Король"). Такъ чувствуетъ огромная Бася Грачъ, говорящая „оглушительнымъ басомъ", такой же звѣрь Сашка, отдающаяся кучеру въ двухъ шагахъ отъ своего умирающаго любовника („Шевелевъ"). И у Любки Козака авторъ примѣчаетъ „чудовищный ея сосокъ", и такой же промадой, тушей изъ крови и мяса, представляется еврейка, изнасилованная махновцами — „толстуха съ цвѣтущими щеками", налитая „коровьими соками" — и „ноги дѣвушки жирныя, кирпичныя, раздутыя, какъ шары, воняли приторно, какъ только что вырѣзанное мясо".

И всѣ „соски", „шары", „мясо", „любовный потъ", эта нарочитая и подчеркнутая рѣзкая грубость — все это слѣдствія горьковскаго вліянія. Это отъ Горькаго, изъ Горькаго, несчастные дары Горькаго. Въ смѣшанной черезполосицѣ испытанныхъ вліяній Бабель кажется какимъ-то французско-нижегородскимъ.

Черезъ Горькаго къ Бабелю пришла и чрезмѣрность. Онъ тянется къ гиперболѣ. Ему нужна необычайность. Такъ странно: Бабель импрессіонистъ. У него почти нѣтъ фигуръ — одни силуэты. Онъ чувствуетъ неясную и зыбкую призрачность своихъ писаній, своего рисунка и именно поэтому — сознавая эти недостатки, эту нехватку — старается возмѣстить ихъ нагроможденіями, массивностью, подчеркнутостью. Онъ кладетъ краски по вѣсу, на фунты, онъ шпыряетъ въ свою лѣпку пуды глины. Это приводитъ его къ однообразію. Онъ повторяется. Это напряженіе выдаетъ его изобразительную слабость.

Онъ видитъ, желаетъ, но не выговариваетъ. Мистеръ Троттибэрнъ у него „похожъ на колонну изъ рыжаго мяса“. Въ другомъ разсказѣ боцманъ опять „колонна изъ краснаго мяса, поросшая краснымъ волосомъ“.

Это одинъ изъ бабелевскихъ пріемовъ.

Но у него есть еще и другой.

Какъ первый, такъ и этотъ явился результатомъ внутренней авторской шаткости Бабеля, его душевной зыбкости, его неувѣренности въ своихъ изобразительныхъ, въ своихъ художественныхъ силахъ.

И тамъ, гдѣ онъ не прибѣгаетъ къ массивности, къ вѣсу, къ тяжести и размѣрамъ, онъ хватается за вычурность, и тутъ его эпитеты, сравненія, вся ретушь, всѣ краски выдаютъ его несомнѣнную истеричность, по крайней мѣрѣ, какой-то неврозъ. Вычуренъ день, который „сидѣлъ въ разукрашенной ладьѣ“. Вычурны „мужики, одѣтые въ желтые нимбы стужи“ („Конецъ св. Ипатія“). Вычурна „рыжая сталь его поступковъ“ („Какъ это дѣлалось въ Одессѣ“). Вычурны звѣзды, которыя „были задушены раздувшимися чернилами тучъ“. Вычурно „вопль метался по кругу закованныхъ моихъ челюстей“. И. т. д. И. т. д.

Все время Бабель вытягивается, тщится, ловитъ слово, ищетъ его, не находитъ и бросается въ рискъ крайностей, въ необдуманную приблизительность. Вотъ — писатель самый неточный въ словѣ.

О, какъ законна и понятна эта потребность лексикоппаго обновленія, какъ всѣ мы гаснемъ въ толщѣ старыхъ, знакомыхъ, нами замученныхъ словъ. Каждый изъ насъ испытывалъ эту горячую ненависть къ затрепанному нами мѣшку словесныхъ черствыхъ корокъ, къ этому безсилію найти свѣжія обозначенія, непронутый молодой

словарь, — нами, по своему, сотканную, насъ выражающую формулу, не изношенную одежду нашей мысли.

Но когда для этого нужно выбирать между невѣрной вычурностью, опасной изобрѣтательностью, съ одной стороны, и точностью, опредѣленностью и ясностью, съ другой — предпочтемъ четкость. Бабель ее не любитъ. Ему необходима заостренность. Онъ хочетъ рисовать не карандашомъ, а пиломъ. Бабель колетъ. Ему нужно, чтобы мы вздрогнули.

Въ пучину словъ онъ бросается наобумъ. Онъ играетъ въ словесную лотерею, связываетъ несоединимое. Въ его фразѣ идетъ междуособная война. Для него этотъ пріемъ страшнѣе, чѣмъ для кого-нибудь. Дѣло въ томъ, что Бабель не знаетъ и не чувствуетъ русскаго языка. Нельзя говорить: „привелъ къ отчаянію“, „запотѣвать“, „отвѣтилъ, поиграя кнутомъ“, „парусовая (парусиновая) бурка“; „вода текетъ“; „своевольное хотѣніе боя“; „теплота потрясла основы моей души“; „земля тащитъ меня на веревкѣ своихъ бѣдствій“. И, наконецъ, это отравляющее, надоѣвшее „одѣла“: „Баська одѣла мужскіе штиблеты“... „она одѣла шляпу“... „Онъ одѣлъ бурку“ („Отецъ“).

Бабель — жертва своей нервной нетерпѣливости. Онъ торопится самъ и торопитъ свои разсказы. Къ сожалѣнію, отъ этого они не становятся подвижнѣе. Очень часто Бабель спѣшитъ, но не сдвигается съ мѣста. Это называется: суетиться. Чтобы продвинуться дальше, онъ дѣлаетъ прыжокъ. Развитіе его разсказовъ идетъ по путямъ неожиданности. Бабель боленъ авторской внезапностью. Она вездѣ. Ею поражаешься и въ неподготовленныхъ разсказахъ и въ странныхъ діалогахъ, гдѣ говорящіе между собой люди не отвѣчаютъ на вопросы, ихъ рѣчи

не связаны репликами, предметы ихъ бесѣдъ и всѣ мысли плывутъ въ противоположныя стороны.

И это тоже — пріемъ, и онъ тоже обозначаетъ все ту же авторскую неувѣренность въ себѣ, боязнь читательскаго утомленія, страхъ усыпить чужое вниманіе. Это подстегиваніе. Это хлыстъ. У Бабеля онъ бьетъ не по тому мѣсту. Это не бодритъ, а ошарашиваетъ, не взвинчиваетъ, а угнетаетъ.

Но въ этой неувѣренности Бабель правъ. Онъ пишетъ въ испугѣ, но этотъ испугъ не напрасенъ. У Бабеля почти нѣтъ сюжетовъ. Клубокъ его нитокъ не разматывается, а спутывается въ нервномъ спѣхѣ. Многія изъ вещей, составившихъ его сборники, всего только газетныя замѣтки. Встрѣча съ Керенскимъ („Линія и цвѣтъ"), ушедшіе съ корабля цвѣтные матросы („Ты проморгалъ, капитанъ"), посѣщеніе Ипатьевскаго монастыря („Конецъ св. Ипатія"), цѣлый рядъ очерковъ „Конармія" — только интересныя корреспонденціи, живые фельетоны, впечатлѣнія наблюдательнаго и любознательнаго человѣка.

Бабель вообще лишенъ вымысла. При всей своей нарочитости, азартѣ, вычурности, словесныхъ и изобрѣтательныхъ выкрутасахъ, надуманномъ сочинительствѣ подробностей, Бабель — рабъ факта. Онъ выпускаетъ раскрашенныя фотографіи. Фотографичность — отъ дѣйствительности, — раскрашенность даетъ Бабелю фантазія. Но всегда вѣрна и убѣдительна у него только жизнь, и лжива (а часто и уродлива) раскраска.

Свою нервозность, впечатлительную подвижность, печальную зыбкость Бабель не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ насъ. Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, онъ называетъ себя „ученымъ, нервическимъ (нервнымъ?) мальчикомъ",

признается, что уже тогда „сталъ извивающимся клубкомъ"; устанавливаетъ, какъ „выражалась моя болѣзнь", откровенно пишетъ:

— И теперь, вспоминая печальные эти годы, я нахожу въ нихъ начало недуговъ, терзающихъ меня, и причину ранняго, ужаснаго моего увяданія.

И, дѣйствительно, по всѣмъ книгамъ Бабеля, по его темамъ пролегли печальные отсвѣты внутренняго недомоганія. Чувствуется шаткость. Бабель идетъ, качаясь. Его литературная поступь не вѣрна. У него нѣтъ ровнаго голоса. Мы слышимъ отдѣльные нервные вскрики.

Бабель — импрессіонистъ. Его впечатлительность подвижна и разсѣянна. Онъ не умѣетъ сосредотачиваться.

И потому, что онъ самъ это хорошо сознаетъ (или, по крайней мѣрѣ, ясно ощущаетъ) — онъ неизмѣнно напрягается на изображеніи отдѣльнаго момента. Зная свою авторскую быстроходность и летучесть, онъ себя привязываетъ къ этому моменту, какъ къ верстовому столбу, чтобы не уклониться, не убѣжать прочь, не потерять дороги.

Изъ сознанія же слабости, непромкости и невнятности своего литературнаго голоса, онъ тянется къ страшнымъ темамъ, и у него вездѣ смерть и кровь, выстрѣлы, изнасилованія, бандиты, контрабандисты, погромные ужасы, убійства. И въ темахъ — напряженность. И здѣсь — чрезмѣрность. Вездѣ подчеркнутость.

Бабель не вѣритъ въ простоту и безыскусственность. Онъ влечется къ пестротѣ, невѣроятности, массивности и разноцвѣтности. Межъ тѣмъ, въ этой простотѣ онъ иногда находитъ чудесныя откровенія, тонкую вдохновенность, трогательную красоту ясныхъ и выразительныхъ словъ.

„Соль“—хорошій разсказъ, и хороши въ немъ и „славная ночка“, раскинувшаяся шатромъ „и въ томъ шатрѣ звѣзды-каганцы“, и бойцы, вспоминающіе „кубанскую ночь и зеленую кубанскую звѣзду“.

Конечно, онъ талантливъ. Но и при всей своей талантливости, при всей впечатлительности и наблюдательности, Бабель — жертва. Эта тихая сила невелика, этотъ авторъ не плодовитъ, его путь коротокъ. Это — недолговѣчность. И когда я вспоминаю мое первое давнее знакомство съ маленькимъ чернымъ Бабелемъ, его мягкіе рѣдкіе волосы, его напряженно поднятыя брови, его большой лобъ и быстрыя, суетливыя манеры, когда читаю теперь его книги, я понимаю, что и Бабель-авторъ тоже миніатюренъ, и его вещи — миніатюрны, и самъ онъ ласковъ, тревоженъ и непрочетъ. Въ литературѣ онъ стоитъ, какъ цапля въ полѣ: на одной ногѣ.

Борисъ Лавреневъ.

Борисъ Лавреневъ — головастикъ. Въ немъ все отравлено отвлеченностью. Его литература остужена до нуля. Прежде о немъ сказали бы, что у него нѣтъ „натуры“. Борисъ Лавреневъ упрямъ, а это упрямство — сердито. Онъ не пишетъ , — онъ декламируетъ, онъ играетъ на своей сценѣ и играя гримасничаетъ. Эти гримассы разнообразны, но тоже всегда холодны. То онъ дѣлаетъ видъ умиленности, то тщится расплескать свой восторгъ, то становится обличителемъ, то внѣшне умиляется, то играетъ въ благородное возмущеніе. Все напрасно: пафосъ замороженъ, умилительность не трогаетъ. Это самый несвободный авторъ. Неизмѣнно онъ въ подчиненіи у собственной надуманности. Его признанья теоретичны, его кажущіяся увлеченья продиктованы мозгомъ и равнодушнымъ расчетомъ, его пристрастія безстрастны. Въ своихъ книгахъ онъ тотъ, какимъ хочетъ выдать себя и показаться, и не тотъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Ему хочется простоты, но онъ весь завитой въ своемъ витіеватомъ слогѣ, витійственныхъ отступленіяхъ, наигранной романтикѣ, олеографическихъ сюжетахъ.

Ему хочется слиться съ массой, стать, какъ всѣ, прикоснуться къ землѣ, заговорить ея простымъ и пре-

краснымъ въ своей ясности языкомъ. Но не удается и это: слова ископаемыя, разысканныя и потому изысканныя, ибо изысканнымъ можетъ быть и пещерный и мохнатый лексиконъ. И потому Лавреневу мало „чистоты“, — ему нужна „чисть“. Его не удовлетворяютъ засохшіе перелѣски, ему нужны „сухотные“, и у него „мухлявые домишки“, у него кокетливыми пугалами встаютъ изъ строкъ „малахольники“, „бѣдолаги“, „стоймякомъ“ и кто-то кого-то „отхвосталъ по хамлу“...

Бѣдная „мужицкая“ отрада Лавренева! Онъ холодно влюбленъ въ камаринскій языкъ, онъ выражается въ присядку, онъ не подозрѣваетъ, что это тоже гримаса, тоже кривлянье, обезъянья ухватка, рисовка, игра и опять — холодъ. Лавренева съѣдаетъ Лавреневъ. Это — самоѣдъ. Онъ весь въ себѣ и для себя. Иногда кажется, что его интересуетъ единственно процессъ собственнаго письма.

Въ литературѣ онъ похожъ на прилежнаго писаря, безмѣрно увлеченнаго буквенными завитушками, неожиданными росчерками, тонкими кудряшками, эфектными нажимами.

Въ мірѣ Лавреневъ слышитъ только собственный голосъ, собственный акцентъ, свою собственную рѣчь. Онъ совсѣмъ не психологъ. Чужая душа для него воистину потемки. У него всѣ говорятъ по шаблону. Индивидуальностей нѣтъ. Когда онъ пытается дать характерный рисунокъ діалога, у него получается каррикатура, настоящая клоунада, лейковщина — „подножіе ногъ“.

И это опять оттого, что онъ тайно никому не сочувствуетъ, никого не любитъ, ни у чьего сердца не грѣется, — прохладный авторъ, остуженная голова.

Въ минуту сентиментальныхъ признаній лавренев-

скіе герои объясняются совершенно невѣроятнымъ языкомъ: „вижу кристальность вашей души и тонкую интеллигентность ... вдохновительный ангелъ“. И ихъ совсѣмъ нельзя отличить другъ отъ друга, когда они вдругъ исполняются порывами неслыханно героической рѣшимости. Тогда великолѣпный матросъ Гулявинъ („Вѣтеръ“) говоритъ такъ же, какъ Марютка („Сорокъ первый“), Марютка, какъ суровый и тоже замѣчательный „малиновый комиссаръ Евсюковъ“, Евсюковъ, какъ полковникъ Девишинъ, и уже совсѣмъ нельзя читать эти надуманныя письма, эти разсчитанные на хохотокъ паясничающіе стихи, эти приказы, написанные въ нарочито идіотскомъ стилѣ. Замѣчательно: и эти документы, и вирши, и анонимныя посланія, и слова любви тѣмъ глупѣе и напыщеннѣе, тѣмъ нелѣпѣй и подлѣй, чѣмъ дальше ихъ авторы, эти жалкіе герои Лавренева, стоятъ отъ коммунистическаго правовѣрія. За это ихъ караютъ женщины, судьба, но больше всего самъ Лавреневъ. Въ наказаніе за этотъ смертный грѣхъ недотыкомовскій „народный поэтъ — юбиляръ“, имѣющій „двадцать пять тетрадей, исписанныхъ собственноручными чернилами“ и „живущій по лѣвую руку отъ оплота народнаго опія (церкви)“, долженъ написать безграмотно-дурацкое стихотвореніе — „Звѣздное небо 24-го сентября 1921 года“ и еще какое-то „Гимновое пѣснопѣніе“, быть всячески униженнымъ, потерять любимую дѣвушку, учительницу коммунистку, въ концѣ концовъ, поэтически улетающую на аэропланѣ съ... Съ кѣмъ же еще? Ахъ, конечно, съ большевицкимъ комиссаромъ! („Воздушная мечта“).

Вотъ другой разсказъ „Тараканъ“. Опять: и тутъ мелко буржуазный купчикъ Сергѣй Сергѣевичъ Бѣгичевъ долженъ потерять свою жену, красавицу Киру, и очень

просто, почему: ее увозитъ Степанъ Максимовичъ, онъ — „красный директоръ", значитъ, добродѣтель торжествуетъ, порокъ угнетенъ, а чтобы это стало еще нагляднѣй и убѣдительнѣй, — извольте! — „мелкобуржуазный" мужъ подброситъ своему красному сопернику анонимное письмо, снова идіотическое, вновь презрѣнное, опять разсчитанное на кокотокъ: „осмѣливаюсь предупредить отъ превратныхъ поступковъ вашей жизни по поводу гражданки", — потому „что знаю вашу партійную слабость насчетъ женщинъ". И. т. д. Эти люди смѣшно говорятъ, позорно ведутъ себя, совершаютъ позорные поступки, пишутъ несуразные, идіотскіе стихи.

Лавреневъ никого не изображаетъ, онъ ничего не рисуетъ, ничего не передаетъ, — онъ доказываетъ. Это — теоремщикъ. Своихъ героевъ онъ мажетъ густо, опрометью и безразсчетно, однихъ — сажей, другихъ — мѣломъ. Третьей краски нѣтъ. И у него вездѣ или рыцари высокаго мужества и добродѣтели, или подлецы, проходимцы, эксплоататоры и убожества. Лавреневскіе персонажи построены въ двѣ шеренги, — одна противъ другой: вотъ — черные (скверно!); здѣсь — красные (восхитительно!). И какъ заострены всѣ черты негодяйства въ однихъ — такъ же безмѣрно возвеличены другіе.

Матросъ Василій Гулявинъ воистину — „чудо-богатырь". Онъ бьется, вѣритъ, побѣждаетъ враговъ, женщинъ, опасности, онъ летитъ надъ міромъ волшебнымъ рыцаремъ, не знающимъ ни страха, ни упрека, ни ошибокъ и даже неудачъ, со сказочной отвагой проникаетъ въ станъ бѣлыхъ, въ порывѣ благороднаго возмущенія „съ размаху всѣмъ кулакомъ ударяетъ по зубамъ" какого-то князя, вырывается отъ „кадетской сволочи", бѣжитъ, расталкиваетъ всѣхъ и, конечно, въ тотъ же

мигъ — „бѣшеный вихрь ударилъ ему въ лицо холодомъ и пылью, и онъ бросился туда, навстрѣчу вѣтру, повинуясь его зовущему, родному, радостному вою". Но этого мало. Для прекрасной жизни долженъ быть уготованъ великолѣпный конецъ и онъ по заслугамъ ждетъ и Василія. Его настигаютъ, онъ взбѣгаетъ на чердакъ, онъ отстрѣливается и, выпустивъ послѣднюю пулю, изругавъ преслѣдующихъ „бѣлыхъ", — „прытнулъ внизъ на вытянутыя жала штыковъ" („Вѣтеръ").

Беру другой разсказъ. Называется: „Зб. 213. 437". Опять: красноармеецъ, добродѣтель, вѣрность долгу и авторскій сентиментализмъ. Товарищъ Завихляевъ сопровождаетъ до Москвы машину — „братскій даръ отъ рабочихъ Читы". Казалось бы, чего проще? Но у Лавренева должна выступить новая очередная гримаса. По ходу игры на этотъ разъ требуется умилительность. По этой беллетристической теоремѣ необходимо доказать преданность „революціонному долгу". Разъ требуется, — пожалуйте:

— „Завихляевъ подошелъ, прижался щекой къ ледяному дереву (теплушкѣ). Тамъ, за тонкой шеловкой, молчало во временной дремѣ огромное сердце машины. И Завихляеву показалось, что въ снѣговой тишинѣ, на безопасномъ пути, онъ слышитъ внутри легкія, чуть уловимыя содраганія этого сердца. Затаивъ дыханіе, слушалъ нѣсколько секундъ, застѣнчиво улыбнулся обвѣтренными губами и смотря въ дымный хороводъ снѣжинокъ, бросилъ крѣпко и коротко: „Довезу, родная".

Лавреневъ не отвращается отъ приторности. Она ему по вкусу. Его теоретическихъ схемъ она не разрушаетъ, а чувство мѣры ему не дано. Если сентименталенъ Завихляевъ, то только потому, что сентименталенъ

авторъ. Но сентиментальность — тоже холодъ и она заводитъ Лавренева въ настоящіе тупики. Имъ утериваются не только литературное, художественное и просто человѣческое чувство, грани, инстинктъ правды — онъ становится лубочнымъ, — въ самомъ точномъ и горестномъ значеніи этого слова.

Когда-то, много лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ на Никольской можно было получить замѣчательный въ своемъ родѣ романъ, въ двухъ частяхъ подъ длиннымъ и бьющимъ по головѣ заглавіемъ:

„Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа".

Лавреневъ ухитрился стать и подъ эту сѣнь, породниться и съ этимъ лакейскимъ примитивомъ, засвѣтить огарокъ и въ этой душѣ раздирающей романтики. И у него тоже — магометанка, и тоже умирающая отъ любви, и также идетъ война русскихъ съ кабардинцами. Разница въ пустякахъ: дѣйствіе происходитъ въ Туркестанѣ, а магометанка Миріамъ умираетъ жертвой любви къ прекрасному красноармейцу Дмитрію, подавленная красотой его, но также и красной звѣзды на его кавалерійской богатыркѣ, — умираетъ тоже очень сентиментально, убитая и до конца вѣрная. Умираетъ она, но погибаетъ и красноармеецъ, потому что и онъ гибнетъ отъ любви, мстя за Миріамъ, убитый ея свирѣпымъ мужемъ.

Вотъ плоды и слѣдствія холодныхъ гримасъ, замороженнаго сентиментализма, пустопорожней романтической фразеологіи!

Лавреневъ пораженъ глухотой. Онъ не слышитъ фальши, онъ не ощущаетъ лжи, онъ мирится съ натянутостью, ему не претитъ грубость рисунка, его не отталкиваетъ искусственная элементарность темъ. Все готовъ

онъ принести на алтарь своей предвзятой, наигранной, вытянутой идеи.

Онъ сухъ и охолощенъ. Лавреневъ весь въ себѣ. Онъ весь съежившійся, весь безъ остатка умѣстившійся на краюшкѣ своего письменнаго, своего программнаго четырехугольнаго столика, на кончикѣ своего скрипящаго сердитаго пера.

Его героическимъ тонамъ не вѣришь. Романтическая, наверченная превыспренность его словесныхъ потугъ не поднимаетъ и не волнуетъ. Никогда онъ не роднился съ читательской душой. Въ этихъ попыткахъ онъ остается безъ отклика. Въ литературѣ онъ — одинокій холостякъ, въ одиночку сочиняющій, въ одиночку выискивающій рѣдкостное, небывалое, поражающее. И этимъ проклятіемъ у него прокляты и его наковыренный словарь, и ревущіе прохочущіе сюжеты, и пирамидальные, статуйные руки въ боки, и твердокаменные герои.

Онъ ищетъ розъ и небесныхъ звѣздъ, но въ рукахъ у него букетъ крапивы и звѣзда на красноармейской шапкѣ. Въ своей литературной сухопарости онъ неизмѣнно занятъ цвѣтистымъ крохоборствомъ, онъ разставляетъ оловянныхъ, несуществующихъ, раскрашенныхъ солдатиковъ, онъ влечется къ соблазнительной безднѣ лжи. И у него вездѣ преувеличенія, разбуханія, утеря масштабовъ, гибель правдивости, отчаянность безрасчетности.

Въ сущности, всѣ его разсказы и повѣсти — только тенденціозные анекдоты. Одни — трагическіе, другіе — карикатурные. Трагиченъ „Сорокъ первый" — дѣйствительно удавшійся, глубокій, серьезный разсказъ; трагиченъ „Срочный фрахтъ", — все остальное сердитая и безпредметная смѣшливость. Анекдотиченъ „Небесный картузъ", злобно ухмыльчивъ „Отрокъ Григорій", сер-

дито хохотливъ „Конецъ полковника Девишина“, весело насмѣшлива „Воздушная мечта“, мстительно саркастиченъ „Тараканъ“. Но есть и сентиментальные анекдоты — Звѣздный цвѣтъ“ съ умирающей магометанкой и „Зб. 213. 437“ съ слезоточивымъ краснымъ кавалеристомъ, везущимъ таинственную машину въ Москву.

Лавреневъ безъ нутра. О человѣкѣ ему нечего разсказать. Онъ ничѣмъ не горитъ, никакъ не свѣтится, не тянется ни къ чему живому. Это — выкошенное поле, омраченный духъ, выпотрошенное сердце, проѣзжій шляхъ, эгоистическая замкнутость. Лавреневъ можетъ быть опредѣленъ его собственными словами:

„Въ полутьмѣ кажется все не настоящимъ, а нарочно сдѣланнымъ, какъ театральный макетъ, и отъ этого въ пейзажѣ какая-то сухость и мертвенность, нѣтъ живого впечатлѣнія, нѣтъ аромата, и даже лужи, сдѣланныя котами и прохожими въ закоулкахъ, ничѣмъ не пахнутъ“.

Да, литература — всегда любовь — особенно литература русская. Это — сердце. Гдѣ его нѣтъ — нѣтъ ничего. Въ искусствѣ слова, въ творчествѣ литературы головастики — мертворожденные.

Только два раза Лавреневъ довѣрился не головѣ, а сердцу, два раза онъ попробовалъ говорить о человѣкѣ, его страданіяхъ, его вѣчномъ и неизмѣнномъ началѣ, о его любви, — и оба разсказа сразу зацвѣли, ожили, раскинулись въ тихой красотѣ сторожкой и не обманывающей правды. Такъ родились „Сорокъ первый“ и „Срочный фрахтъ“, гдѣ маленькій шустрый Митька погибаетъ въ пароходной трубѣ, спѣшно сожженный тамъ ради срочности выхода въ море парохода „Меджи Дальтонъ“.

Когда нѣтъ искренности, — нѣтъ автора и людей

тоже нѣтъ, и есть только одна единственная „прекрасная магометанка“, но и она положена во гробъ, уморенная въ холодѣ авторскихъ заморозковъ.

Скучно съ магометанкой!...

Пантелеймонъ Романовъ.

Пантелеймонъ Романовъ обстоятеленъ. Онъ пишетъ истово, обдуманно и неторопливо. У него длительная и напряженная наблюдательность. Взгляните на его портретъ: въ этомъ рѣзкомъ поворотѣ головы, въ устремленномъ взглядѣ большихъ глазъ, во всей его настороживщейся фигурѣ чувствуется острая и зоркая прищуренность. Онъ кропотливый и не устающій подмѣчатель.

Но странно: при всей своей настороженной, горячей зоркости, при умѣньѣ жадно ловить отдѣльныя черты, настойчиво разгадывать души, ярко рисовать фигуры, при всемъ своемъ ясномъ воображеніи, отчетливой энергіи письма Пантелеймонъ Романовъ неизмѣнно является предъ нами изобразителемъ стихійной неподвижности.

И вся жизнь, его герои и героини, и этотъ усадебный и деревенскій бытъ, и общественныя собранія, и тайныя душевныя устремленія людей, неизмѣнно несутъ на себѣ неистребимую печать какой-то древней лѣни, исконнаго бездѣлья, неизлѣчимой пассивности, легкомыслія, безпечности, чудовищной неумѣлости и общей неприспособленности.

И этотъ многооттѣночный недугъ, поразному преображаясь въ разныхъ душахъ, въ концѣ концовъ перестаетъ

быть чѣмъ-то индивидуальнымъ, ширится и вырастаетъ въ какую-то общую русскую отравленность, всесвѣтную обреченность, а книги Романова предстаютъ какъ длинная, почти безконечная исторія неизлѣчимой болѣзни, поразившей всю страну, ея интеллигенцію, ея народъ, духовные корни и даже самую землю, не распаханную, слежавшуюся, не творящую, — странный людъ, страшный край.

Помѣщики, профессора, общественники, какъ и мужики, какъ и сонная дворня, живутъ въ одномъ и томъ же плѣну, и этотъ плѣнъ — праздность, мечтательность и неумѣлость. Эпопея Романова („Русь“) рисуетъ намъ удивительный міръ великаго растяпства. Но это — двѣ параллельныхъ галлереи. Противъ каждаго помѣщичьяго портрета, противъ каждаго интеллигента виситъ, какъ его тайное отраженіе, портретъ мужика.

Вотъ обломовски кроткій Воейковъ, терзаемый мечтательными, безрезультатными порывами, но таковъ же и кроткій мужикъ Степанъ. Вотъ пассивный, безхарактерный, уступчивый профессоръ Андрей Аполлоновичъ, мужъ распустехи „баронессы Нины“, и на него, своего брата по духу, можетъ, какъ въ увеличительное стекло, глядѣться тоже безобидный и тоже прощающій Федоръ. Неприкаянный и удивленный своей собственной судьбой Федюковъ стоитъ молчаливаго скептика Антона Горюна. И безъ остатка растрачивающій свои страсти на слова, упрямый и взбалмошный Авениръ могъ бы по родственному пожать руку психологически созвучному мужику Николаю, его нетерпѣливости и тоже упрямству. И Валентинъ Елагинъ, этотъ вѣчный бездѣльникъ, этотъ странный мечтатель о какихъ-то дальнихъ странахъ, о священныхъ водахъ озера Тургояки, бездумный нахлѣбникъ,

однако, кажущійся какимъ-то невиданнымъ мудрецомъ, — развѣ онъ не тотъ же мужикъ, также лѣниво мечтающій о какихъ-то сказочныхъ странахъ праздности и благоденствія:

— Тамъ, милый, все хорошо, — говоритъ Степанъ. — Земля свѣжая, сильная, работы не проситъ, а прямо срубятъ лѣсъ, поскребутъ еловыми сучьями и выростаетъ рожь, что человѣка не видать... И собираютъ, говорятъ, по два урожая въ годъ... И все тамъ у нихъ есть готовенькое.

Это не преступники, это не массовая порочность, это даже не индивидуальная грѣховность, — это неискоренимая наслѣдственность, стихійныя черты, не вина, а несчастье. Скрытый смыслъ наблюденій Романова въ томъ, что это не случайность, а законъ, не личная ошибка, а приговоренность. Это — проклятость и неисцѣлимость — признаки не отдѣльной личности, а національнаго типа.

Въ этомъ обобщеніи Романовъ убѣдителенъ. Явно ощущается его искренность. Онъ чуждъ предвзятости. Съ этой жизнью онъ самъ слитъ, скованъ, и ею зараженъ. Мы подходимъ къ любопытному опредѣленію Романова. Подмѣчатель неподвижности, въ своихъ книгахъ онъ самъ неподвиженъ. На протяженіи всего своего беллетристическаго роста онъ все время стремился побороть у себя самого сонную статику. Въ этомъ онъ преуспѣлъ. Многое достигнуто. За 15 лѣтъ имъ пройденъ большой путь. Въ сравненіи съ „О. Федоромъ“ („Русская Мысль“, 1911, VII), — съ этимъ умиравшимъ, умиравшимъ, такъ и не умершимъ священникомъ, — три тома его „Руси“, его многочисленные „Разсказы“ полны даже энергіи, движенія, страстей. Но—только „сравнительно“. И сейчасъ Романовъ описываетъ больше, чѣмъ повѣствуетъ. Его

дѣйствіе не кипитъ, а плетется. У него нѣтъ сюжетной стремительности. Онъ наблюдатель устоявшагося и улетшагося. Это подмѣчатель постоянства. Въ его книгахъ никто и ничто не растетъ. И самъ онъ литературно выростаетъ неторопливо и медленно.

Въ сущности, это авторъ всего только одной книги. Эта книга — „Русь“. „Русь“ — эпопея. Романовъ эпиченъ, т. е. спокоенъ; спокоенъ, т. е. неподвиженъ. Все остальное — его наброски, разсказы, очерки — только эскизы къ этой большой картинѣ. Онъ ихъ разбрасываетъ, чтобы собрать.

Та же любовь къ успокоившемуся, къ статическому явно выдаетъ себя въ его постоянныхъ, многочисленныхъ описаніяхъ природы, вѣчной и неподвижной. Романовъ находится и подъ характерными вліяніями. Это — Толстой и Гоголь, — авторы двухъ замѣчательныхъ эпопей, тоже изобразители отстоявшагося, оформившагося, отошедшаго.

А это такъ.

Отъ Толстого у Романова всѣ пріемы изображенія коллективной жизни, многолюдныхъ собраній, человѣка въ толпѣ. Отъ него же къ Романову пришло и явное заимствованіе манеры историческихъ введеній. Гоголь сказался у Романова въ описаніи лицъ, лѣни, тишины, бездѣятельности, въ тонахъ лирическихъ восхищеній природой, подмѣчаніи случайныхъ встрѣчъ, отразился въ психологическомъ рисункѣ отдѣльныхъ фигуръ, и кучеръ Ларька несомнѣнно произошелъ отъ гоголевскаго Селифана, какъ въ явномъ родствѣ съ нимъ находится и слуга Воейкова, тоже растяпа, недоумѣвающе-растерянно-блудящій языкомъ Митрофанъ.

Отъ Гоголя же и романовскій юморъ. Свой смѣхъ

онъ не насилуетъ. Его юморъ здоровъ. У Романова, кромѣ того, хорошій русскій языкъ и слухъ къ говору. Въ своей спокойной, неподчеркнутой насмѣшливости онъ выдаетъ близкое знаніе описываемой среды. Онъ иронично-наблюдателенъ. Онъ тотъ, кто видитъ, не одобряетъ, но не обличаетъ, а улыбается, и въ этой улыбкѣ чувствуется серьезный скептицизмъ проницательности.

Смѣхъ Зощенки беззаботенъ и веселъ. Смѣхъ Романова укоренъ. Для Зощенки довольно внѣшняго повода; Романовъ смѣется надъ несуразностью внутренней. Первый смѣшливъ. Второй ироиченъ. Зощенко возбуждается фактомъ; Романовъ — причинами и смысломъ.

Вообще его озабочиваетъ закономѣрность исторической логики. И къ „Руси“ онъ поставилъ эпиграфъ: „Писать картину Великой Революціи, начиная съ самой Революціи, значитъ говорить о слѣдствіи, минуя причину“.

Въ его наблюдательности есть серьезная хватка. Въ его отношеніяхъ къ русскому быту живетъ насмѣшливая ухватка. Эта „ухватка“ — въ смѣлости каррикатуры.

Но Романовъ и вообще не трусливъ. Онъ не боится знакомаго, не страшится стараго, не смущается своими совпаденіями въ подмѣчаніяхъ и обрисовкахъ. Поэтому онъ не тщится изобрѣтать, не топорщится, не куралеситъ. Въ своей литературной манерѣ Романовъ — консервативенъ.

Эта же внутренняя свобода, эта смѣлость, эта независимость оградила и спасла его отъ распространеннаго грѣха современной литературы въ Совѣтской Россіи: онъ не траченъ лестью и не виновенъ въ угодничествѣ.

Этотъ стойкій и убѣжденный консерватизмъ его беллетристическихъ формъ и пріемовъ приводитъ иногда къ трафарету, рождаетъ однокрасочность, создаетъ однострунность романовской лирики, мало разнообразитъ и индивидуализируетъ психологію его лицъ, не достаточно заостряетъ черты. Но онъ же окрашиваетъ всѣ его замыслы серьезной строгостью. У Романова хорошая литературная школа. Надъ нимъ склонились вѣчные учителя.

Какъ поучительно: безъ сиганья съ пятаго этажа, безъ прыжковъ съ крыши, безъ самораздирательства, безъ трехногихъ новшественныхъ выкидышей, вѣрный литературному преданію, чуждый стилистическаго истеризма, Романовъ создаетъ широкія полотна, радуетъ размахами замысла. Теченіе — прежнее, а Романовъ свѣжъ. Пріемы знакомые, а Романовъ интересенъ. Школа старая, а книги молоды, несмотря на то, что знакомы темы, знакомы лица, знакомъ бытъ, — и этотъ ругательно-пугающій и добродушный „Родной языкъ“ и искреннія (технически слабыя) размышленія о любви и полѣ (Т. VI), и многосоставная и многоликая „Русская душа“, и эта капитальная „Русь“, ибо для всѣхъ нихъ есть одно названіе и у Романова есть одна единственная огромная тема:

— Страна великаго растяпства.

Мих. Зощенко.

У Зощенки двѣ замѣчательныя черты: у него языкъ — не лопата и оба глаза стоятъ на своемъ мѣстѣ. Это-то и замѣчательно.

Среди своихъ собратьевъ и сверстниковъ Зощенко — чудо. Онъ почти единственный. Рядомъ съ этими перекошенными лицами, кувшинными гримасами, распухшими, трудно ворочающимися языками, раскваленнымъ стилемъ, вывертывающейся и семенящеприпрыгивающей словесностью, забористыми вывертами, речитативнымъ бредомъ, Зощенко производитъ впечатлѣніе рѣдко нормальнаго писателя. Русская литература сейчасъ переживаетъ странный и весьма подозрительный періодъ руссопятскаго декадентства. Она больна лженародническимъ модернизмомъ.

Впрочемъ, и это слово „народническое“, мы должны принять очень условно: здѣсь все-таки больше слободы, чѣмъ деревни, ухарства, чѣмъ степенности, мѣщанина, а не мужика.

Зощенко простъ. Сейчасъ это настоящая добродѣтель. Но онъ интересенъ еще и тѣмъ, что его печень въ полномъ порядкѣ и цвѣтъ его лица не отливаетъ коричневыми оттѣнками революціонной желчи. Онъ полонъ самаго искренняго простодушія. Зощенко добръ, ласковъ и мягокъ.

И эти неслыханныя теперь качества создали ему такую широкую популярность, читательскую любовь, имя, тиражъ его книгъ. Правда, онъ не избѣжалъ общаго грѣха совѣтскихъ беллетристовъ и свои томики („Разсказы Синебрюхова“, просто „Разсказы“, „Веселая жизнь“ и т. д.) онъ собираетъ путемъ включенія прежнихъ, тасуя, перераспредѣляя, соединяя въ разныхъ сочетаніяхъ старое съ новымъ и свѣжее съ давно знакомымъ. И все-таки онъ плодовитъ.

Его наблюдательность жива и энергична. Онъ пишетъ не только весело, но и веселясь. Его творчество полно игры, игривости, игристости. Онъ не только забавляетъ, но и забавляется самъ. Подмѣчая, наблюдая, подслушивая странности, курьезы, смѣшныя стороны, онъ также охотно ихъ сочиняетъ. Зощенко любитъ выдумку. Онъ не боится шаржа.

И въ авторскихъ ликахъ проступаетъ звѣриное. Зощенко — веселый щенокъ. Изъ него вырастетъ наблюдательный и умный песъ. Пока онъ рѣзвится.

Его беззаботное писательство искрится и смѣшитъ нежданными выраженіями, словами, колѣнцами, брызжетъ молодостью и вѣчнымъ ощущеніемъ непосѣдливой и нетерпѣливой силы. Ему нравится шалить, онъ съ радостью произноситъ несуразности, разсказываетъ, какъ человѣкъ былъ „весь въ шторахъ“, что событіе случилось „четыре года взадъ“, какъ „пахнуло атмосферой“, по садовымъ дорожкамъ ходилъ „замѣчательный садовникъ — свѣтлѣйшій князь и баронъ“, у Викторіи Казиміровны родился „малчичекъ, сосунъ млекопитающійся“, а старосту Ивана Костыля „побили ни за про что“.

Въ разсказѣ „Чертовинка“ предсѣдатель Рюха выражается такъ: — Ты что жъ это, нарушаешь тутъ безпорядки?

„Гиблое мѣсто“ начинается: „Много такихъ же, какъ и не я... ходятъ по русской землѣ“.

А герой „Жениха“ объяснялся своей невѣстѣ:

— „Все, говорю, подходитъ: и мордоворотъ вашъ мнѣ нравится и лѣта — одна тыща восемьсотъ восемьдесятъ шесть, но не могу. Извините — промигалъ ногу“.

Зощенко самый искренній юмористъ. Его юморъ добродушенъ. Не говорите, что это всегда и у всѣхъ.

У Зощенка единый типъ. Его герой одинъ и тотъ же. Этотъ человѣкъ исполненъ великаго и неистощимаго довольства малымъ. Онъ тотъ, кто примирился, кого не пугаютъ ни напасти, ни бѣды, ни печальныя неудачи. Когда читаешь книги Зощенка, кажется, будто сидишь среди тихихъ людей за пузатымъ самоварчикомъ. Ровно и спокойно льется бесѣда и нѣтъ въ ней ни злобы, ни коварства, ни мстительныхъ чувствъ. Встрѣчается только огорченіе, но и оно прощающее, скромное и покорное.

Міровоззрѣніе этихъ людей по своему широко. И они давно замѣнили понятіе несправедливости словомъ „несчастье“. За этимъ пузатымъ, поющимъ самоварчикомъ ровно течетъ разсказъ. Зощенко именно разсказчикъ, и это званіе, столь многими присваиваемое, ему принадлежитъ по праву и безъ спора. И свои повѣствованія ведетъ онъ неизмѣнно отъ перваго лица.

За этой бесѣдой тепло. Никто не волнуется, не ропщетъ, не клянетъ. Каждый изъ нихъ могъ бы сказать, какъ Синебрюховъ:

— Я такой человѣкъ, что все могу... Хочешь — могу землишку обработать по слову послѣдней техники, хочешь — какимъ ни на есть рукомесломъ займусь — все у меня въ рукахъ кипитъ и вертится.

И въ „Чертовинкѣ“ та же благодать, всепрощеніе и примиренность:

„Жизнь я свою не хаю. Жизнь у меня, прямо скажу, хорошая!...“

И для всѣхъ этихъ собесѣдниковъ міръ, сосѣди, жизнь полны яснаго неоспоримаго и наглядаго смысла:

— „Всякому свое, всякій человѣкъ даетъ отъ себя какую-нибудь пользу.“

Вотъ и все. И поэтому всѣ ихъ отношенія и тонъ этихъ бесѣдъ, и краски разсказа проникнуты какой-то своеобразной уютностью (за самоваромъ, вѣдь!), теплотой и лаской. Онъ вездѣ Пушка — не пушка, а „морская пушечка Гочкисъ“, и „дульце у нея тонехонькое“, „снарядъ — и смотрѣть на него глупо, до того незначительный снарядъ“, хотя самъ разсказчикъ признается, что „стрѣляетъ она всячески не слабо: стрѣльнетъ и норовитъ взорвать, что побольше“. Хорошъ и командиръ: „подпоручикъ ничего себѣ, но сволочь — бить не билъ, но подъ винтовку ставилъ запросто“.

Словомъ, всѣ воспоминанія вѣютъ глубокой, человѣческой сердечностью а тянутся неизмѣнно „къ своему задушевному пріятелю“.

Былъ у меня задушевный пріятель... — Спасибо, говорю, дорогой пріятель Утинъ. — Есть у меня дорогой пріятель Семенъ Семенычъ Курочкинъ...

И объ этомъ Курочкинѣ бесѣдующій человѣкъ разсказываетъ очень точно. Онъ характеризируетъ этого „Семена Семеновича, какъ „превосходнѣйшаго человѣка“. А „превосходнѣйшій“ онъ потому, что — „весельчакъ, говорунъ, разсказчикъ“.

Точно такими же словами долженъ отзываться и массовый читатель о самомъ Зощенкѣ, тоже весельчакѣ, разсказчикѣ, тоже говорунѣ. Именно, какъ говорунъ, онъ любитъ забавную прибаутку, хохотливое словцо, курьезное выраженіе — „далъ въ зынзыло“, „буду о тебѣ пекчись“, „люди собрались на паужинъ“, „такой сякой водохлебъ“, „подзюкиваютъ“, „упань“ и проч.

По національному типу юмора, полнокровности веселья, беззавѣтной шутливости, переливающемуся смѣху, въ своихъ чертахъ простоты и добродушія Зощенко кажется не великороссомъ, и вмѣстѣ съ Аверченкой и Гоголемъ несетъ на себѣ украинскіе отсвѣты.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ идетъ отъ Гоголя. Безъ его широты, лишенный его могучихъ размаховъ и глубины, онъ является наслѣдникомъ великаго хохла, въ своей беллетристической манерѣ сближенный съ первой порой его творчества, съ миргородскими вечерами и юмористическими тонами близдиканьскаго хуторянина, и „сентиментальная повѣсть“ Зощенка „Аполлонъ и Тамара“ почти цѣликомъ освѣщена лучами гоголевскаго солнца, заражена его вліяніями, подчинена его пріемамъ и стилю, схожая даже въ именахъ героевъ, — Перепенчуковъ, — во всей внѣшней напускной небрежности своего общаго построенія.

Кромѣ Гоголя, чувствуется Чеховъ, и онъ тамъ гдѣ Зощенко становится драматичнымъ. Это особенно слышно въ темѣ, въ манерѣ многихъ вещей — въ „Лялькѣ — Пятьдесятъ“, „Любви“, „Бѣдѣ“, „Фомѣ невѣрномъ“, — вездѣ тамъ, гдѣ Зощенко вдругъ предстаетъ сдержаннымъ, печальнымъ или задумчивымъ. Чеховскій юморъ сюда не простеръ своей власти.

А главнымъ предметомъ размышленій Зощенки, источникомъ его печали и сожалѣнія является непонятое горе. Боли и страстей Максима не поняла Лялька, грубо оттолкнула — „даромъ его пожалѣй!“ — и съ недоумѣніемъ открылъ это человѣческое горе у князя наивный Назаръ Ильичъ:

— Ахъ ты, говорю, и у васъ, ваше сіятельство, горе такое же человѣческое!..

— „Поклонился я въ другой разъ и прошусь вонъ изъ комнаты, потому понимаю“...

И въ этой теплой ласковости и простотѣ Зощенка исключителенъ, драгоцѣненъ и поучителенъ. Когда то поэтъ Кузминъ писалъ о гибели ясности. Эта тема стала особенно тревожной теперь. Утеряна уже не только ясность, но и естественность. Ликъ совѣтской литературы искривленъ, искудрявленъ стиль, пришло зловѣщее фокусничество, въ чести стала нарочитая уродливость.

Вмѣсто живыхъ лицъ въ литературѣ мертвая пугающая гримаса. Писательство охвачено боязнью прямыхъ линій. Всѣ возненавидѣли точность. Гармонія отталкиваетъ. Все смѣшала многообразная путаница — путаница и перемѣщеніе плоскостей и перспективъ, смѣшеніе главнаго съ второстепеннымъ и ненужнымъ, отчетливость вытѣснена хаотическимъ бормотаньемъ, умеръ строгій разсказъ, убитый ёрническимъ сказомъ въ присядку, погибла тональная выдержанность и торжествуетъ развалка, скокъ вбокъ, отступленіе невзначай, лирическій сомнамбулизмъ, глубокомысленно шепелявящая юродивость. Смакъ неприличія обласканъ и манитъ нецензурный лексиконъ. Беллетристическая ткань пропитана желчью злобы, потомъ усилій и стрянетъ тошнящій запахъ мертвечины и гніенія.

На войнѣ были злостные членовредители, пробо-

давшіе себѣ ушныя перепонки, отстрѣливавшіе собственные пальцы, чтобы не рисковать и не служить. То же самое происходитъ и въ литературѣ.

Всѣ заболѣли модой уродства и писательскаго подражательнаго самовредительства. Такъ безотвѣтственнѣй и легче. Въ литературѣ рискуетъ только индивидуальность. Общность, схожесть, слинялость и штампъ могутъ прожить безъ страха и безъ приговора. Безпалые не воюютъ, ибо для нихъ пріуготовлено тепло и кровъ госпиталя. И среди недугующихъ этого лазарета Зощенко одинъ изъ немногихъ здоровыхъ, уцѣлѣвшихъ въ этомъ тяжкомъ и заразномъ воздухѣ повальной эпидеміи.

Онъ смѣется, потому что беззлобенъ и здоровъ.

Константинъ Фединъ.

У Федина большая литературная воля. Онъ умѣетъ доводить свой планъ до конца. Въ немъ живетъ творческое упорство. Онъ ставитъ цѣль и ея достигаетъ. Но Фединыхъ два. Одинъ — простъ, другой искуственненъ. Все, что создалъ Фединъ 1-ый полно глубокой человѣчности, овѣяно духомъ и преданіемъ нашей прежней литературы. Тутъ нѣтъ ни предвзятости, ни тенденцій, ни нажимовъ, ни пояснительныхъ и извиняющихся отступленій. Повѣсть „Анна Тимофеевна“ захватываетъ психологичностью, правдивостью, искренними порывами чувства — она стройна, послѣдовательна въ своемъ развитіи и очень убѣдительна. Неубѣдительное — не искусство. Все, что не заставляетъ вѣрить, не дѣйствительно. Это просто не существуетъ. Талантъ это то, что убѣждаетъ. Въ этомъ его власть. Повѣсть читаешь съ большимъ вниманіемъ, нигдѣ ни разу не оскорбляясь ложью, не чувствуя себя обманутымъ, не раздражаясь фокусничествомъ. Здѣсь нѣтъ причудъ выламыванья, искусственныхъ узловъ, связующихъ разорванныя, расползающіяся нитки. Ткань повѣсти цѣльна и крѣпка.

Трогателенъ, серьезенъ, полонъ живой естественности и разсказъ „Тишина“, сберегшій свѣжесть старой

темы о большой неумирающей любви. И въ „Аннѣ Тимофеевнѣ“ и въ „Тишинѣ“ есть страницы, есть сцены, есть картины, исполненныя истинной силы, дышащія красотой настоящаго искусства. Но и вообще вся книга Федина — „Трансвааль“ — влечетъ своей простотой и естественностью. Въ ихъ нарушеніи укоряли „Наровчатскую хронику“. Конечно, это — сказъ. Можетъ быть, этотъ пріемъ призванъ сюда для сокрытія авторскаго лица. Все равно, это не измѣняетъ основного смысла разсказа, не смягчаетъ ужаса этихъ отталкивающихъ уѣздныхъ масокъ, не ослабляетъ силы впечатлѣнія, не миритъ съ маскарадомъ кладбищенскихъ мордъ, съ этими видѣніями оскаленной и дряблой пошлости. Большевизмъ, преломленный въ этихъ гримасахъ болотнаго захолустья, предстаетъ во всемъ уродствѣ своей безкрылой фантастичности.

Мы чувствуемъ и Фединскихъ „Мужиковъ“, и грубое разгильдяйство матроса Ларіона, и грустную судьбу Проски, и унылость деревенскаго быта, его безсмысленную жестокость, покорныя смерти, жалкіе дни, бѣдность, грязь и кровь. И та же ясность окружила солнечный день въ Ряжномъ, его изумрудныя березовыя рощи, праздничную карусель, веселыхъ мальчугановъ, вьющихся около деревянныхъ копей, и деревенскаго кавалера Алексѣя, и отдавшуюся ему Христю, и все село, и берегъ рѣки, гдѣ пахнетъ аиромъ, точно ладаномъ.

Тутъ кончается Фединъ 1-ый — Фединъ испуганный, Фединъ пятящійся, Фединъ, бросившійся въ сторону. Передъ чѣмъ испугъ? Не удивляйтесь: Фединъ испугался простоты. Онъ устрашился правды. Его

ужаснула незамысловатость собственныхъ темъ. Федину понадобилась выдумка, его повлекли соблазны замысловатости, онъ захотѣлъ вычуръ формы, ему понравилась музыка съ педалями.

И тогда возникъ Фединъ II-ой, и въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ онъ упорно строилъ тяжкое, громоздкое и несуразное зданіе — свой романъ „Города и годы“. Здѣсь все нарочно, все притянуто, подклеено, грубо свинчено, невѣрно и сложно. Федина манила и тревожила занимательность. Онъ рѣшилъ создать фабульный сюжетный романъ. Но интрига слаба, но увлекательность отсутствуетъ, но захватовъ нѣтъ. Видны скрѣпы, все время кричитъ тайна архитектора, любопытство и вниманіе читателя не возбуждено и не поднято. Нужно обладать терпѣніемъ, чтобы преодолѣть эту гору печатныхъ, гору медленно переворачивающихся, тяжкихъ страницъ. А сколько положено стараній, сколько ухищреній!

Романъ начинается съ конца. Его открываетъ „глава о годѣ, который завершилъ романъ“. О 1919 разсказано раньше, чѣмъ о 16-омъ, восьмая глава названа второй и „Предшествуетъ первой“. Одна изъ частей называется: „Глава отступленій“. Ахъ, эти вступленія и отступленія! Они, будто желѣзныя вериги. Фединъ тащитъ ихъ, какъ проклятый грузъ. Всѣ части начинаются откуда-то издали. Только преодолѣвъ первыя страницы главъ, усиліями памяти возстанавливаешь ускользающую связь дѣйствій. Романъ перекидывается съ мѣста на мѣсто. Онъ то въ Россіи, то въ Германіи. Это даже не вымыселъ, это — сумасбродство, но и оно ничего не достигаетъ. Темпъ вялъ. Лица пропадаютъ, забываются, вновь появляются, всплываютъ и опять тонутъ.

Внѣшняя запутанность тяготитъ и сбиваетъ. Федину хотѣлось создать впечатлѣніе какой-то неестественной естественности.

Онъ полагаетъ сумбуромъ формы отразить сумбуръ эпохи. Нѣтъ предпріятія болѣе рискованнаго и безнадежнаго, нѣтъ заблужденія болѣе наивнаго, чѣмъ это, нѣтъ болѣе горестной и невѣжественной ошибки. Хаосъ жизни и міра не разрѣшаетъ, а запрещаетъ хаотичность литературнаго плана, всегда строгаго, всегда прозрачнаго и послѣдовательнаго.

Здѣсь все отягчено. Изнасилованы психологіи. Аристократическая дѣвушка Мари, вдругъ становящаяся нѣмецкой большевичкой, изумляетъ надутой ложью, ничѣмъ не оправданной взбалмошной припадочностью. Создаются невыносимыя противорѣчія между тяжеловѣсной степенностью изложенія и этими постоянными внезапностями перерожденій, нежданностью поступковъ, невѣроятными актами жеромантическаго героизма, невозможнаго, небывающаго великодушія. Никто здѣсь логично не выходитъ изъ своего положенія, ничто не приходитъ къ концу. Авторъ не развертываетъ дѣйствія, онъ его перепрыгиваетъ и рветъ.

Удивительно: больше всего Фединъ боится стать скучнымъ, — въ то же время онъ совершенно не замѣчаетъ, какъ онъ нестерпимо длителенъ, тягучъ, неповоротливъ. Ни у кого больше не живетъ такая смертельная дрожь передъ читателемъ, какъ у Федина. Онъ — весь всклокоченный перепугъ. Такой простой, такой понятный и непритязательный въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ, онъ устрашенъ въ романѣ призракомъ читательскаго утомленія. Грознѣе этого Фединъ не знаетъ ничего. И

съ опаской онъ сторонится выработанныхъ формъ, старыхъ пріемовъ, испытанныхъ образцовъ. Много разъ у него вырываются почти клятвенныя завѣренія, что онъ не такой, что онъ совсѣмъ другой, непохожій, что у него все по новому, что съ нимъ нельзя соскучиться.

— Я какъ-то думалъ, — говорится въ „Городахъ и годахъ“, — что романы пишутъ такъ же, какъ строютъ ящики. Надо, чтобы каждая доска всѣми сторонами сошлась съ другими досками. Такъ, по крайней мѣрѣ, писали романы до войны. Теперь и въ романѣ нельзя, навѣрно, въ одномъ мѣстѣ свести больше двухъ человѣкъ рядомъ.

Неправильное обобщеніе, оно вѣрно для Федина и его романа. Было большимъ трудомъ сшить эти куски, разбросанные вѣтрами сюжетнаго каприза, неосуществившейся потребностью оригинальности. Здѣсь все изобрѣтено. Художественная правда на свое лицо стыдливо опустила вуаль. Федина покинуло чутье. Ему измѣнила лучшая и самая вѣрная спутница: сдержанность. Весь романъ — длинная напряженность. Его окандалила натуженность, онъ идетъ со сдавленнымъ дыханіемъ.

Можно было яснѣй и гармоничнѣй разсказать о томъ, какъ въ избалованную эксцентричную фрейленъ Мари влюбился оберъ-лейтнантъ фонъ цуръ Мюленъ-Шенау, какъ она полюбила русскаго плѣннаго Андрея Старцова, какъ лейтнантъ спасъ его отъ суроваго наказанія за попытку побѣга, — какъ потомъ уже Старцовъ спасаетъ этого Мюленъ-Шенау въ Россіи, какъ убиваетъ за это Старцова его другъ Ванъ Куртъ. Но романъ закутанъ. На немъ слишкомъ много одеждъ, вставокъ и заплатъ. Въ возѣ сѣна онъ захотѣлъ скрыть иголку замысла. Чи-

тателю пришлось его выискивать съ терпѣливымъ усердіемъ. Романъ Федина, конечно, произведеніе, но это произведеніе многихъ дробей и оно подлежитъ сокращенію. Фединъ перемудрилъ, а мудренность не мудрость.

Ты будешь первый ученикъ мой!
Сказалъ сумасшедшій.

. . . . . .

„Велемиръ“ Хлѣбниковъ.

Есть такой давній — и очень плохой — разсказъ Горькаго „Ошибка“. Такъ мой эпиграфъ—оттуда. Впрочемъ, о Горькомъ я совсѣмъ не собираюсь говорить. Плохой же разсказъ вспомнилъ потому, что тамъ герой „съ зайцемъ въ головѣ“, сумасшедшій Кравцовъ, быстро находитъ себѣ ученика Ярославцева, и тотъ — тоже довольно скоро — становится сумасшедшимъ.

Человѣкъ съ зайцемъ въ головѣ величественно изрекаетъ своему сумасшедшему послѣдователю:

— Ты будешь первый ученикъ мой!

А тотъ бѣжитъ мелкими пажками и, снимая колпакъ, почтительно шепчетъ:

— Говори, учитель!

И учитель не заставляетъ себя просить и весьма охотно изрекаетъ несусвѣтную чушь, а проповѣдуя нѣкую теорію „Единства звука“, сильно напоминаетъ многихъ изъ недавнихъ новаторовъ слова.

Сумасшедшій бормочетъ:

— Спасеніе... Паскаль... Пока...

Все это мнѣ вспомнилось, вотъ, по какому случаю.

Есть въ Совѣтской Россіи такой критическій свистунъ, литературный ванька-встанька — Викторъ Шкловскій. Недавно вышла его книга „Гамбургскій счетъ", а потомъ появилась его же критическая брошюрка „Пять человѣкъ знакомыхъ". Здѣсь, говоря объ Андреѣ Бѣломъ, свистунъ изрекаетъ:

— Не нужно увлекаться біографіей художника!

Какъ видите, мысль отнюдь не блещетъ новизной. Но она свистуну и не нужна, какъ вообще ему чужда всякая сколько-нибудь серьезная мысль. Изрекъ же онъ ее для того, чтобы врыться необоняющимъ носомъ въ интимную — и очень сомнительную и спорную — страницу личной жизни писателей:

— Кто знаетъ, говорятъ, Гете болѣлъ сифилисомъ,— подмигиваетъ и чмокаетъ совѣтскій ванька-встанька.

Конечно, одно это — „говорятъ", само по себѣ, восхитительно въ устахъ, даже большевицкаго свистуна, но, начавъ рыться въ скользкихъ и склизкихъ догадкахъ, грязная душа уже не можетъ остановиться.

Послѣ Гете очередь — за Пушкинымъ.

— И у Пушкина, — хихикаетъ свистунъ, — есть темная строчка о „Меркуріи". Меркурій же, — услужливо поясняетъ Шкловскій, — это — ртуть.

Такъ этотъ шутъ гороховый не тревожитъ біографій писателей.

Теперь на мой столъ упала книжка, и на обложкѣ ея стоитъ: „Повѣсть о Хлѣбниковѣ", а на титульномъ листѣ уже другое, болѣе скромное, зато и болѣе точное: „Воспоминанія о Велемирѣ Хлѣбниковѣ". Кстати сказать, никакого „Велемира" въ природѣ никогда не существовало, а былъ самый обыкновенный Викторъ Владиміровичъ Хлѣбниковъ, тоже человѣкъ „съ зайцемъ въ головѣ", и, конечно, тоже имѣвшій своихъ собственныхъ учениковъ, обращавшихся къ нему, снявъ колпакъ, съ той же почтительной мольбой:

— Учитель, говори!

И учитель Хлѣбниковъ несъ умопомрачительную чепуху.

Все тотъ же Викторъ Шкловскій написалъ къ этимъ воспоминаніямъ Дм. Петровскаго предисловіе, а въ немъ роняетъ фразу, способную кое у кого вызвать самую искреннюю тревогу, и именно потому, что въ ней заключена несомнѣнная доля истины:

— Отъ Хлѣбникова, — объявляетъ Шкловскій, — произошли, какъ поэты: Маяковскій, Асеевъ, Пастернакъ, Николай Тихоновъ и, конечно, Петровскій.

И съ этимъ утвержденіемъ мы совсѣмъ не склонны спорить. Тѣмъ болѣе интересно познакомиться съ основателемъ этой новой литературной школы.

— Кто же, въ дѣйствительности, былъ этотъ учитель прославленной плеяды совѣтскихъ пѣснопѣвцевъ?

И на это, по всей справедливости, съ полнымъ сознаніемъ важности вопроса, во имя простого безпристрастія, мы должны отвѣтить:

— Хлѣбниковъ былъ сумасшедшій.

Какъ-то такъ случилось, что въ русской жизни и въ русскомъ искусствѣ вся послѣдняя четверть вѣка была охвачена тоже своего рода маніей — маніей обожествленія ненормальныхъ. Изъ всѣхъ словъ самымъ парраднымъ стало „безумецъ" со всѣми производными — „безумный" (подвигъ), „безумная" (страсть), „безумство" (храб-

рыхъ), а послѣ безумныхъ попли „заумные“, и Крученыхъ писалъ стихи:

Убещурь
Скумъ
Вы-ско-бу

Слава и гордость совѣтскаго Парнаса, молодецъ-удалецъ Вас. Каменскій тоже не отставалъ, и міръ былъ осчастливленъ слѣдующимъ стихотворнымъ опытомъ:

Цивью-вьинт-пий-ию
Цви-цвицтят.

Было еще и такое трехстишіе:

Хей-тара
Тере-дере-дере
Холэ-кулэ-неэ.

Но великолѣпнѣй, усерднѣй и длиннѣй всѣхъ писалъ, разумѣется, самъ учитель „Велемиръ“ Хлѣбниковъ, и трудно удержаться отъ соблазна процитировать творенія этого человѣка съ зайцемъ въ головѣ, хотя, къ нашему великому сокрушенію, и придется ограничиться лишь скудными выписками.

Вотъ онѣ въ своей полной неприкосновенности и божественной красотѣ:

Пусть гопочичь, пусть хохотичь,
Гопо топо гопопей!

Еще примѣръ, къ сожалѣнію, маленькій:

Бобэоки пелись губы
Вээоми пелись взоры
Пиээо пелись брови
Лиэээ — пелся обликъ.

Пожалуй, довольно.

Понятно, съ какимъ горячимъ любопытствомъ приникаешь къ воспоминаніямъ объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ, ставшемъ, къ тому же, учителемъ и наставникомъ цѣлаго поколѣнія поэтовъ, въ томъ числѣ и своего біографа, Дм. Петровскаго. О Хлѣбниковѣ онъ все время говоритъ не только съ большой любовью, но и съ глубокой почтительностью, совершенно обольщенный и увлеченный этимъ безнадежнымъ человѣкомъ.

Всякое движеніе, всякій жестъ, всякое слово Хлѣбникова кажется ему необычайнымъ откровеніемъ, чуть ли не историческимъ фактомъ, проблестѣвшей чертой, вскрывающей глубины психологіи генія.

Какъ водится, сумасшедшій Хлѣбниковъ иногда подтанцовывалъ, — наблюденіе, давно сдѣланное психіатрами. Но для Хлѣбникова это только божественное осуществленіе мечты Ницше, его заповѣди, звучащей въ устахъ Петровскаго нѣсколько юмористически: „выше подымайте сердца ваши, но не забывайте также и ногъ“. Хлѣбниковъ такъ и поступалъ, и съ полной довѣрчивостью къ цитатѣ Ницше задиралъ ноги при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Какъ хорошій экземпляръ ярко выраженнаго сумасшедшаго, онъ не только задиралъ ноги, но строилъ еще и совершенно неожиданныя гримасы, — вдругъ мрачнѣлъ, потомъ такъ же внезапно начиналъ безсмысленно улыбаться и кричалъ: „Эврика!“

Въ числѣ великихъ дѣлъ, совершенныхъ этимъ сумасшедшимъ, было основаніе общества, наименованнаго таинственной цифрой: „317“. Хлѣбниковъ считалъ это число магическимъ и, къ общему удивленію, объяснялъ его замѣчательность тѣмъ, что „317“ плюсъ-минусъ 48 (?) равно 365 (???).

Хлѣбниковъ прибавлялъ, что „317“ было числомъ Предсѣдателей Земного Шара, увѣрялъ, что онъ основалъ особое Государство Времени и можетъ заставить считаться съ этой новой организаціей Государство Пространства.

Словомъ, Хлѣбниковъ представлялъ собой несомнѣнный типъ психически больного человѣка. Это было такъ ясно, что ни въ комъ не могло возбуждать никакихъ сомнѣній. Но, такъ какъ „безумные“ и „безумство“ тогда считались высочайшимъ удѣломъ избранныхъ натуръ, то у Хлѣбникова тотчасъ же нашлись покорные ученики, объявили себя Правительствомъ Земного Шара, выпустили какой-то манифестъ, а подписались просто: „Предсѣдатели Земного Шара“. Это было при Временномъ Правительствѣ, и на его засѣданіе, въ Маріинскій дворецъ, было послано письмо.

Непремѣнно нужно привести точный текстъ этого замѣчательнаго посланія. Вотъ оно отъ слова до слова:

„Здѣсь. Маріинскій дворецъ. Временное правительство. Всѣмъ, Всѣмъ, Всѣмъ. Правительство Земного Шара на засѣданіи своемъ отъ 22 октября постановило: 1) Считать Временное Правительство временно несуществующимъ, а главнонасѣкомствующую А. Ф. Керенскую находящейся подъ строгимъ арестомъ. Какъ тяжело пожатье каменной десницы! Предсѣдатели Земного Шара: Петниковъ, Лурье, Дм. и П. Петровскіе, статуя командора я, — Хлѣбниковъ“.

Самъ Хлѣбниковъ былъ типичнымъ психопатомъ, солдаты его считали юродивымъ, и отъ военной службы Хлѣбникова освободили, какъ ненормальнаго. Но иные изъ его учениковъ очень скоро догадались, что изъ сумасшествія можно сдѣлать весьма доходную статью. Въ

Царицынѣ они попробовали выступить на сценѣ. Для рекламы наняли верблюдовъ и разъѣзжали на нихъ по городу. Кто-то изъ участниковъ назвался „Песнязем“. Но не помогли ни Песнязь, ни верблюды. Залъ былъ пустъ.

Потомъ, въ Астрахани, заложивъ послѣднюю шубу, — „шубу короля“! — за 17 рублей и проѣвъ ее, рѣшили заработать въ циркѣ, тамъ скакали на конѣ, и получили за это 15 цѣлковыхъ. Безуміе — безуміемъ, но, какъ говорятъ у Островскаго, „презрѣнный металлъ для поддержанія бреннаго существованія“ былъ нуженъ.

Въ Москвѣ произошла любопытнѣйшая исторія.

Сумасшедшій Хлѣбниковъ и его вѣрные апостолы заголодали и какъ-то разбрелись, а вскорѣ ученики узнали, что ихъ сумасшедшій наставникъ отлично устроился на иждивеніи у булочника Филиппова. Конечно, апостолы поспѣшили къ булочнику. Ихъ встрѣтилъ Хлѣбниковъ и, какъ одержимый маніей величія, протянулся и закричалъ:

— Вы еще недостаточно извѣстны, чтобы разсчитывать на мецената!

Оказалось, Хлѣбниковъ получилъ заказъ отъ Филиппова написать романъ (!), ему былъ предоставленъ номеръ въ гостиницѣ, столъ у мецената, и на своей двери, съ обычной хитростью сумасшедшихъ, Хлѣбниковъ вывѣсилъ записку: „Пріемъ отъ 11.30 до 12.30 часовъ дня“. Своихъ послѣдователей онъ избѣгалъ: милостей Филиппова на всѣхъ не хватило бы.

Но и апостолы не дремали, и какъ-то учитель былъ ими все-таки пойманъ, его приперли къ стѣнѣ, и, сколько онъ ни вилялъ, ему пришлось сознаться, что онъ ровнымъ счетомъ ничего не пишетъ, а отъ себя прибавимъ — ни-

какого романа Хлѣбниковъ и не могъ написать. Происходилъ самый наглый обманъ довѣрчиваго булочника, дававшій право на кормъ и пристанище.

Словомъ, Хлѣбникову и тутъ помогла его ненормальность, — съ одной стороны, манія величія, запипнотизировавшая Филиппова; съ другой, сумасшедшая хитринка.

Хлѣбниковъ былъ истерикъ.

Его мимолетныя бредовыя идеи, безсмысленные и нелѣпые поступки, обманы чувствъ, игра въ ребенка (пуэрилизмъ, по терминологіи психіатровъ), болтливость, смѣнявшаяся „мутизмомъ“ (полная молчаливость), наклонность къ словеснымъ вычурамъ (стереотипія), одержимость „вихремъ идей“, — все это признаки, давно установленные наукой и опредѣляющіе истериковъ и сумасшедшихъ.

Разумѣется, это не могло ускользнуть отъ наблюденія даже самыхъ преданныхъ людей, и если за Хлѣбниковымъ, слѣдъ въ слѣдъ, все же шли его ученики и подражатели, то тутъ дѣйствовали двѣ силы.

Первая — безсознательное тяготѣніе нервно распатанныхъ, инстинктивно создающихъ и выращивающихъ въ себѣ такъ наз. „индуцированное помѣшательство“, — заболѣваніе отъ сожительства съ душевно-больнымъ.

Во вторыхъ, уже совершенно сознательная спекуляція на модѣ, на игрѣ въ безуміе.

— Что же произошло и чѣмъ кончилась вся эта частью жалкая, частью постыдная комедія?

А очень просто.

Изъ хлѣбниковскихъ прихвостней никто не оказался явно сумасшедшимъ, но многіе все же подпали подъ его вліяніе, и теперь гордо сохраняютъ за собой наименованіе его учениковъ и подражателей.

Викторъ Шкловскій зналъ, какъ полыстить этимъ неудавшимся Поприщинымъ и поэтому въ предисловіи подарилъ имъ почетное званіе:

— Объявляю васъ на запяткахъ у помѣшаннаго!

„Маяковскаго на варшавскомъ вокзалѣ встрѣтили представители польскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, полпредства и депутація молодыхъ поэтовъ“. (Изъ газетъ).

Вл. Маяковскій.

Когда-то, въ порывѣ любовнаго признанія, критикъ Ивановъ-Разумникъ назвалъ Маяковскаго „ломовымъ извозчикомъ поэзіи“. Можетъ ли быть оскорбленіе большее для ломовыхъ извозчиковъ? Правда, слово „ломовой“ какъ бы предопредѣляетъ неизбѣжность лома, однако, и онъ происходитъ лишь по волѣ случая, является слѣдствіемъ непомѣрной силы этихъ почтенныхъ но, къ сожалѣнію, неуклюжихъ тружениковъ. Маяковскій — не ломовой. Маяковскій — наѣздникъ. Его пафосъ наигранъ. Онъ галопируетъ, чтобы напугать толпу. Это не смѣлость, а наглость. Смѣлость — вызовъ опасности. Наглость — сознаніе безнаказанности. Маяковскій ничтоженъ, и ничтожны его стихотворные кренделя, ничтожны его книженки, струящіяся вертикальными ленточками словъ. Если бъ эти, котомъ наплаканные, столбцы перестроить въ обычный порядокъ стихотворныхъ

строкъ, — весь багажъ Маяковскаго улегся въ узенькой вершковой обложкѣ.

Это совсѣмъ не поэзія. Это даже не стихи. Это громыхающія созвучія. Они однообразны и утомительны. Въ своемъ короткострочіи Маяковскій — стихотворный Дорошевичъ для дураковъ. Развѣ можно считать стихами эти коленки поставленныхъ въ затылокъ словъ, эти жалкіе, нѣмые печатные хвосты:

„Восемь.
Девять.
Десять.
Вотъ и вечеръ
въ ночную жуть
ушелъ отъ окопъ
хмурый декабрый“.

Это оригинальность не автора, а типографіи. Сюда поэзія не кинула даже косого взгляда. И въ сознаніи своего безсилія, своей безпомощности, кривобокости, безнаѣвности Маяковскій бросается въ пыжащееся, натуженное, словесное гримасничанье. Надо поразить хоть этимъ. Появляются неуклюжія слова: „разабрикосена“, „тенькая“, „нененькой“, „жаленькій“, „масомясая“. Это тяжко, скучно, здѣсь нѣтъ ни одного отзвука любви къ словесной музыкѣ, солнечности, прозрачности и точности слова. Такъ понятны, такъ близки всѣмъ намъ эти причуды языка, такъ упоительна нечаянная радость новаго слова, шаловливое счастье подкатившагося къ сердцу эпитета. У Маяковскаго только эфекты уродства. Онъ грубъ. У него нѣтъ литературнаго слуха. Въ своемъ стремленіи вѣчно позировать это — актеръ-блузникъ. Маяковскій — парень на ходуляхъ. Нѣсколько разъ пе-

ремѣнялъ онъ свои роли. Одно время игралъ въ трагическій байронизмъ. Потомъ хотѣлъ слыть футуристомъ, обожествившимъ вещь машину, затѣмъ примѣрялъ себѣ костюмъ Герострата, сжигающаго литературные храмы, повергающаго иконостасы, сбрасывающаго прошлое съ „корабля современности“, — теперь Маяковскій сталъ обличителемъ, большевицкимъ Савонароллой. Но и „корабль современности“ построенъ изъ нашего стараго матеріала. Повсюду у Маяковскаго слѣды чужихъ вліяній. Тутъ и ранній Брюсовъ, и Блокъ, и Сологубъ. Объ этомъ можно упоминать лишь вскользь: нельзя серьезно говорить о Маяковскомъ — поэтѣ. Онъ публиченъ, а не поэтиченъ. Его имя промче его сочиненій. Этотъ ухарскій самоплясъ словъ рожденъ совсѣмъ не литературными цѣлями. Его призвалъ Маяковскій не для того, чтобы найти выраженіе собственной личности, въ немъ излиться и разсказать себя, — его чванливый лексиконъ стремится только удивить, поразить, испугать. Напорность языка, назойливое выпираніе гипербол, нахрапъ человѣка, безмѣрность, безудержность — вотъ основныя черты Маяковскаго, его литература, его жизнь. Маяковскаго я зналъ, и вотъ какъ мы познакомились.

Въ 1913 г. пошатнулись дѣла одесскаго антрепренера Арнольдова. Надо было спасать театръ. Въ Москвѣ шумѣли футуристы. Я посовѣтовалъ Арнольдову устроить ихъ вечеръ въ Одессѣ. Онъ ухватился за эту мысль и скоро было получено согласіе отъ Давида Бурлюка, Василія Каменскаго и В. Маяковскаго. Игорь Сѣверянинъ не пріѣхалъ. Впрочемъ, онъ всегда держался отдѣльно отъ этой группы и тогда называлъ себя „эго-футуристомъ“.

Начался вечеръ. На сцену вышли худощавый и

бѣлокурый Каменскій, круглолицый, румяный, тяжеловатый и смѣшливый Бурлюкъ, и Маяковскій въ желто-розовой кофтѣ. Щеки и лобъ россійскихъ футуристовъ были разукрашены загадочными треугольниками, одинъ изъ нихъ нарисовалъ на своемъ лицѣ собачку. Для окончательнаго покоренія публики расписали красками физіономію самоотверженно согласившейся кассирши. Арнольдовъ просилъ меня сказать вступительное слово о Маринетти и футуризмѣ. На минуту меня покинула смѣлость: я зналъ, что вечера нашихъ футуристовъ вездѣ сопровождались метаніемъ стульевъ на сцену, а эта перспектива мнѣ не казалась заманчивой. Я сталъ уговаривать отважныхъ гастролеровъ, я призывалъ ихъ къ воздержанности, я просилъ не ругать публику хотя бы потому, что она все-таки заплатила деньги. И это удалось. Вечеръ прошелъ безъ кровопролитія. Залъ настроенъ былъ очень добродушно, а когда Бурлюкъ вынесъ доску, на которой были нарисованы разноцвѣтные треугольники, — лиловые, черные, желтые и малиновые, — и объявилъ: „Портретъ Пильскаго“, — публика разразилась неудержимымъ хохотомъ. Вечеръ кончился, Арнольдовъ торжествовалъ, футуристы отправились въ литературный клубъ, за ними по пятамъ ходили любопытные, озадаченные люди, кто-то попросилъ Бурлюка прочесть со сцены, и онъ вышелъ, сказалъ нѣсколько не совсѣмъ приличныхъ словъ, назвалъ своихъ слушателей „писсуарами“, и, не вызвавъ этимъ особеннаго восторга, вмѣстѣ съ Каменскимъ и Маяковскимъ покинулъ отсталый клубъ, не оцѣнившій красоты его дерзновенія.

Но и рядомъ съ ними своей наглостью выдѣлялся все-таки Маяковскій. И если у Бурлюка чувствовалось веселое озорство, то у него выпирало какое-то хлесткое,

мордатое нахальство. Кстати, это слово „нахальный“ часто встрѣчается въ строкахъ Маяковскаго.

Потомъ я вспоминаю его въ Петербургѣ во время войны. Онъ казался скучающимъ и неприкаянным. Какъ-то сказалъ мнѣ: „Уѣду на позиціи!“... Тогда Маяковскаго начали кое-гдѣ печатать. Между прочимъ, его корявыя, колючія вещицы помѣщалъ въ „Сатириконѣ“ Аверченка. О Маяковскомъ и русскихъ футуристахъ Горькій выразился: „У нихъ что-то есть“. Тогда Маяковскому это очень льстило. Уже только потомъ, вѣрный своей наглой грубости и чванству, Маяковскій обругалъ и Горькаго . Объ этомъ онъ написалъ такъ: „Поѣхалъ въ Мустамяки. М. Горькій. Читалъ ему части „Облака“. Расчувствовавшійся Горькій обплакалъ мнѣ весь жилетъ. Разстроилъ стихами, я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горькій рыдаетъ на каждомъ поэтическомъ жилетѣ. Все же жилетъ храню. Могу кому-нибудь уступить для провинціальнаго музея“.

Однажды я шелъ по Невскому. На углу Литейнаго, около часового магазина Винтера, собралась толпа. „Въ чемъ дѣло?“ — спросилъ я. И мнѣ объяснили, что кто-то кого-то бьетъ. Оказалось, это Маяковскій билъ своего издателя. Потомъ, въ первый день революціи онъ, вольноопредѣляющійся военно-автомобильной школы, спасавшійся тамъ отъ войны, лицомъ къ лицу столкнулся съ своимъ начальникомъ, генераломъ Секретевымъ, и, положивъ правую руку на его лѣвый погонъ, произнесъ повелительнымъ голосомъ: „Генералъ, вы арестованы“.

Въ эти дни я его очень часто встрѣчалъ въ Таврическомъ дворцѣ и за нимъ покорно, съ приговореннымъ видомъ, ходило нѣсколько офицеровъ — автомобилистовъ, а Маяковскій что-то кричалъ, чѣмъ-то распоряжался и

куда-то гонялъ машины. Такъ началась его блестящая революціонная карьера.

Теперь читаю, что его встрѣчаютъ почему-то даже представители министерства иностранныхъ дѣлъ. Это умилительно. Впрочемъ, это еще и очень удивительно и анекдотично. Труднѣе всего мнѣ было бы представить этого ломового извозчика не въ поэзіи, а въ жизни именно среди политиковъ и дипломатовъ и, конечно, особенно польскихъ.

Въ своемъ надутомъ хвастовствѣ, сварливомъ, угловатомъ чванствѣ, размашистомъ россійскомъ удальствѣ, рисуясь дерзкимъ пренебреженіемъ къ людямъ, приличіямъ, элементарной вѣжливости, съ разстегнутыми пуговицами тамъ, гдѣ онѣ всегда должны быть застегнуты, уродливый циникъ, обитатель воображаемаго міра чертей, состроенныхъ изъ пальцевъ на стѣнѣ, выломанный, нарочитый и безпардонный, въ этой группѣ изысканныхъ представителей дипломатіи Маяковскій — живой шаржъ, каррикатура, самая удивительная гримаса житейской неожиданности. Путешествіе по Европѣ Маяковскаго вдругъ мнѣ напомнило острыя, прекрасныя въ своей яркости строки изъ лѣсковскаго „Путешествія съ нигилистомъ“, и про самого Маяковскаго можно сказать тоже словами Лѣскова:

— Нахалкиканецъ изъ-за Ташкенту: Генералъ Черняевъ его верхомъ на битюкѣ послалъ, чтобы онъ болгарамъ отъ Кокарева пятьсотъ рублей отвезъ, а онъ, по театрамъ, да по баламъ, всѣ деньги въ карты проигралъ и убѣжалъ.

„Нахалкиканецъ!“... Возможно ли изобрѣсти, мыслимо-ль найти лучшее опредѣленіе для путешествующаго наглеца?

Мих. Кольцовъ.

На портретѣ — молодой, густокудрый человѣкъ, принявъ небрежно-изломанную позу любовника на отдыхѣ, демонстрируетъ свою пижаму, — хорошая пижама, заграничная: въ СССР такихъ не умѣютъ дѣлать. Фотографія приложена къ „Собранію сочиненій“ и воспроизводитъ ликъ Михаила Кольцова.

За рубежомъ его никто не знаетъ, но среди совѣтскихъ кропателей Михаилъ Кольцовъ считается женпремьеромъ. Онъ умѣетъ восторженно объясниться въ любви нужнымъ мужчинамъ и женщинамъ и свои воздушные поцѣлуи даритъ Ленину, его женѣ Крупской, его сестрѣ Елизаровой, Раковскому, Дзержинскому. Прежде дарилъ Троцкому, но теперь разлюбилъ. И всѣхъ ихъ фамильярно называетъ по имени-отчеству: Владимиръ Ильичъ, Христіанъ Георгіевичъ, Надежда Константиновна, Марья Ильинична. Не забываетъ и себя. У него вездѣ скромно-хвастливое „мы“, „наше“, „наша революція“, „насъ — коммунистовъ“. Но больше всего мнѣ понравилась строка о Кіевѣ. Кольцовъ вспоминаетъ:

— Мы уходили на пароходахъ.

Какъ „мы уходили“, — я не знаю, но за то хорошо помню, что въ Кіевъ „мы“ не только приходили, но „мы“

готовы были тамъ и радостно осѣсть подъ властью гетмана, генералъ-адъютанта Скоропадскаго.

Вмѣстѣ съ самыми отъявленными буржуями въ Кіевъ несся и молодой человѣкъ, строчившій въ бѣлогвардейскихъ газетахъ замѣтки, подписанныя „Мих. Кольцовъ“. И когда сейчасъ я читаю въ предисловіи нѣкоего Мих. Лучанскаго, что сей „Мих. Кольцовъ цѣликомъ родился съ революціей“ и что онъ даже — „сама революція“, мнѣ вспоминаются годы войны, Ивановская улица, домъ 14, редакція „Русской Воли“, а въ ней робко околачивающійся человѣкъ, чающій движенія воды и съ умиленіемъ протягивающій листокъ своихъ писаній.

Какъ теперь, такъ и тогда онъ приходилъ въ редакціи не только со статейками, но и съ протекціей, и въ „Русскую Волю“ Кольцовъ протиснулся съ рекомендательнымъ письмомъ стараго, высоко-буржуазнаго одесскаго журналиста, Эрманса. Письма не помогли. Кольцова печатали рѣдко и неохотно.

Потомъ, вмѣстѣ съ буржуазными бѣженцами, онъ весело и счастливо перебрался въ Кіевъ, и писалъ самые буржуазные фельетоны въ буржуазныхъ газетахъ, но буржуазія оказалась не въ авантажѣ, оставаться при ней было опасно и невыгодно, и только поэтому Кольцовъ рѣшилъ примкнуть къ „нашему интернаціоналу“, къ „нашей революціи“, и вотъ почему „мы уходили на пароходахъ“.

За то и достается же теперь буржуазной прессѣ отъ Кольцова! — „Бульварная“, „мѣщанская“, „золотушная“, „желтая“, „зацицающая вереницу ухищреній, подлостей, низостей, эксплоатаціи“. Это вообще о всей европейской и, въ частности, прежней русской печати, а

нынѣшнюю зарубежную прессу Кольцовъ иначе и не называетъ, какъ „эмигрантскими чайными домиками“.

Конечно, совѣтскій наймитъ иначе выражаться не смѣетъ, но, разскакавшись, онъ начинаетъ врать, притомъ наивно и глупо. Кольцовъ хвастливо завѣряетъ, что „наша“ (ну, конечно, „наша“!) печать достигаетъ общаго тиража въ восемь милліоновъ экземпляровъ“, а „общій тиражъ дореволюціонной буржуазной россійской прессы едва достигалъ двухъ съ половиной милліоновъ“.

Но если даже допустить, что совѣтскія газеты, обязательно — по приказу — выписывающіяся не только учрежденіями, клубами, театрами, но и торговлями и всѣми должностными лицами, дѣйствительно имѣютъ восемь милліоновъ тиража, то и въ такомъ случаѣ гордиться нечѣмъ. Русская революціонная печать въ послѣдніе годы имѣла огромное распространеніе, а, главное, моральный авторитетъ и вліяніе, о чемъ казенные соворганы не смѣютъ даже мечтать.

Одно „Русское Слово“ печатало не менѣе одного милліона семисотъ тысячъ; громадные тиражи захватили газеты „Копѣйка“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Огонекъ“, отлично шли „Современное Слово“ и „Новое Время“, большое распространеніе имѣли „Петербургскій Листокъ“ и „Петербургская Газета“, „Московское Утро“, хорошій тиражъ былъ у „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Рѣчи“. Это — только въ двухъ столицахъ.

Но распространеніе и провинціальныхъ газетъ не оставляло желать ничего лучшаго, и „Кіевская Мысль“ выпускала сотни тысячъ экземпляровъ, очень хорошо шли „Южный Край“, „Одесскія Новости“, „Одесскій Листокъ“, а если сюда прибавить всю остальную провинцію, т. е. не только такіе города, какъ Саратовъ, Баку — гдѣ

одно время сразу выходили три большія газеты, — Ростовъ на Дону, но даже самые маленькіе города, имѣвшіе иногда по двѣ газеты, (неожиданный примѣръ — Бендеры), если вспомнить о сибирскихъ центрахъ, Кавказѣ, Бессарабіи, Средней Азіи, то всѣ эти хвастливые и горделивые „восемь милліоновъ“ должны скромно потупить глаза. И прежнія газеты были независимы: никто имъ не давалъ приказовъ изъ Ц. К.; никому онѣ не навязывались насильно, никого не командировали для выполненія газетной „трудовой“ повинности.

Мы были идейно свободны, и ни одинъ издатель, и ужъ, конечно, никакая власть, — до министра внутр. дѣлъ включительно, — не могли насъ обязать и заставить, не въ силахъ были измѣнить наши взгляды ни на іоту.

И когда кто-нибудь изъ насъ не считалъ возможнымъ поддержать въ томъ или иномъ вопросѣ издателя или редактора, насъ никто не могъ насиловать, — ни нашу свободную волю, ни нашу свободную мысль, и если это несогласіе раскрывало наше общее идейное размиреніе съ руководителями газеты, мы уходили и разрывали съ ней навсегда, — иногда поодиночкѣ, отдѣльными лицами, но бывали случаи, когда газету покидалъ весь составъ редакціи полностью. Такъ случилось съ самарской газетой. съ екатеринославской, съ петербургскими „Новостями“ О. К. Нотовича въ 1905 году.

И ужъ, конечно, нигдѣ, ни въ одномъ органѣ, ни съ однимъ изъ насъ не могло случиться то, что случилось совсѣмъ недавно съ двумя критиками и редакторами совѣтскихъ ежемѣсячниковъ, съ Воронскимъ и Полонскимъ, осмѣлившимися только чуть-чуть, слегка не совпасть полностью отъ аза до ферта съ приказами и велѣніями вла-

сти, и тотчасъ же лишившимися не только своихъ редакторскихъ постовъ, но и права жительства въ столицахъ.

Нѣтъ, буржуазная печать давала свободу, и ея дѣятели никогда не разставались со своей независимостью, съ правомъ на исповѣдываніе и выраженіе собственныхъ взглядовъ.

Правда, прежде ни на одной страницѣ русскихъ газетъ имя Кольцова нельзя было бы разглядѣть даже въ микроскопъ, и пышный расцвѣтъ этого молодого человѣка былъ ему приготовленъ только на поляхъ и въ садахъ, среди плевелъ совѣтскаго журнализма. И это счастье онъ заслужилъ. Двѣ черты должны были обратить на него одобрительное вниманіе власти, — низкопоклонная льстивость и еще наглость, доходящая до цинизма.

Возможно ли безъ смѣха читать высокопарную чепуху Кольцова о томъ, какъ „солнечный лучъ, обезпокоенный здоровьемъ Ленина, прокололъ зеркальныя окна кремлевскаго дворца“, и поэтому „у Каменева свѣтлѣе стало лицо“, или о томъ, что „Ленинъ, какъ личность, былъ устроенъ гармонически“, что „Ильичъ расхохотался“, „Ильичъ улыбнулся“ и „весь міръ навсегда узналъ Ленина революціонера, ниспровергателя, мыслителя, созидателя соціалистическаго государства, бойца, ученаго, партійца, вождя, писателя“, и еще неизвѣстно, что — не то чорта въ ступѣ, не то Владимира-Краснаго Солнышка, — мели, Емеля!

Надрываясь въ своемъ высокоградусномъ восторгѣ, Кольцовъ увѣряетъ, что одна мысль, одно представленіе о маніакѣ Ленинѣ приводило въ смущеніе и бросало въ краску стыда самыхъ буржуазныхъ писателей, и Аверченко будто бы счелъ долгомъ изъять изъ своей книги

„Дюжина ножей въ спину революціи“ разсказъ о Ленинѣ, и это, видите ли, случилось потому, что „Аверченку стало не по себѣ“. Есть ли граница вранья и предѣлъ льстиваго низкопоклонства?

И въ томъ же тонѣ Кольцовъ пишетъ обо всѣхъ, власть имущихъ — и о Раковскомъ, и о Дзержинскомъ, о его „золотомъ сердцѣ“, его любви къ дѣтямъ, его неподкупности, его трудахъ и дѣлахъ, и о Войковѣ, и о покорителѣ міра и умовъ Чичеринѣ, и о Троцкомъ, „который самъ себѣ памятникъ“, нынѣ, впрочемъ, стоящій уже не въ Кремлѣ, и, естественно, уже потерявшій всякую надежду и права на кольцовскіе воздушные поцѣлуи.

Но сколько лести — столько и наглости.

Вотъ — Кольцовъ говоритъ о Шульгинѣ и его нелегальной поѣздкѣ въ СССР и скорбитъ объ ея „безнаказанности“, хотя самому Кольцову должна быть отлично извѣстна провокаціонная подкладка и чекистская работа, сопровождавшая и вызвавшая это путешествіе.

Вездѣ, гдѣ можно пнуть, ущипнуть, высунуть языкъ, соврать, передернуть, Кольцовъ проявляетъ такую старательность, угодливость и ретивость, что „Правда“ должна была бы ему оплачивать эти не-литературныя услуги особымъ тарифомъ сдѣльно, за каждую голову, — отдѣльно за Коверду, отдѣльно за Шульгина, отдѣльно за Деникина, и повышенной таксой за Керзона и Чемберлена, — жаль только, что англійскіе политики совсѣмъ не знаютъ, кто такой Кольцовъ, и почему онъ такъ радостно отплясываетъ свой людоѣдскій танецъ.

Восхваливъ до небесъ всѣхъ чекистовъ, вмѣстѣ и порознь, молодой человѣкъ въ пижамѣ приходитъ въ неистовое восхищеніе отъ того, что „Слонъ пишетъ“. Рѣчь же идетъ о Соловкахъ, объ этомъ лагерѣ смерти. Репутація

острова и его порядковъ столь неоспорима, что, казалось бы, даже самый безпардонный совѣтскій прихлебатель долженъ былъ почувствовать всю щекотливость этой темы и, во всякомъ случаѣ, воздержаться отъ защиты единственной въ мірѣ каторги. И самъ Кольцовъ сознается, что вокругъ этого гиблаго мѣста царитъ „атмосфера глубокаго почтенія, хотя и не очень сильной любви".

Какъ будто все ясно, но Кольцовъ въ восторгѣ: только тамъ, только въ Соловкахъ открытъ путь для нравственнаго совершенства, только тамъ людямъ „дана возможность окрылить свое сознаніе вѣрой въ будущее".

И читая о Соловкахъ у Кольцова, поражаешься райской жизни сосланныхъ. Всѣ трудятся, всѣ довольны, всѣ блаженны, выпускаютъ свой собственный журналъ, и всѣ тамъ пишутъ, есть театръ, и вообще — „на Слонѣ живутъ и трудятся бодрые, вѣрящіе въ свое исправленіе люди". Чѣмъ не рай? Только подумать — до какихъ измышленій доходитъ вся европейская и міровая печать! Всѣ врутъ — только Кольцовъ говоритъ правду — и надо удивляться одному: какъ это до сихъ поръ россійскіе граждане не подали прошеній о переселеніи на Соловки? Но вотъ, — подите жъ! — не догадываются, и даже послѣ кольцовскихъ рекламныхъ зазываній на Соловецкій курортъ, пожалуй, такъ и не догадаются.

Безмѣрна, ни съ чѣмъ несравнима беззастѣнчивая наглость молодого человѣка въ пижамѣ, непризнаннаго буржуазной печатью, зато обласканнаго совѣтской, — этого придворнаго льстеца. Когда-то Михайловскій клеймилъ проститутовъ печати, продающихъ за деньги красоту своего пера. У Кольцова нѣтъ и этой красоты. Онъ торгуетъ другимъ товаромъ, — угодничествомъ и фальшивыми изъясненіями въ любви. Кольцовъ похожъ на

плохого провинціальнаго любовника съ наиграннымъ пафосомъ, громыхающей декламаціей, противной манерностью, дешевымъ кокетствомъ.

Ему хотѣлось бы быть патетичнымъ, но онъ холоденъ, равнодушенъ и безсиленъ. Онъ хочетъ показаться поэтичнымъ, а у него „двѣ черныя клешни тянутся къ алому городу." Онъ пробуетъ быть мѣткимъ въ краткости, а выводитъ о томъ, что „руки и глаза — острые ножи", и у него тема — „обрамляетъ", кирпичи „молчатъ на красной стѣнѣ" (?), „разсыпаться, кто куда" и т. д. и. т. д.

Его фотографія выразительна, ее непремѣнно нужно было приложить къ этой книгѣ: малыжскій первый любовникъ, чародѣй подвальнаго этажа, — „обольститель деревенскихъ дуръ", — про свою газетную карьеру онъ могъ бы сказать словами каррикатурной шансонетки:

„Въ пансіонѣ я училась,
Счастья не нашла,
Счастье я тогда спознала,
Какъ въ шантанъ пошла."

Осипъ Дымовъ.

Время — скульпторъ и, чаще всего, скверный. Но это еще и неугомонный скульпторъ, никогда не успокаивающійся, злобно измѣняющій наши черты. Какъ странно идетъ ростъ человѣка! Почти никогда впрямь и ввысь. Жизнь не любитъ прямыхъ линій. Мы растемъ, какъ дерево: вѣтвимся, искрывляемся, прорастаемъ сучками. Участвуемъ ли мы нашимъ сознаніемъ, нашей волей въ этомъ путанномъ рисункѣ роста? Не всегда. А, впрочемъ, такъ ли это нужно? Неужели даже тутъ нельзя обойтись безъ надуманности? Увы, и здѣсь бываетъ тенденціозность. Да, и наши жизни похожи на искусство. И онѣ бываютъ талантливыми, естественными, искренними, но могутъ стать лживыми и предвзятыми. Можно назвать цѣлый рядъ людей, нарочито и упрямо вылѣплявшихъ свое заранѣе предрѣшенное лицо, выполнявшихъ какое-то, разъ навсегда опредѣленное, заданіе. И я зналъ такихъ, которые сумѣли воспитать въ себѣ внѣшне горделивую выдержку, и другихъ, кокетливо рядящихся въ мечтательную безпомощность, и еще тѣхъ, кто пріучилъ себя къ сосредоточенному молчанію и, какъ сюрпризъ, получилъ за это лестный аттестатъ глубокомыслія. Мнѣ пришло это въ голову потому, что я прочелъ о писателѣ Осипѣ Дымовѣ:

исполнилось 25-лѣтіе его драматургической дѣятельности.

Вотъ человѣкъ, который долгіе годы сочинялъ себѣ собственное лицо и никакъ не могъ сочинить. Все время онъ выдумывалъ себѣ позы, создавалъ какое-то „положеніе“, шаря, выискивалъ подходящее для себя кресло, выбиралъ литературный портфель. Онъ не писалъ, онъ не просто разговаривалъ, онъ не влюблялся, какъ люди, — — Осипъ Дымовъ всѣмъ этимъ какъ бы сотворялъ на глазахъ у всѣхъ свою пышную автобіографію. Въ своей литературной жизни онъ неизмѣнно хотѣлъ одного: обожанія и ласки. Его несчастье заключалось въ томъ, что его, въ самомъ дѣлѣ, приласкали, и онъ сразу потерялъ голову, началъ жеманничать, изламываться, вертѣть голубымъ хвостомъ.

И сразу же въ его писанія пришла изломанность, появились прикрасы, закапризничало жеманство, выпятилось желаніе казаться изощреннымъ и модничать. У него появился новый, очень непріятный оттѣнокъ: Дымовъ сталъ томнымъ, онъ напустилъ на себя сугубое томленіе неудовлетвореннаго полубога. Недаромъ и повѣсть его называлась „Томленіе духа“.

Я помню его совсѣмъ молодымъ. Его первыя строки появились въ „Театрѣ и Искусствѣ“. Тамъ онъ былъ секретаремъ редакціи, помѣщалъ маленькія рецензіи, но тамъ же мы прочли и его первые три разсказа, тоже изъ театральной жизни, явно выдававшіе подчиненность чеховскимъ мотивамъ. А потомъ мы вмѣстѣ работали въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“. Здѣсь я Дымова узналъ близко, и сразу почувствовалъ его самовлюбленность и желаніе нравиться. Это ему даже удавалось, а помогала въ этомъ его способность имитаціи. Онъ ловко подражалъ

чужому голосу, вѣрно копировалъ манеры, вызывалъ смѣхъ, а когда люди смѣются, они сначала прощаютъ, потомъ сочувствуютъ.

Но вотъ однажды Дымовъ пригласилъ нѣсколько сотрудниковъ прослушать его первую пьесу. Въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана „Москва“ собрались В. А. Бонди, Б. П. Бурдесъ, А. А. Измайловъ и я. Пьеса называлась „Каинъ“ и развертывала картину семейной вражды. Тема была модной. Въ ней чувствовалось вѣяніе ницшеанства — „любовь къ дальнему“, а не близкому, и вся она была сдѣлана тоже по модному, слегка опять таки, подъ Чехова, отчасти подъ Шницлера, съ приправой изъ Достоевскаго, чего хочешь — того просишь. „Каина“ поставили, кажется, на сценѣ Малаго театра, но безъ успѣха. Пьесу пришлось очень скоро снять. Дымова, однако, эта неудача нисколько не обезкуражила. Къ числу унывающихъ онъ никогда не принадлежалъ и вслѣдъ за „Каиномъ“, одна за другой, появились „Слушай, Израиль“, „Ню“, „Преступленіе противъ нравственности“ и „Пѣвецъ своей печали“. Томныя рулады и роскошное изломленіе стана проникли и сюда. Къ этому времени Дымовъ напустилъ на себя и загадочность, — ну, а если загадочность, то должна же быть не только непонятость, но даже и нѣкоторая абсолютная непонятность, и Дымовъ надѣлъ на себя мистическій сарафанъ.

Онъ вообще до страсти тщился прослыть символистомъ, мистикомъ, потусторонней персоной, и фіолетовый туманъ спустился на дымовскую землю и окуталъ скромную хижину бѣлостоцкаго ницшеанца, — онъ же воображалъ, что это не хижина, но башня звѣздочета.

Это особенно вскрылось въ „Преступленіи противъ нравственности“. И когда въ кіевскомъ Соловцовскомъ

театрѣ главную роль Зины поручили актрисѣ Е. С. Кузнецовой, она съ лукаво расширенными глазами тихо трясла въ рукѣ пьесу и недоумѣнно гадала:

— А, вѣдь, что-то онъ, должно быть, все-таки хотѣлъ сказать!

Словомъ, Дымовъ все время наряжался. Изъ своего литературнаго шкафа онъ вынималъ то одинъ костюмъ, то другой, будто неизмѣнно выѣзжалъ на парадъ, пока не допарадировался такъ, что сейчасъ мы его можемъ видѣть гарцующимъ на красномъ конѣ въ большевицкой нью-іоркской газетѣ, а это уже не Метерлинкъ, и не Ницше, и не мистика, и никакого символизма тутъ нѣтъ, а есть настоящій, осязаемый вѣрный реализмъ откровеннаго сребролюбія, потому что такой же, все-таки, большевикъ этотъ Осипъ Дымовъ со своей тоже непонятой Ню?

Послѣдній разъ я видѣлъ Дымова передъ его отъѣздомъ въ Америку. Это было 14 лѣтъ тому назадъ. Тамъ онъ получилъ, наконецъ, свое совсѣмъ не загадочное исцѣленіе отъ всѣхъ надземныхъ „измовъ“ и научился цѣнить долларъ, и этотъ долларъ отвѣтилъ ему взаимностью. Во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ эмигрантскихъ писателей онъ одинъ устроился въ Нью-Іоркѣ прочно и благополучно, а года полтора тому назадъ даже выигралъ какой-то процессъ, принесшій ему очень приличный кушъ.

И это меня нисколько не удивляетъ.

Коль скоро въ Америкѣ превыше всего цѣнится долларъ, надо идти за тѣмъ, что цѣнится. Если въ Америкѣ хорошій тонъ предписываетъ имѣть обязательно надежный бумажникъ, съ этимъ не надо спорить и этого надо достигать. Если бъ Дымовъ жилъ въ старой Венеціи, онъ въ лунную ночь поднимался бы по веревочной лѣстницѣ къ своей возлюбленной и при этомъ аккомпаниро-

валъ самому себѣ на мандолинѣ. Если бъ онъ жилъ въ Испаніи въ эпоху плаща и шпаги, онъ вызвалъ бы на дуэль чахоточнаго гидальго и продырявилъ, если не его самого, то его камзолъ. Но такъ какъ онъ жилъ въ Россіи, а тогда въ Россіи самымъ моднымъ повѣтріемъ былъ театръ, а въ театрѣ самымъ моднымъ повѣтріемъ было московско-художественное, то и Дымовъ долженъ былъ написать пьесы „съ настроеніемъ“ и даже съ нѣкоей проблемой, и, конечно, съ метерлинковской таинственностью. Недаромъ петербургскіе литературные остряки утверждали, что Федоръ Фальковскій будто бы сказалъ Дымову:

— Мы съ тобой — двѣ русскія Метерлинки.

Но Америка не Метерлинкъ. Тутъ подай другое. Тутъ туманы не котируются, а долларъ не любитъ никакихъ мечтаній. И чуткій нюхъ и слухъ Дымова это уловили сразу, всѣ русскіе и не русскіе Метерлинки полетѣли подъ столъ, и за это на столѣ округлился самодовольно сіяющій долларъ, золотой и круглый, какъ солнце истинной поэзіи.

I. I. Ясинскій.

1.

И дома были рядомъ. На Мѣщанской 23 жилъ я, а въ № 25 помѣщалась редакція „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и туда я заглядывалъ по нѣсколько разъ въ день. Это было въ 1902 году, я только что пріѣхалъ изъ Москвы, проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Курьерѣ“, издававшемся Я. Фейгинымъ и И. Д. Новикомъ. Тамъ были напечатаны мои первые разсказы. Беллетристическимъ отдѣломъ вѣдалъ Леонидъ Андреевъ. „Биржевыя Вѣдомости“ охотно открыли мнѣ свои столбцы, и я сталъ писать злободневные фельетоны. Я дѣлалъ это, скрѣпя сердце. Хотѣлось другого. Я влекся къ критикѣ и беллетристикѣ, но газета вообще не помѣщала разсказовъ, а критическій отдѣлъ былъ цѣликомъ въ рукахъ покойнаго А. А. Измайлова. Все-таки я сдалъ поэму въ прозѣ „Зарево“, ее прочелъ I. I. Ясинскій, наговорилъ мнѣ много пріятныхъ словъ и взялъ въ свой журналъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“.

Такъ началось наше знакомство.

Ясинскій былъ величественно-красивъ. Его массивное тѣло увѣнчивалось большой эффектной головой съ тяжелой серебряной копной волосъ, импонировалъ его ростъ,

располагалъ добрый и ласкающій взглядъ, вкрадчивая мягкость манеръ и поражалъ своимъ несоотвѣтствіемъ тонкій голосъ.

Моя молодая впечатлительная наблюдательность какъ-то сразу безсознательно почувствовала въ немъ зыбкую, женскую невѣрность. И, въ самомъ дѣлѣ, въ немъ было много женственнаго. Проступали черты нѣжности, лукавства, кокетства. Онъ казался ненадежнымъ. Это была женщина, которая измѣняетъ. Ясинскій — вѣтренность. Онъ обѣщалъ и не исполнялъ. Давалъ слово и не сдерживалъ.

Ясинскій считался редакторомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. Считался и не былъ имъ. Къ лицу газеты, ея содержанію, интересамъ сотрудниковъ, успѣху „Биржевыхъ Вѣдомостей“ онъ оставался равнодушнымъ. Но и его мягкость происходила тоже не отъ широты и доброты — она являлась слѣдствіемъ апатичной халатности. Въ редакціи его звали „мамочкой“. Съ этимъ ласкательнымъ словомъ онъ обращался ко всѣмъ, приходившимъ къ нему по дѣлу.

Случались курьезы. Какой-то провинціалъ привезъ Ясинскому статью о бубликахъ, ихъ выпечкѣ и распространеніи. Онъ ее отправилъ въ наборъ, какъ передовую. В. А. Бонди, — поневолѣ являвшійся фактическимъ редакторомъ, — бѣгалъ въ тотъ день отъ одного сотрудника къ другому, потрясая гранками о бубликахъ и жалуясь на „мамочку“.

— Вы понимаете: номеръ газеты открывается хлѣбопекарней! Все — наша „мамочка“.

Въ своихъ воспоминаніяхъ („Романъ моей жизни“) самъ Ясинскій разсказываетъ о трагикомическомъ случаѣ. У передовой статьи Градовскаго мальчикъ просы-

палъ наборъ конца, оригиналъ затерялся въ корректорской, было поздно, метранпажъ обратился къ выпускающему съ просьбой придѣлать окончаніе, и тотъ придѣлалъ. Взялъ и написалъ: „Отче нашъ, иже еси на небеси“... до самаго „Аминь“. Наборщики набрали, статья была спущена въ машину и на другой день подписчики съ немалымъ удивленіемъ могли прочесть статью о Гладстонѣ и восточной политикѣ Россіи съ молитвеннымъ обращеніемъ въ концѣ къ Отцу Небесному.

Но въ газетѣ Ясинскій цѣнился не за редакторскую работу, а за свои статьи о провинціи, ея дѣлишкахъ, бытѣ, мелкихъ неправдахъ о всемъ томъ, что могло интересовать и занимать захолустнаго русскаго обывателя. Отдѣлъ такъ и назывался: „Что думаютъ и дѣлаютъ въ провинціи?“ Подъ этими статьями Ясинскій подписывался псевдонимомъ: „Независимый“.

Здѣсь его успѣхъ былъ, дѣйствительно, огроменъ. Провинціальное изданіе имѣло исключительный тиражъ. Оно расходилось въ сотняхъ тысячъ. Корреспонденція, получаемая со всѣхъ концовъ Россіи, была необъятна. Иногда Независимый писалъ фельетонъ на нѣсколько темъ сразу, удѣляя по нѣсколько строкъ каждому вопросу, разъясняя недоумѣнія, бѣгло отвѣчая и указывая. Такія статьи онъ называлъ „Почтовымъ ящикомъ“, и иные изъ его корреспондентовъ адресовали письма такъ: „С.-Петербургъ. Почтовый ящикъ Независимаго“. И письма доходили.

Россійской глуши въ ту пору газета представлялась верховной носительницей правды, послѣдней инстанціей, гдѣ можно было еще искать и найти защиту. Въ печатное слово, его власть, его авторитетъ, его неподкупную честность читатель вѣрилъ, былъ счастливъ общеніемъ

съ писателемъ, утѣшался его откликами на свое горе и нужды. Въ этомъ отношеніи Ясинскій обладалъ многими незамѣнимыми достоинствами. Онъ былъ лиричень, умѣлъ утѣшать и ободрять. Его статьи носили на себѣ отпечатокъ литературной мягкости, были проникнуты живымъ сочувствіемъ, украшены художественнымъ пейзажемъ, изложены въ доступной и пріятной формѣ разсказа. Популярность Ясинскаго завидно росла.

Правда, темы этихъ бесѣдъ съ читателемъ были незначительны. Но и онъ самъ не поднималъ большихъ вопросовъ, и я могу это утверждать.

Какъ-то вмѣсто Ясинскаго, заболѣвшаго или переживавшаго очередное недоразумѣніе съ издателемъ С. М. Проппероиъ, — мнѣ пришлось вести провинціальный отдѣлъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Ко мнѣ поступала вся корреспонденція, и до сихъ поръ я помню, какъ отвѣчалъ на запросъ какихъ-то сельскихъ парубковъ и разрѣшалъ сомнѣнія Муромскаго мельника. Парубки жаловались, что имъ запрещаютъ пѣть на улицѣ послѣ 11-ти часовъ, а мельникъ хотѣлъ узнать у меня, — жениться ему или нѣтъ.

Большинство обращеній не выходило за предѣлы интересовъ семейнаго или узко-бытового круга. Такую переписку я видѣлъ еще только одинъ разъ: ее велъ со своими подписчиками издатель „Вѣстника Знанія“ В. В. Битнеръ. У него просили совѣтовъ, гдѣ купить мандолину и канарейку, какой системы долженъ быть лучшій лобзикъ, и Битнеръ обстоятельно удовлетворялъ эту любознательность. Тутъ тоже ходко распространялся журналъ, потомъ Битнеръ сталъ даже созывать районные съѣзды своихъ подписчиковъ и, наконецъ, учредилъ для нихъ особый натрудный знакъ.

Словомъ, полезное, интересное иногда радостное и всегда прибыльное, это перекликаніе съ обывателемъ, запертымъ въ глуши, это ауканье, эти семейныя бесѣды, разумѣется, никогда не носили никакого политическаго характера.

2.

Каково же было мое удивленіе, когда я прочелъ среди воспоминаній Ясинскаго о томъ, что онъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ „проводилъ соціалъ-демократическую линію“, въ своемъ революціонномъ пафосѣ былъ неудовлетворенъ „мирной политикой такихъ соціалъ-демократовъ, какъ Струве“, и даже сверхчеловѣку Ницше „придавалъ обликъ большевика“. Конечно, это грубая неправда. Ни о какихъ большевикахъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ никто не думалъ. О нихъ не было помину. Никогда Ясинскій не склонялся не только къ крайностямъ соціалъ-демократической программы, но и отдаленно не былъ марксистомъ.

Въ чемъ дѣло?

А въ томъ, что вся эта книга, — эти щекотливые итоги его житейскаго и идейнаго шатанія, — стремится кого-то убѣдить и отъ чего-то защититься.

Въ своемъ радикализмѣ, въ своей давной лѣвизнѣ авторъ хочетъ, конечно, увѣрить большевиковъ. Но не только ихъ однихъ. Безсознательно (а, быть можетъ, и обдуманно) онъ желаетъ убѣдить и насъ, въ томъ, что онъ перешелъ въ этотъ станъ послѣдовательно, естественно, даже органически. Онъ подчеркнуто напоминаетъ о своихъ неизмѣнныхъ сочувствіяхъ рабочимъ и крестьянамъ, подробно разсказываетъ, какъ Проппоръ былъ озадаченъ его требованіемъ освѣщать положеніе фабрикъ съ точки

зрѣнія заработной платы, какъ на своемъ юбилеѣ онъ настаивалъ на предоставленіи мѣста рабочимъ, какъ боролся за матеріальныя улучшенія наборщиковъ, какъ близко сходился съ крестьянскими поэтами, какъ печатно воевалъ съ крупнымъ помѣщикомъ Ридигеромъ, какъ много терпѣлъ отъ царской цензуры.

Онъ убѣждаетъ насъ, но мы не вѣримъ. Искренность всегда слышна. У Ясинскаго ея нѣтъ. Здѣсь все подтасовка и искаженіе. Эта книга освѣщена невѣрнымъ свѣтомъ фальши. Она — длинное самооправданіе. Это исповѣдь лицемѣра, а лицемѣріе здѣсь то окрашено наивностью, то отталкиваетъ неточностью, то выдаетъ скрытую озлобленность.

И самый тонъ повѣствованія тоже лицемѣренъ, и за его внѣшнимъ, прощающимъ безпристрастіемъ хоронится клевета, навѣтъ и сплетня. Лицемѣрны и эти изъявленія своихъ восторговъ передъ большевиками, эта радостная изумленность величіемъ Луначарскаго, который при свиданіи поразилъ его тѣмъ, что „совсѣмъ не походилъ на министра, хотя былъ несомнѣнно министръ и членъ очень могущественнаго правительства“, „конфузился“ и даже „улыбался“, а „глаза его, очень яркіе и внимательные, были устремлены“... на Ясинскаго.

И тоже лживое, льстивое лицемѣріе слышится въ его оцѣнкѣ Златы Еновны Лилиной (жены Зиновьева), посвятившей „хорошее слово“ памяти Гаршина. Въ этомъ „хорошемъ словѣ“ она объяснила, что трагедія Гаршина была въ его слабости, помѣшавшей ему стать революціонеромъ, и объ этой кощунственной чепухѣ Ясинскій пишетъ: „товарищъ Лилина была права“. И это снова скверная, лицемѣрная ложь, тѣмъ болѣе непростительная, что самъ Ясинскій прекрасно знаетъ, какъ сложна, глубока и индивидуальна была трагедія несчастнаго Гаршина.

Онъ лживъ въ сужденіяхъ, но злостно неточенъ и въ своихъ фактическихъ свидѣтельствахъ. Неправда, будто Леонидъ Андреевъ продался Протопопову за 60.000: Андреевъ получалъ за редактированіе литературнаго и театральнаго отдѣла вмѣстѣ съ оплатой всего имъ написаннаго 3.000 въ мѣсяцъ — свой нормальный гонораръ: Андрееву вездѣ платили за строчку 1 рубль и даже 1 руб. 50 коп., а въ „Русской Волѣ“ онъ работалъ добросовѣстно и много. Безъ чувства брезгливости нельзя читать и эти неискренніе упреки Андрееву въ томъ, что онъ „превратился въ соціалъ-патріота“, и (о, ужасъ!) „сталъ восхищаться бельгійскимъ королемъ“. Это тѣмъ неожиданнѣе, что самъ Андреевъ относился къ Ясинскому очень благожелательно, и Ясинскій о немъ писалъ съ большой восторженностью. Откуда же перемѣна, откуда это позднее коварство? Объясненіе просто. Лжецы проговариваются и Ясинскій роняетъ:

— Пріѣзжалъ онъ ко мнѣ на Черную Рѣчку, но я чувствовалъ, что онъ не только меня посѣщаетъ, но и „удостаиваетъ“.

Тутъ вскрывается еще одна характерная черта Ясинскаго: его мелочность. А эта мелочность — слѣдствіе уязвленнаго, обиженнаго и безпокойнаго самолюбія.

Весь путь Ясинскаго, вся его душа, всѣ его сужденія и отношенія всегда были шатки. Въ своемъ качаніи онъ ухитрился перебрасываться изъ „Отечественныхъ Записокъ“ Салтыкова въ „Свѣтъ“ Комарова, и въ приложеніи именно къ этой газетѣ вышелъ его романъ подъ характернѣйшимъ названіемъ „Лицемѣры“. Почему-то онъ про-

шелъ незамѣченнымъ, межъ тѣмъ его слѣдовало замѣтить. „Лицемѣры“ написаны тоже лицемѣромъ.

Правда, Ясинскій вывелъ тамъ и себя подъ именемъ Иваницкаго. Это — его право. Но онъ недвусмысленно и прозрачно захотѣлъ вывести еще и другихъ — между прочимъ, Лѣскова и Бибикова. Теперь въ этомъ уже нѣтъ никакихъ сомнѣній. „Воспоминанія“ Ясинскаго раскрываютъ это съ полной неоспоримостью. Свидѣтельства Ясинскаго-мемуариста совершенно совпадаютъ съ эпизодами, изображенными Ясинскимъ-романистомъ, и романъ „Лицемѣры“ когда-нибудь долженъ стать предметомъ любопытной главы въ будущемъ интересномъ изслѣдованіи: „Исторія русскаго пасквиля“.

И, дѣйствительно, въ своемъ обличительномъ сладострастіи Ясинскій нескрываемо тянется къ уязвляющему личному, интимному разоблаченію, прибѣгаетъ къ методамъ типичнаго пасквиля.

При своей мелочности, въ своей длительной обиженности, въ сознаніи своей неоцѣненности, упрямый, какъ всѣ слабые и зыбкіе, этотъ безвольный самолюбецъ не только защищается, но и нападетъ. Онъ оправдывается и мститъ. Обѣляя себя, Ясинскій чернитъ другихъ. „Воспоминанія“ сводятъ счеты, и съ злобствующей радостью Ясинскій упоминаетъ, „какъ о фактѣ неоспоримомъ“, о 100.000, полученныхъ сотрудниками „Русскаго Богатства“ за статьи противъ японской войны. Но и тутъ онъ тотчасъ же порицающе киваетъ головой на Розанова, написавшаго объ этомъ въ „Новомъ Времени“, и за это исключеннаго имъ, Ясинскимъ, изъ списка своихъ сотрудниковъ. Словомъ, на „Русское Богатство“ тѣнь брошена не Ясинскимъ, а Розановымъ, и самъ Ясинскій не только внѣ упрека, но и необыкновенно благороденъ, а поверженъ

опять-таки Розановъ, хотя неблагопріятный слухъ о 100.000 запечатлѣнъ все-таки въ книгѣ Ясинскаго.

Такъ Ясинскій защищается и оправдывается, — вотъ способы, которыми онъ желаетъ доказать свою политическую и общественную чистоту.

Но въ его жизни есть и еще одна сторона, почему-то зануждавшаяся въ своемъ обѣленіи. Мы подходимъ къ щекотливому пункту. Рѣчь идетъ о женолюбіи Ясинскаго. Это могло бы остаться тайной, завѣшанной интимнымъ пологомъ. Никому до этого нѣтъ дѣла. Эту шкатулку захотѣлъ отомкнуть самъ Ясинскій. И опять: это его воля. Но и тутъ, снова все такъ же, какъ вездѣ, желая предстать передъ нашими взорами въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ невинности и чистоты, онъ начинаетъ пятнать страницы чужой жизни. У него Лѣсковъ отличается „сладострастіемъ“ и даже „сластобѣсіемъ“. Атава женатъ на „погибшемъ, но миломъ созданіи“, съ Надсономъ въ Кіевъ пріѣзжаетъ чужая жена, Минскій расходится съ Юліей Безродной, Дорошевичъ жилъ съ дѣвушкой, которая и т. д., и т. д.

Ясинскаго это не коробитъ. Повѣствованія о чужихъ романахъ должны отмѣтить святость „Романа моей жизни“, оправдать слабости, грѣхи и преступленія Ясинскаго. Значитъ, и онъ имѣлъ право быть плохимъ. Но онъ даже не плохъ — нѣтъ! — прочите „Воспоминанія“ и вы видите, какъ онъ деликатенъ, чуткъ, высокъ и прекрасенъ, какъ несправедлива къ нему судьба, какъ подкупны, пошлы и себялюбивы люди. Если неустойчивъ онъ, то другіе тоже не стойки. Если его происхожденіе не даетъ правъ на гордость — что же дѣлать — вы не должны забывать (и Ясинскій вамъ заботливо напомнитъ), что Михайловскій былъ сыномъ жандарма, а отецъ

Мережковскаго состоялъ придворнымъ лакеемъ. Если самъ Ясинскій былъ и тамъ и тутъ, и съ лѣвыми и съ правыми, то другіе, вѣдь, писали Суворину „дифирамбическія письма“. И обо всемъ этомъ разсказывается мягко, легко, какъ бы мимоходомъ, даже съ претензіей на безстрастіе. У Ясинскаго лживость не напорна, она не бьетъ по глазамъ и нервамъ, иногда она становится даже ласковой, и только временами съ очевидной явностью въ ней проступаетъ подлость.

3.

А ложно все: ложно смиреніе, лживы порывы, напускная кротость и уже за ними, таясь, стоятъ лукавость, невѣрность, оскорбленность и злоба. Это — итоги печальнаго „романа“ Ясинскаго съ литературой, съ общественностью, съ жизнью, а теперь съ большевиками.

Но черезъ всѣ эти черты и призраки явно звучитъ робкій голосъ какой-то неловкости. И въ ней сказалась большая драма стараго Ясинскаго: его мучительное недовольство прожитой жизнью, страшный конецъ, называющійся духовнымъ одиночествомъ.

Девять десятыхъ этой книги онъ готовъ былъ бы сжечь, но прошлое не сжигаемо.

Конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ Ясинскій скрытенъ. Это тоже характерно: съ годами душа закрывается для людей, и открывается для міра. Душа Ясинскаго занавѣшана — занавѣшана, но разгадана.

Въ своей нестойкости, аморальности, впечатлительности, онъ былъ неизмѣнно подчиненъ власти соблазновъ: онъ тотъ, кто уступаетъ. Въ этомъ есть какіе-то

слѣды душевной проституціонности — отдаваться всѣмъ и никого не любить.

Душа Ясинскаго похожа на позолоченное сито. Оно поблескиваетъ и ничего не удерживаетъ: оно всегда пусто.

А. А. Вербицкая.

Анастасія Алексѣевна Вербицкая занимала совершенно особое мѣсто... какъ видите, я не рѣшаюсь сказать только одного слова: въ литературѣ. И все у нея было тоже особое: свой собственный книжный складъ, цѣлыхъ двѣ автобіографіи и даже „нашъ собственный“ лекторъ, Илья Василевскій (Не-Буква).

Въ своей автобіографіи она разсказываетъ рѣшительно обо всемъ, — о томъ, какъ ее, четырехклассницу, поцѣловалъ въ губы кадетъ, какъ ее называли „ангеломъ“, какъ „я была очень красивой“, какъ „я была очень талантливой“, какъ она купалась, какъ ихъ классъ „водили въ баню каждыя три недѣли“, съ какимъ „тайнымъ трепетомъ радости она слѣдила, какъ округляются формы ея тѣла“.

Но тутъ же Вербицкая дѣлаетъ и одно важное заявленіе. Она говоритъ о своей популярности.

Дѣйствительно, былъ моментъ, когда ее читали больше, чѣмъ Льва Толстого, и она охотно перечисляетъ, кто именно создалъ ей успѣхъ. Это были курсистки, студенты, но также полу-интеллигенція, мѣщане и ремесленники. Вербицкая не лгала. Свою аудиторію она набирала отовсюду, но, конечно, главнымъ образомъ, изъ полу-

интеллигенціи и низовъ. Ея романъ былъ, воистину, обольстителемъ „бѣдноты“, а сама Вербицкая искренно воображала, что она является смѣлой проповѣдницей свободы чувства, женской эмансипаціи, человѣческаго счастья, романтической любви.

У этой Жоржъ Зандъ для бѣлошвеекъ были изумительныя заглавія, — „Злая роса“, „Наши ошибки“, „Огни заката“, „Чья вина?“, „Духъ времени“, „Горе идущимъ, горе ушедшимъ!“, „Ключи счастья“, — и повѣствовалось тамъ о необычайныхъ страстьяхъ, великолѣпныхъ, „шикарныхъ“ герояхъ, возвышенно-потрясающихъ женскихъ порывахъ. Охваченный безуміемъ, „онъ бросался къ ней... жаркіе поцѣлуи сыпались на ея полу-открытыя уста... она не сопротивлялась... Тѣло трепетало около него...“ Прекрасны, умопомрачительны были ея князья и кавалеры, — Вальтонскіе, Гаральды, Штейнбахи, — но и околоточные были тоже не плохи, и одного изъ нихъ она описываетъ съ тѣмъ же чувствомъ: „околоточный — красивый франтъ въ бѣлыхъ перчаткахъ“. Эти герои не смѣли говорить просто, — нѣтъ, — у нихъ „съ необыкновенной страстностью и силой звучали слова“, у героинь „сверкали глаза“, въ нихъ „горѣло настоящее вдохновеніе“. Почти на каждой страницѣ стояли эфектные „экстазы“, и „бездны“, и „фибры“, и о чемъ только нит говорили просвѣщенные герой Вербицкой, — о Ницше, Уайльдѣ, Беклинѣ, Марксѣ, Спенсерѣ, Энрико Ферри.

Вербицкая писала не только романы, — она на своихъ страницахъ учила. Вербицкая указывала, какъ и о чемъ нужно говорить въ хорошемъ обществѣ, какъ вести себя „по благородному“, — она просвѣщала, она под-

носила готовыя заповѣди. Она обогащала дешевыми афоризмами, дарила не только „ключи счастья“, но и ключи уразумѣнія великихъ истинъ, и онѣ сразу оказывались невеликими, совсѣмъ не замысловатыми, несложными, доступными, какъ монпансье, простыми, какъ таблица умноженія:

— „Любовь самоцѣль. Научитесь повиноваться ея зову. Не все ли равно, кто подастъ вамъ опьяняющую чашу, пейте ее до дна. Не бойтесь, что изсякнетъ радость.“

Или такъ:

— „Надо любить любовь, вообще любовь, а не отдѣльнаго человѣка.“

Она соблазняла соблазняющихся, подталкивала колеблющихся, ободряла брошенныхъ, утѣшала раскаивающихся:

— „Уйдетъ одинъ, придутъ другіе, — не все ли равно кто?“

— „Привѣтъ вамъ, новыя женщины! Берите любовь, смѣясь и радуясь!“

И заповѣдывала:

— „Ни клятвъ, ни договоровъ, ни вопросовъ! Берите и идите дальше къ новымъ встрѣчамъ, къ новой любви!“

Главное же, — рекомендовала Вербицкая, — не надо останавливаться, нужно „дерзать“.

И легко представить себѣ, какой широчайшій откликъ она должна была найти въ темной массѣ своего полу-интеллигентнаго, шатающагося читателя. Всѣ сложныя проблемы ему подавались въ такомъ веселомъ и реальномъ толкованіи, столь осязаемо, наглядно и упрощенно,

что оставалось только махнуть на все рукой, и „летѣть въ бездну“.

Успѣху Вербицкой способствовалъ историческій моментъ. Ея имя выплыло наверхъ тогда, когда „Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа“, уже перестала удовлетворять нетребовательный вкусъ улицы. Понадобилось другое. Пришелъ кинематографъ, показалъ „красивую жизнь“, защекоталъ нервы у кисейной барышни, свелъ съ ума мѣщаночекъ съ геранью, разбудилъ спавшую мечту. Тутъ явилась Вербицкая и привела съ собой красавцевъ, эфектныхъ обольстителей, окружила ихъ обворожительной бутафоріей, заболтала о модныхъ вопросахъ, о забастовкахъ и о любви, о Ницше, о баррикадахъ и о беззапретной страсти, и сразу стала побѣдительницей всѣхъ слабыхъ сердецъ и ненадежныхъ мозговъ.

Въ тѣ годы полу-интеллигенція какъ-то особенно жадно устремилась хоть однимъ глазомъ взглянуть на пышную, но недоступную жизнь счастливцевъ и избранниковъ, и навстрѣчу этой потребности пошли прежде всего бульварные листки, вѣрно учуявъ спросъ и подсчитавъ доходы. Въ Петербургѣ амплуа съ ума сводящей беллетристки заняла кн. Бебутова („Петербургскій Листокъ“), въ Москвѣ — Вербицкая.

Она очень тонко почувствовала это вѣяніе и отдала ему все, что могла отдать. Не лишне вспомнить, что Вербицкая начала писать въ „Русской Мысли“, помѣщала свои вещи въ „Мірѣ Божіемъ“ (тамъ печаталось ея „Освободилась“), вѣроятно, поэтому о ней, уже впослѣдствіи, когда она совсѣмъ отошла отъ прежнихъ дорогъ, самымъ серьезнымъ образомъ рѣшился говорить Вл. Кра-

нихфельдъ и даже ставилъ ей въ заслугу занимательность вымысла и богатую, интригующую фабулу.

Но теперь Вербицкой было не до этого. Толстые журналы ее уже не интересовали. Къ ней пріѣзжали оптовые покупатели, — по мелочамъ она не продавала, — и она вела ихъ на складъ, снимала съ пояса большой ключъ, отпирала дверь, отсчитывала по тысячѣ томовъ, ей отслюнивали тоже тысячи рублей, и она имѣла всѣ основанія объявлять о выходѣ новой книги особыми циркулярами:

— „Въ четвергъ, такого-то числа, въ двѣнадцать часовъ дня, выйдетъ въ свѣтъ VI-й томъ книги „Ключи счастья“. Являться съ веревками и рогожей. Продажа исключительно за наличныя“.

Вербицкая — лучшій показатель русской литературной некультурности. То, что отдѣльныя лица и небольшіе затворническіе кружки являли собой вершины тончайшаго эстетизма, ничего не измѣняетъ въ общей картинѣ. Вспоминается мѣткое замѣчаніе Вячеслава Иванова о двухъ „ярусахъ“ русской культуры. Ихъ было не два, а, по крайней мѣрѣ, три: верхи интеллигенціи, затѣмъ ея масса, потомъ шла чащоба, полу-подвальный этажъ едва хлебнувшихъ, почти совершенно невѣжественныхъ представителей обширной публики. Она ходила въ театръ, она подписывалась на „Ниву“ и „Вѣстникъ Знанія“, читала дешевую и ходкую газету, но между ней и настоящей культурой не было переброшено ни одного моста. Между этажами сообщенія не было, и каждый жилъ своей собственной жизнью, самъ, въ себѣ и для себя, и у каждаго были свои кумиры.

Вербицкая навербовала себѣ паству изъ этихъ полуподваловъ, и здѣсь ей прощалось все. Она обладала исключительнымъ талантомъ вульгаризаціи. На ея страницахъ шла повальная гибель боговъ. Къ чему бы она ни прикоснулась, все меркло и загрязналось. Ей было дано страшное искусство всеопошленія, но и это не вредило, не уменьшало успѣха, не суживало ея читательскаго круга.

Въ этой толщѣ проходила совершенно незамѣченной и пугающая безграмотность Вербицкой. А она писала плохо, на отвратительномъ русскомъ языкѣ, съ ужасающими ошибками. Чуть ли не въ каждой главѣ попадались фразы:

— „Вихремъ страсти охватило его, сметая (!!) на своемъ пути всѣ условности“.

— „Его охватывало безумное желаніе, глядя (!!) на портретъ Маріонъ“. И т. д., и т. д.

И Вербицкая свершала свой путь легко и весело, огражденная надежной защитой читательскаго невѣжества, все время преуспѣвая, годъ отъ году увеличивая тиражъ своихъ книгъ, неизмѣнно повышая ихъ цѣну, — а этихъ книгъ у Вербицкой набралось около 50. Вдругъ пришла революція. Казалось, — наступилъ конецъ и для нея. Ключи счастья были потеряны. О Вербицкой забыли.

Въ сущности, это было бы совершенно естественно. Совѣтская Россія выростила новый литературный „молоднякъ“, и, конечно, тутъ не было ни малѣйшаго намека на графовъ, князей, убійственныхъ брюнетовъ и молодыхъ околоточныхъ. На Вербицкой можно было поставить крестъ и сказать: могила.

Но вдругъ Вербицкая запротестовала. Въ своемъ заявленіи она требовала признанія и реабилитаціи. Съ изумительной развязностью она напоминала о сво-

ихъ заслугахъ, о своемъ сотрудничествѣ въ „толстыхъ марксистскихъ журналахъ“, о своей борьбѣ съ предразсудками, о своей враждѣ къ буржуазіи, о несправедливости и навѣтахъ буржуазной прессы, о преслѣдованіяхъ „Рѣчи“, о походѣ противъ нея реакціонеровъ, — Скворцова въ „Колоколѣ“, Булацеля, Глинки-Янчевскаго, наконецъ, самаго Дубровина. Она взывала къ защитѣ своихъ правъ, и большевики ее услышали, Вербицкую взяли подъ свое покровительство сразу трое „вождей“, — Ольминскій, Воровскій и Луначарскій.

Въ одинъ голосъ съ Вербицкой ея большевицкій заступникъ Ольминскій категорически утверждалъ, что она стала жертвой кадетскаго заговора, что кадеты дали объ этомъ особую директиву, эта „директива была напечатана въ центральномъ органѣ партіи“, и, такимъ образомъ, „травля противъ Вербицкой, поднятая буржуазной печатью, по иниціативѣ газеты „Рѣчь“, укоренилась въ нашемъ сознаніи“.

Къ Ольминскому присоединился Луначарскій, какъ всегда, суетливо, глупо и восторженно.

— Могу сказать не безъ гордости, — писалъ онъ, — что я былъ, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ, который, ничего не зная объ этой статьѣ Ольминскаго, въ большомъ докладѣ — „Ключи счастья“, какъ знаменіе времени“, — въ Женевѣ уже указывалъ на то, какая именно сторона въ творчествѣ Вербицкой оказалась плѣнительной.

А когда Вербицкая оказалась „плѣнительной“ для самого Луначарскаго, дѣло пошло быстрымъ ходомъ, и Воровскій собралъ комиссію изъ 12 —, очевидно, по числу апостоловъ, — литераторовъ-коммунистовъ и заставилъ ихъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ читать

подрядъ всѣ произведенія Вербицкой. Это былъ единственный случай, когда я пожалѣлъ коммунистовъ, и пожалѣлъ напрасно: прочли и одобрили. Воровскій не только купилъ весь книжный складъ Вербицкой, но и заботливо роздалъ его рабочимъ клубамъ и читальнямъ. Вербицкой же любезно позвонилъ и сказалъ:

— Поздравляю съ полной побѣдой! Ваши книги рѣшено переиздать.

Съ перваго взгляда весь этотъ фарсъ можетъ показаться фантасмагоріей.

— Вдругъ „рабоче-крестьянская“ власть беретъ подъ свою высокую руку буржуазную писательницу архи-буржуазнаго происхожденія, дочь помѣщицы, да еще какой: „моя мать была деспотомъ“, — писала сама Вербицкая въ автобіографіи. — А „въ самой аристократической церкви города отецъ поднесъ къ причастію дѣвочку Настю“ т. е. именно ее, Вербицкую, нынѣшнюю создательницу цѣлой галлереи волшебныхъ принцевъ, неотразимыхъ побѣдителей сердецъ. Въ чемъ дѣло, откуда такая милость? Почему понадобилось скупать ея книги, зачѣмъ раздавать ихъ рабочимъ клубамъ? И, собственно, на этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ. Разгадать смыслъ этого кавалерскаго жеста не легко.

Впрочемъ, попытку кое-какого разъясненія можно сдѣлать.

Вѣдь, это для насъ съ вами Вербицкая является олицетвореніемъ пошлости, но развѣ для комсомолки, для героинь, напр., С. Малашкина, Лидина, Никандрова, для всѣхъ этихъ потерянныхъ Тань и Мань, безстыдно пляшущихъ въ полу-голомъ видѣ, развѣ для всей разоблаченной и неразоблаченной совѣтской чу-

баровщины Вербицкая пошла? Конечно, нѣтъ. Не только не пошла, а наоборотъ, — она — примѣръ, поученіе, ходячая мораль, небесная романтика, голубой цвѣтокъ.

Это для насъ съ вами она цинична, плоска, наивна въ своей обнаженной проповѣди, груба и даже непристойна. Но рядомъ съ Коллонтай она — монахиня, воплощенное цѣломудріе, образецъ скромности, и Луначарскій, съ этой точки зрѣнія, правъ, называя ее „идеалисткой въ положительномъ смыслѣ этого слова“.

Большевики не только могли, но были обязаны канонизировать Вербицкую за ея проповѣдь „свободной любви“, безумнаго „сближенія“, за „дивный моментъ высшаго напряженія, которое сольетъ тѣла въ прекрасный аккордъ“, и, особенно, за то, что она всегда учила тому, что такъ хорошо усвоили себѣ молодые комсомольцы, всѣ совѣтскіе „ребята“, ихъ „братва“ и „дѣвицы“:

— Душу свою не отдавайте любви. Берите любовь тѣла. Пройдетъ одна, придетъ другая. Порывъ живетъ мигъ. Надо побѣдить самое страшное — нашу женственность...

Вербицкая учила, Луначарскіе осуществили, и сама справедливость требовала, чтобы этой женщинѣ было воздано по заслугамъ.

И ей воздали.

Извратители духа.

Разсказъ называется „Безъ языка“, — о мытарствѣ совѣтской гражданки, тщетно разыскивающей въ Москвѣ „высшія художественно-техническія мастерскія“. Ихъ никто не знаетъ, а сама она не догадалась, что это — „Вхутемас“. Теперь тамъ не языкъ, а какой-то шифръ и загадочный кодъ: „гау“, „гвіу“, „обмоку“, „псу“. Простыхъ словъ никто не понимаетъ.

Русскій языкъ изуродованъ и искалѣченъ. Онъ убитъ канцелярщиной, задушенъ партійной книжностью, обезличенъ и зараженъ. Значительная часть нынѣшняго лексикона совершенно недоступна пониманію.

Что такое „персимфанс“? Какой свѣжій человѣкъ можетъ объяснить, что значитъ „опояз“? Мыслимо ли сразу перевести и понять „мюд“, или, напр., какую-то „олю“? Что это за „оля“? Оказывается — отдѣленіе литературы и языка на — „фоне“. Тутъ возникаетъ уже новый вопросъ: что такое „фон“? А „фон“, это — факультетъ общественныхъ наукъ и т. д., и т. д. Какіе-то ребусы. Разгадавшимъ давно слѣдовало бы выдавать преміи.

СССР именуетъ себя „рабоче-крестьянской“ республикой. Казалось бы, одно это должно обязывать къ

простотѣ, ясности и общедоступности словаря. Но никогда еще русскій языкъ не испытывалъ такого засилья иностранщины, какъ сейчасъ.

Всѣ стараются „свою образованность показать“, и ораторы, и газеты, и декреты глушатъ и пугаютъ загадочными словами, — „дауэсизація“, „диспропорція“, „рентабельность“, „дезавуировать“, „станціонарка“, „шефированіе“, „унфуг“ и т. д.

Хотѣлъ бы я увидѣть такого крестьянина „отъ“ сохи, или рабочаго „отъ“ станка, которые „въ общемъ и цѣломъ“ что-нибудь могутъ понять въ этомъ надутомъ, зашифрованномъ словарѣ, со всякими „люмпенами“, „модусами“, и „дискредитаціями“. А эта мудрящая запутанность языка стала повальной модой.

Плывущая сверху, эта зараза охватила всю страну. Даже самый захудалый „местком“, старается выражаться „по-ученому“. Появился особый пикъ говорить такъ, чтобы слушатели разинули рты и зачесали въ затылкахъ. На собраніи, въ глушайшей Введенской слободѣ, гдѣ-то въ Свіяжской волости „Татреспублики“ вынесли такую резолюцію:

— Мы, молодежь, принимая во вниманіе всѣ эти серьезные тенденціи и проэкты, хоть минимумъ, но направлены стремиться серьезно обдумывая къ сему интенсивно преодолѣвая старые, закоренѣлые виды, должны идти принципіально впередъ, пробуждаясь отъ вѣчной спячки и апатичности, форсируя вліяніе въ крови, ярко стражающей добрые прогрессы и инициативы, хоть медленно шагъ за шагомъ удаляясь отъ старыхъ и хотя гнилыхъ отрыжковъ и отрослей“. (А. Селищевъ. Языкъ революціонной эпохи. Москва. 1928.). Какой-то ужасный наборъ словъ, несусвѣтная чушь, горемычная непонятица, зато и „прогрессы“, и „инициативы“, и „тенденціи“, хотя и „отрыжковъ“, а въ общемъ — „ничего неизвѣстно“.

Откуда же пошелъ этотъ сумбуръ?

Конечно, изъ революціоннаго подполья, изъ „дискуссій“ въ заграничныхъ кафе. Особенно постарался тутъ Ленинъ. Даже книги, выпущенныя въ СССР, этого не скрываютъ:

— „Изъ индивидуальныхъ воздѣйствій отразилось сильное вліяніе особенностей рѣчи Ленина“.

Но языкъ испоганивается не только сокращеніями, не только путанной иностранщиной, но и распоясшейся и распухшей грубостью. Торжествуетъ „блатная музыка“: „шпана, трепачи, бузотеры, на легкомъ катерѣ“... Трудно и гнусно слышать эти нелѣпые, идіотскіе „пьянки“, „деляки“, „сдюжить“, „балешникъ“, „голоснуть“, „склочникъ“, „хай“ (крикъ), „перло“, „матъ“.

Иныя слова немыслимо даже разгадать. Для этого надо съ ними сжиться, — съ ними и съ ихъ создавшей средой. Не угодно ли объяснить, что такое „хурдачить“, или „шанить“, „спудились“, „затырить“, „шалай“, „бухтить“, „шпаллеръ“?

Но тутъ мы переходимъ уже къ чисто воровскому языку.

Прежде онъ былъ достояніемъ профессіоналовъ. На немъ изъяснялись преступники, и это было тоже своего рода подполье. Теперь „блатный“ жаргонъ вышелъ на улицу, разлился, проникъ въ общій, повседневный обиходъ, и сейчасъ на каждомъ шагу вы можете услышать такія выраженія, какъ „не заправлять вальта“, „зекайте“, „мотать шпули“, „шпингалетъ“, „канай“, „дзэтъ“, „кималить“, „фрайеръ“, „засыпался“, „стремъ“, „лѣзть

въ пузырь", „фартануло", „забурѣть", „перо" (ножъ), „самотекомъ", „фик-та", „шкетъ", „крутить вола", „затыриться" и даже „ша": „Алеша-ша". И этотъ „Алеша-ша" фигурируетъ не только въ кафешантанной пѣсенкѣ („Алеша-ша, возьми полтономъ ниже, брось арапа заправлять"), но и встрѣчается, какъ подпись собственныхъ корреспондентовъ въ совѣтскихъ газетахъ „Молодой Ленинецъ" и даже „Правда". И это тоже — естественный плодъ и результатъ революціи и ея „вождей".

То, что прежде являлось признакомъ воровского профессіонализма, скрывалось, было словаремъ узкой группы, теперь торжествующе объявилось, встало во весь ростъ, расплескалось заразной волной.

Немудрено: „вожди" хотѣли говорить съ массами. Они искали популярности. Къ сожалѣнію, они очень плохо знали русскій языкъ. Заграничное кафе — не „оля" на „фоне", и потому они искренне полагали, что настоящій русскій, кондовый языкъ тѣмъ убѣдительнѣй и ярче, чѣмъ забористѣй. Такъ, вмѣсто обще-русскаго словаря, появилась „блатная музыка", — лексиконъ жуликовъ, поганый, воровской словарь, требующій тоже своихъ отмычекъ.

И, вотъ, языкъ окрасился не только темными цвѣтами, загадками, впиталъ въ себя какое-то обломное начало, сталъ невнятнымъ, но и сокрушительнымъ, — онъ пріобрѣлъ еще и какой-то подловатый характеръ съ неумной ухмылочкой, гадкимъ подмигиваніемъ, скверной подножкой, индюшечьимъ презрѣніемъ, уменьшительными словечками. Въ рѣчахъ, въ статьяхъ, въ воззваніяхъ, публичныхъ спорахъ мелькаютъ, сѣются и подкапливаютъ „слушки", „шопотки", „грушки", „вопросцы", „подходцы", „программки", „хозяйчики", какіе-то „грызики" и даже „фракційки".

И всю эту хитренькую и ласкательную словесную паутину развелъ тоже Ленинъ. Это, по его мнѣнію, было средствомъ выраженія „революціонной эмоціональности". Уже за нимъ, слѣдъ въ слѣдъ, поплелись и забормотали, какъ попугаи, всѣ Зиновьевы, Томскіе, Бухарины и Шафиры, „Извѣстія" и „Правды".

Вообще никто не принесъ такого исключительнаго вреда языку, какъ Ленинъ. Никто такъ систематически не поганилъ его, какъ этотъ тупой и на рѣдкость глухой человѣкъ, монгольскій царекъ съ марксистскимъ тавромъ. Это отъ него пошли и эти уменьшительныя слова съ подлинкой, и ребусы сокращеній, и туманная иноземщина, и поддѣлка подъ... церковный славянизмъ. Это отъ него поплыли „кои", „ике", „сей", „ибо", „сугубо", „грядетъ", „уготовать", „всуе". Но и эти слова имъ неизмѣнно употреблялись не кстати, въ грубое нарушеніе общаго смысловаго и рѣчеваго стиля, способствуя все большему и большему уродству языка, его затемненію и засоренію.

Какъ онъ самъ, его статьи, его рѣчи были тоже помѣсью нѣмецкаго съ симбирскимъ, Маркса съ ханомъ, Европы съ ордой.

Это имъ отлиты, отбиты, обколочены эти надоѣвшіе шаблоны, эти глупыя выраженія — „хищники имперіализма", „активистъ", „кампаніи", „даешь" (даешь Китай, даешь повышеніе), „согласовать", „использовывать", „дѣлячество", „очковтирательство" и т. д., и т. д.

Какимъ занятнымъ дѣломъ могло бы стать изученіе ленинскаго стиля и лексикона: ничего болѣе убогаго нельзя было бы найти.

Его шаблонный умъ создалъ шаблонный языкъ, а этотъ языкъ сталъ шаблонной модой, скучнѣйшимъ изъ штамповъ, отвратительнымъ образцомъ того, какъ не надо говорить по русски, какъ не слѣдуетъ писать.

Говорю совершенно серьезно и искренно:

— Изъ всѣхъ русскихъ публицистовъ я не знаю ни одного, кто бы могъ конкурировать съ Ленинымъ по литературной бездарности, — такъ онъ стилистически скуденъ, лексиконно нищъ, трафаретенъ, скученъ до тоски, однообразенъ, какъ замерзшая пустыня.

О его литературномъ безвкусіи нечего вспоминать. Для этого можно даже не изучать самого Ленина: достаточно ознакомиться съ его школой, съ этими послѣдователями и учениками, со всѣмъ тѣмъ, что онъ насадилъ и взростилъ, — всѣ эти словесные плевелы, этотъ иностранный чертополохъ, эту дикую, всеумерщвляющую нѣмоту канцелярскаго ужасающаго писательства.

Всѣ стали писать безграмотно, — на неизвѣстномъ языкѣ.

Молчаливой Россіи революція разверзла уста. Можно было думать, что — вотъ-вотъ — настанетъ эпоха россійскихъ цицероновъ. На дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое: Россія по-русски разучилась говорить. Теперь тамъ въ повседневномъ ходу такія фразы:

— Партійный съѣздъ долженъ въ первую голову (!) вырѣшить (!) этотъ вопросъ.

Безнадежный глухарь Ленинъ писалъ такъ:

— „Высвобождаться изъ-подъ царящаго разгула“.

Такой исключительной безграмотности не выдумаешь даже нарочно: что ни слово — то ухабъ, ошибка, преступленіе противъ языка. Всѣ три слова не точны, соединены неправильно, нарушаютъ духъ языка. У Ленина вообще нѣтъ лексикона. Если въ его слухъ попадало какое-нибудь слово, онъ становился его рабомъ, тѣмъ болѣе охотно, чѣмъ оно было уродливѣй. И поэтому у него повсюду:

— „Требовать высвобожденія изъ-подъ гнета“.

Затѣмъ:

— „Высвобожденіе пролетарской линіи изъ мелко буржуазнаго угара“.

Вдумайтесь въ эту фразу, гдѣ большевицкій вождь „высвобождаетъ“ отъ угара линію! Рѣшите сами: возможна ли большая глухота къ языку и стилю?

А за Ленинымъ это „высвобожденіе“ пошло и запрыгало повсюду, у всѣхъ, по всѣмъ газетамъ, во всѣхъ рѣчахъ и потянуло за собой такихъ новорожденныхъ уродцевъ, какъ „срабоченіе“, „окомсомоливаніе“, „опіонериться“, „обольшевиченіе“.

Теперь въ СССР стали говорить: „зачитать (прочесть) наказъ“, „зачитываю отрывокъ“, „голосни“, „регулынуть“, „мобилизнуть“, „читануть“, „ликвиднуть“ и, наконецъ „протокольнуть“.

Происходитъ страшный процессъ рѣчевого опошлѣнія.

На трибунѣ, въ печати, на засѣданіяхъ полуграмотные люди насаждаютъ ископаемыя, заимствованныя, чужія, ненужныя слова, и они, кувыркаясь по ступенькамъ лѣстницы, обтрепываясь и искажаясь, докатываются до низовъ, и піонеры превращаются въ „пинанеровъ“, спектакль въ „спертакъ“, трестъ въ „трескъ“, рабфакъ во „фракъ“ и даже бумажныя деньги въ загадочное „тыпю“, а рабскія руки покорно выводятъ:

— „Слоняется голодовка; въ насъ слыхи цыркулируютъ“.

И, конечно, вездѣ „товарищъ“, „товарочка“.

Это уродство, эта словесная невразумительность, эти пугающія гримасы языка, эти идіотскія сокращенія такъ утомили, такъ надоѣли, такъ безполезны, что не только старики, но и рабочая молодежь „слушаетъ и засыпаетъ“, или, махнувъ рукой, говоритъ:

— Пойти лучше спать, а то завтра рано вставать.

Не только обыватели, но и правительственныя учрежденія возстали противъ этой безсмыслицы, этихъ словесныхъ ребусовъ, и первымъ запротестовалъ наркомъ почты и телеграфа. Онъ заявилъ, что не будетъ признавать даже „желдоров“, „абонплат“ и „госбанков“, что это просто изувѣченныя слова, искаженія, посѣянныя истинными извратителями русскаго языка. И объ этомъ же давно поютъ частушки:

Отъ обѣда въ главстоловкѣ
Главжелудокъ бѣсится,
Дайте, дайте главверевку,
Чтобы главповѣситься.

Увы! Все это не такъ просто, какъ кажется. Языкъ — выразитель народнаго духа. Если падаетъ, испоганивается слово, значитъ, весь народъ переживаетъ эпоху своего упадка и растлѣнія.

Насажденіе чуждыхъ словъ и понятій обозначаетъ чуждый духъ, опредѣляетъ и власть, тоже какъ навязанную и чуждую.

Эти сокращенія безъ нужды знаменуютъ неоправдываемую общую нервность, ненужный спѣхъ, бѣгъ въ колесѣ, праздную, изнуряющую суету.

Отрубѣніе словаря символизируетъ отрубѣніе нравовъ, а распространеніе воровского жаргона говоритъ о природѣ самой власти, ея завѣтовъ и лозунговъ, ея программы и практики, ея вождей и руководителей.